

ISSN 2949-5016 (print)
ISSN 2949-5008 (online)

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Russian Studies in Philology
Otechestvennaya filologiya

*245 лет
со дня рождения
А. Х. Востокова*

«ТЕРПЕНИЕМ СТЯЖАЙ НАУКУ...»
АЛЕКСАНДР ХРИСТОФОРОВИЧ ВОСТОКОВ
И ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ
(К 245-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
В НАУЧНОЙ ПРОЗЕ А. Х. ВОСТОКОВА

АКАДЕМИЯ И УНИВЕРСИТЕТ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА А. Х. ВОСТОКОВА

2026 / № 3

ISSN 2949-5016 (print)

2026 / № 3

ISSN 2949-5008 (online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Русская филология

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Отечественная филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Russian Studies in Philology" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2949-5016 (print)

2026 / № 3

ISSN 2949-5008 (online)

RUSSIAN STUDIES IN PHILOLOGY

Учредитель журнала «Отечественная филология»:
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 6 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Тирадо Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);

Киселева И. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

Рецензируемый научный журнал «Отечественная филология» — печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений, изучение теории литературы).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Отечественная филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Отечественная филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philologymgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Отечественная филология» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Отечественная филология. — 2026. — № 3. — 166 с.

© Государственный университет просвещения, 2026.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philologymgou.ru

**Founder of the journal "Russian Studies in Philology":
Federal State University of Education**

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Russian Studies in Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works, study of theory of literature).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Russian Studies in Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Studies in Philology" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philologymgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Russian Studies in Philology. – 2026. – No. 3. – 166 p.

© Federal State University of Education, 2026.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.philologymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

245 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Х. ВОСТОКОВА

Представляем тему номера.	6
<i>Никитин О. В.</i> «Терпением стяжай науку...» Александр Христофорович Востоков и его лингвистические искания (к 245-летию со дня рождения)	8
<i>Орехова Е. Н., Топтыгина О. Н.</i> Субъективная модальность в научной прозе А. Х. Востокова	27
<i>Учайкина Е. В.</i> Академия и Университет в языковой картине мира А. Х. Востокова ..	37

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Глазкова Е. А.</i> О специфике инженерного дискурса	43
<i>Куличева Е. В.</i> Фразеологизмы с компонентами <i>дух, душа</i> в прозе 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой.	57
<i>Тлеугабылова Н. Е.</i> Перлокутивный эффект в художественном дискурсе романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева: межпоколенческий диалог	70
<i>Чжао Т., Попова Л. В.</i> Редупликация существительных в русском и китайском языках: лексический аспект.	81

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Джанумов С. А.</i> Пословицы и поговорки в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»	94
<i>Кива М.</i> Неизвестные строфы В. К. Кюхельбекера о Наполеоне	107
<i>Поташова К. А.</i> Лирический универсум Н. И. Гнедича в оценках Ю. Н. Тынянова, В. Ф. Ходасевича, В. В. Вересаева	113
<i>Смирнова И. Ю.</i> Воспитание, развлечение и часть жизни: круг чтения А. И. Эртеля и героев его произведений	124
<i>Червоненко С. М.</i> Проблема становления личности в переломную эпоху по роману А. Н. Толстого «Пётр Первый» (на примере стольника Василия Волкова)	136
<i>Чжан Цзясинь, Лю Линъюй.</i> Новый историзм в интерпретации романов Г. Яхиной. .	146

РЕЦЕНЗИИ

<i>Колесникова С. М.</i> Рецензия на коллективную монографию «Ради жизни на Земле: филологическое исследование текстов произведений о Великой Отечественной войне». М.: Государственный университет просвещения, 2025. 266 с.	157
--	-----

<i>Шевцова (Щеблыкина) Л. И.</i> Памяти профессора Ивана Павловича Щеблыкина	160
--	-----

CONTENTS

245TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A. Kh. VOSTOKOV

Introducing the Theme of the Issue.	6
<i>O. Nikitin</i> . “It is through Patience That You Attain Science”. Alexander Khristoforovich Vostokov and His Linguistic Pursuits (On the 245th Anniversary of His Birth).	8
<i>E. Orekhova, O. Toptygina</i> . Subjective Modality in A. Kh. Vostokov’s Scientific Prose	27
<i>E. Uchaikina</i> . The Concepts of <i>Academy</i> and <i>University</i> in A. Kh. Vostokov’s Linguistic Worldview	37

LINGUISTIC STUDIES

<i>E. Glazkova</i> . On the Specifics of Engineering Discourse	43
<i>E. Kulicheva</i> . Phraseological Units with the Components <i>Duh, Dusha</i> (<i>Spirit, Soul</i>) in the Prose of 1950–1960 by F. A. Vigdorova.	57
<i>N. Tleugabilova</i> . Perlocutionary Effect in the Artistic Discourse of I. S. Turgenev’s Novel “Fathers and Children”: Intergenerational Dialogue	70
<i>Zhao T., L. Popova</i> . Reduplication of Nouns in Russian and Chinese: A Lexical Aspect	81

LITERARY STUDIES

<i>S. Dzhanumov</i> . Proverbs and Sayings in N. V. Gogol’s Book “Selected Passages from Correspondence with Friends”	94
<i>M. Kiva</i> . V. K. Kuchelbecker’s Unknown Stanzas about Napoleon.	107
<i>K. Potashova</i> . N. I. Gnedich’s Lyrical Universe in the Assessments of Yu. N. Tynyanov, V. F. Khodasevich, and V. V. Veresaev	113
<i>I. Smirnova</i> . Education, Entertainment, and a Part of Life: The Reading Circle of A. I. Ertel and the Heroes of His Works	124
<i>S. Chervonenko</i> . The Problem of Personality Formation During Pivotal Era on Example of A. N. Tolstoy’s Novel “Peter the Great”	136
<i>Zhang Jiaxin, Liu Lingyu</i> . The Interpretation of Neo-Historicism in Yakhina’s Novels.	146

REVIEWS

<i>S. Kolesnikova</i> . Review of the Collective Monograph “For Life on Earth: A Philological Study of the Texts of Works about the Great Patriotic War.” Moscow: Federal State University of Education publ., 2025	157
<i>L. Shevtsova (Shcheblykina)</i> . In memory of Prof. Ivan Pavlovich Shcheblykin.	160

245 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Х. ВОСТОКОВА

27 марта 2026 года исполнилось 245 лет со дня рождения Александра Христофоровича Востокова (нем. Alexander Woldemar Osteneck; 16 [27] марта 1781 – 8 [20] февраля 1864) – одного из основателей русской научной филологии, основоположника сравнительно-исторической грамматики, автора словаря церковнославянского языка, блестящего знатока древних письменных памятников, создателя грамматики русского языка, долгое время служившей школьным учебником, палеографа, археографа, талантливого поэта и теоретика стихосложения, переводчика. Его труды по грамматике, истории языка и древнерусской письменности заложили основы отечественного языкознания и текстологии. Нельзя забывать о вкладе учёного в исследование текста памятника «Слово о полку Игореве».

Юбилей Востокова – это повод обратиться к истокам филологической науки и вспомнить учёного, чья деятельность определила направление развития русской лингвистической традиции.

На страницах нашего журнала помещены статьи учёных, посвящённые, во-первых, анализу эпистолярного и научного наследия А. Х. Востокова, в котором биографические факты соотносятся с лингвистическими идеями и открытиями, выявлению наиболее ценных достижений учёного в компаративистике и лексикографии, характеристике исторического места его личности в формировании отечественной языковедческой традиции;

во-вторых, обоснованию стилеобразующего и текстообразующего потенциала категории субъективной модальности в научной прозе А. Х. Востокова, выделению продуктивных субъективных значений в модальном поле изучаемых текстов, характеристике групп модальных операторов, с помощью которых вербализуется субъективное отношение автора – создателя научного произведения;

в-третьих, выявлению особенностей репрезентации концептов *Академия* и *Университет* в языковой картине мира А. Х. Востокова и определению их роли в организации научного знания.

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка имени профессора П. А. Леанты
Государственного университета просвещения,
академик Международной академии наук педагогического образования,
Отличник просвещения, главный редактор
научного журнала «Отечественная филология»*

Научная статья

УДК 81-112

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-8-26

«ТЕРПЕНИЕМ СТЯЖАЙ НАУКУ...»

АЛЕКСАНДР ХРИСТОФОРОВИЧ ВОСТОКОВ И ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ (К 245-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Никитин О. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: olnikitin@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.03.2026

Принята к публикации 19.03.2026

Аннотация

Цель. Проанализировать эпистолярное и научное наследие А. Х. Востокова с целью рецепции его идей в современной лингвистической теории и практике, выявить наиболее ценные достижения учёного в компаративистике и лексикографии, определить историческое место его личности в формировании отечественной языковедческой традиции.

Процедура и методы. Биографические факты соотносятся с научными идеями и открытиями. На основе редких документов описаны филологические искания учёного, которые шли в русле нового направления в лингвистике – компаративистики. Указываются отличия русской ветви сравнительно-исторического языкознания от западноевропейской. Отмечается самобытность творчества А. Х. Востокова, опережавшего своё время. Подчёркивается, что несмотря на невозможность занятий преподавательской работой, учёный подготовил несколько грамматик, ориентированных на практическое изучение языка. Говорится об особом интересе лингвиста к проблеме источниковедения. Характеризуется его вклад в словарное дело. Анализируются забытые труды А. Х. Востокова по славистике. В процессе исследования применяются филологический, сравнительно-исторический, описательный, лексикографический, лингвоперсонологический методы.

Результаты. Привлечены новые источники и переосмыслены идеи А. Х. Востокова по широкому спектру филологических проблем. Основной акцент делается на необходимости изучения архива учёного и его наследия в филологическом и культурно-историческом отношениях. Исследование доказывает актуальность лингвистического богатства А. Х. Востокова в современном языкознании.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленный в статье материал уточняет проблематику сравнительно-исторического языкознания, акцентирует внимание на малоизвестных теоретических подходах и достижениях А. Х. Востокова, получивших позднее развитие в лингвистике XIX–XX вв. В контексте практического применения особенно важны разработки учёного в области лексикографического описания языка и его интерес к изучению письменных памятников. В этом смысле идеи и методологические подходы А. Х. Востокова могут использоваться в лингвистическом источниковедении, палеославистике, словарной и архивной практиках.

Ключевые слова: грамматика, история лингвистических учений, лексикография, памятники письменности, славистика, сравнительно-историческое языкознание, этимология, языковая личность

Для цитирования:

Никитин О. В. «Терпением стяжай науку...» Александр Христофорович Востоков и его лингвистические искания (к 245-летию со дня рождения) // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 8–26. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-8-26>.

Original research article

“IT IS THROUGH PATIENCE THAT YOU ATTAIN SCIENCE...”

ALEXANDER KHRISTOFOROVICH VOSTOKOV AND HIS LINGUISTIC PURSUITS (ON THE 245TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

O. Nikitin

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: olnikitin@yandex.ru

Received by the editorial office 10.03.2026

Accepted for publication 19.03.2026

Abstract

Alm. To analyse the epistolary and scientific heritage of A. Kh. Vostokov to receive his ideas in modern linguistic theory and practice, to identify the most valuable achievements of the scientist in comparative studies and lexicography, to determine the historical place of his personality in the formation of the national linguistic tradition.

Methodology. Biographical facts correlate with scientific ideas and discoveries. Based on rare documents, the philological searches of the scientist are described, which were in line with a new trend in linguistics – comparative studies. It talks about the differences between the Russian and Western European branches of comparative historical linguistics. The originality of A. Kh. Vostokov's innovative work is noted. It is emphasized that despite the impossibility of teaching, the scientist has prepared several grammars focused on practical language learning. It is said that the linguist has a special interest in the problem of source studies. His contribution to lexicography is noted. The article analyses the forgotten works of A. Kh. Vostokov on Slavic studies. The research uses philological, comparative-historical, descriptive, lexicographic and linguo-personological methods.

Results. New sources are involved and the ideas of A. Kh. Vostokov on a wide range of philological problems are rethought. The main emphasis is placed on the need to study the archive of the scientist and his legacy in philological and cultural-historical relations. The study proves the relevance of A. Kh. Vostokov's linguistic wealth in the modern linguistics.

Research implications. The material presented in the article clarifies the problems of comparative historical linguistics, focuses on the little-known theoretical approaches and achievements of A. Kh. Vostokov, which were later developed in linguistics of the 19th–20th centuries. In the context of practical application, the scientist's developments in the field of lexicographic description of language and his interest in the study of written monuments are especially important. In this sense the ideas and methodological approaches of A. Kh. Vostokov can be used in linguistic source studies, paleoslavistics, vocabulary and archival practices.

Keywords: history of linguistic studies, comparative historical linguistics, Slavic studies, lexicography, etymology, manuscript sources, grammar, linguistic personality

For citation:

Nikitin, O. V. (2026). “It is through Patience That You Attain Science”. Alexander Khristoforovich Vostokov and His Linguistic Pursuits (On the 245th Anniversary of His Birth). In: *Russian Studies in Philology*, 3, 8–26. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-8-26>.

Введение

Удивительная личность Александра Христофоровича Востокова (1781–1864), самобытного филолога, поэта, тонко чувствовавшего интонацию слова, и славы, влюблённого в древние памятники

письменности, и сейчас вызывает интерес у исследователей. Одной из причин этого является многогранность языковой личности учёного, словно перескочившего из «философического» восемнадцатого века в лингвистический девятнадцатый. Он при

всей своей природной скромности смог показать возможности филологической науки как главной духовной нити русской истории, связал её генетические корни с культурным наследием. От А. Х. Востокова расходятся благодатные тропинки во многие отрасли знания: от стиховедения и фольклористики до теории и практики грамматических учений, лексикографии, диалектологии, палеославистики, этимологии. Во всех отмеченных областях он был первопроходцем, если не считать грамматический век Адогурова – Ломоносова – Барсова, заложивших фундамент этой науки как новый лингвистический закон. Гениальной интуицией, огромным трудолюбием и включённостью в основные события золотого века русской филологии А. Х. Востоков нащупал самое главное: *исторический* подход к анализу языковых явлений стал стержневым методом новой эпохи. Всё или почти всё у него проходит через это осмысление текста – памятника – словесного пространства.

Рис. 1 / Fig. 1. А. Г. Варнек. Портрет А. Х. Востокова (1804) / A. Kh. Vostokov. Portrait by A. G. Varnek (1804)

Источник: Воскресный день [Электронный ресурс]. URL: <https://vsdn.ru/museum/catalogue/exhibit12612.htm> (дата обращения: 09.02.2026).

Между тем в лингвистическом наследии А. Х. Востокова для нас много любопытного. Прежде всего он интересен как славист-компаративист, проникший в

древности («Остромирово Евангелие») и установивший ряд звуковых и морфологических открытий, которыми пользуются и в XXI в. Его тщание к созданию научной лексикографии поражает. Здесь он выступил родоначальником трёх лингвистических течений: учёный стоял у истоков создания диалектных, исторических и этимологических словарей русского языка. Грамматические штудии А. Х. Востокова менее заметны на фоне его крупных достижений в сравнительно-историческом языкознании, но они значимы как факты лингвометодической традиции. В то время, когда А. Х. Востоков создавал свои учебники, ещё происходила педагогическая борьба между старым, «греческим» (как в шутку называли Н. И. Греча и его взгляд на практическую грамматику), подходом с его логицизмом и оторванностью от исторических корней и новым – буславским, показавшим иные возможности изучения языка как историко-культурного феномена.

Кроме того, архивное наследие А. Х. Востокова в том виде, в котором его описали И. И. Срезневский и В. И. Срезневский [1], до сих пор находится под спудом забвения и практически никак не исследовано. В нём-то и кроется ещё одна филологическая тайна патриарха славистики, раскрыть которую предстоит нынешнему или будущему поколению филологов (мы имеем в виду фундаментальный этимологический словарь, оставшийся в рукописи, и другие весьма интересные работы учёного, свидетельствующие об энциклопедичности и неординарности его языковой личности, откликавшейся на всё необычное, новое).

В кратком очерке мы расскажем о тех идеях и достижениях А. Х. Востокова, которые и ныне могут вызвать интерес у просвещённой аудитории. Как бы далеко от нас ни находился легендарный филолог, его время пересекается с нашим, и эта герменевтика воспитывает в нас не только чувство безмерного уважения к первопроходцам, но и помогает нам сохранить культурную традицию. Пока живут в памяти А. Х. Востоков, И. И. Срез-

невский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Д. Н. Ушаков, А. М. Селищев и другие подвижники, не прервётся связь времён – мы будем ощущать себя по духу русскими людьми и не потеряем своего национально-лингвистического кода – языка.

Рис. 2 / Fig. 2. К. П. Беггров. Портрет А. Х. Востокова (1824) с рисунка художника М. И. Белоусова (1821) / A. Kh. Vostokov. Portrait by K. P. Beggrov (1824) based on a drawing by M. I. Belousov (1821)

Источник: Виртуальный русский музей [Электронный ресурс]. <https://ruseumvrm.ru/data/collections/engraving/gr.-24697/index.php> (дата обращения: 09.02.2026).

Парадоксы биографии А. Х. Востокова: лингвистические реминисценции

Необычная судьба А. Х. Востокова как будто уже предопределила его будущее... «До 7 лет возраста моего, – писал он, – я не имел фамилии (будучи незаконнорождённым). Перед отправлением меня из Ревеля, где я жил, в Петербург придумали мне фамилию; er soll Osteneck heissen: так написано было в письме, которое получила воспитательница моя от отца моего из Аренсбурга. Не знаю, почему-то эта фамилия мне с самого начала не понравилась [,] и я никогда не мог к ней привыкнуть. Сие было главною причиною, побудившею меня издать в свет первые сочинения мои под вымышленным прозванием Востоков» [1, с. 40]. Однако путь к «русскому Востокову» оказался не таким простым: учёный колебался и не сразу пришёл к согласию изменить фамилию.

Вот как он об этом вспоминал: «Я продолжал, однако ж, ещё долго после того и в житейских отношениях, и в делах службы прозываться по-прежнему Остенеком, не осмеливаясь сам собою переменить фамилии. Но вымышленная мною для сочинений моих русская фамилия мало-помалу совсем вытеснила из употребления немецкую, так что меня даже и по гражданской службе в комиссии составления законов стали писать Востоковым. Тогда уже и я сам не усумнился обменять немецкую вымышленную фамилию, к коей ничто меня не привязывало, на русскую, под коею я стал известен...» [1, с. 40].

Начальные годы жизни и деятельности А. Х. Востокова были связаны не с филологией: в 1788–1794 гг. он обучался в Сухопутном кадетском корпусе, а затем – архитектуре в Академии художеств «и выпущен оттуда в 1800 г. с оставлением при Академии на три года пансионером для усовершенствования в художестве своём» [1, с. 47]. При этом В. И. Срезневский подчёркивал, что А. Х. Востоков «имел однако же всегда более охоты к словесным наукам» [1, с. 47]. Поэтому позднее определился «под-библиотекарем и переводчиком» [1, с. 47].

Любопытный факт находим в его дневниковых записях кадетского времени. Оказывается, А. Х. Востоков «со товарищи» придумали свой тайный язык и использовали его в переписке и общении (см. примечания В. И. Срезневского: [1, с. 16]). Там же мы встречаем слово *остенекизм*: «В рекреационном зале... ходим с Ивановым во время обедни и полагаем начало остенекизму»¹ [1, с. 16]. В примечаниях В. И. Срезневский раскрыл этот лингвистический парадокс: «Слово “остенекизм” несомненно образовано от юношеской фамилии Востокова. Не берясь объяснить значения этого слова, считаю не лишним привести касающийся “остенекизма” или “утфипилизма” (так это слово изображалось в тайнописи) отрывок из письма Иванова к Востокову (хранится в библи-

¹ В подлиннике написано: утфипилизму; первая часть слова, очевидно, скрыта обычной тайнописью (примечание В. И. Срезневского. – О. Н.).

отеке Императорской академии наук): «С недавнего времени, читаем в письме, по случаю возымел причину опасаться нашего утфипилизму [...] особенно когда дело касается до чего-нибудь такого!! Ныне во всем наблюдается строгое смотрение, посылки на почте расширяются и осматриваются, нет ли чего-нибудь запрещенного и так надобно остеречь... ох! Окарауливаться. Советую тебе кзишь (т. е. зжечь) мои и прошу позволения гюшисфох (т. е. вычертить) в твоих то, что мне захочется» (1800 г. 23 апреля)» [1, с. 62].

Сквозь строки лингвистических признаний юного А. Х. Востокова звучит и личная неудовлетворённость. Поиск своего пути был сопряжён для него с большими испытаниями. Он откровенно об этом писал в дневнике 1795 г.: «Август. Сентябрь. Октябрь. Ноябрь. Декабрь. Предавшись ремеслу архитектурному, я прозябал. Может быть, для того судьба оставляла меня так долго в сем бездействии и чувственной дремоте, чтобы приуготовлять к живейшим душевным наслаждениям. Много терпел прискорбного от окружающих меня людей и учился терпеть. – Учился терпеть, потому что не имел друзей и должен был заключать в себе грусть свою и радость» [1, с. 12–13].

Ещё в годы кадетства он начал сочинять стихи. В. И. Срезневский отмечал, что учитель русского языка и литературы в первом кадетском корпусе П. С. Железников «имел большое влияние на Востокова своею любовью к занятиям словесностью» [1, с. 51]. Филологическая же биография А. Х. Востокова началась с «Опытов лирических и других мелких сочинений в стихах...» (1805–1806), где он проявил свой поэтический дар. Позднее учёный изложил теоретические наблюдения в книге «Опыт о русском стихосложении» (2-е изд., 1817), которую надо признать одной из первых успешных попыток с литературоведческой стороны описать поэтику стиха.

И далее А. Х. Востоков не бросал занятий творчеством, где находил отдохновение своей филологической лире, в которой

умещались очень разные и притом оригинальные открытия: от «Рассуждения о славянском языке, служащего введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго письменным памятникам» (1820) до переводов сербских песен, помещённых в «Северных цветах» в 1825 и 1826 гг. [1, с. 44], грамматик и словарей.

Рис. 3 / Fig. 3. Александр Востоков. Рисунок А. С. Пушкина на списке стихотворения «Дар напрасный, дар случайный...» (1828) / Alexander Vostokov. Drawing by A. S. Pushkin on a copy of the poem “A Vain Gift, a Random Gift...” (1828)

Источник: Несториана [Электронный ресурс]. URL: <https://nestoriana.wordpress.com/2013/04/12/neverbalniy-pushkin> (дата обращения: 09.02.2026).

Этимологические искания и другие лексикографические эксперименты А. Х. Востокова

В изданных В. И. Срезневским «Заметках А. Х. Востокова о его жизни» мы нашли интересные биографические сюжеты, рассказывающие о первых шагах будущего учёного на ниве филологии. Так, в феврале 1794 г. юный А. Х. Востоков «Брал у Железникова италийскую грамматику и твердил из неё кое-что» [1, с. 11], в январе 1795 г. – «занимаюсь переводами с французского» [1, с. 12]. В дневнике за май 1807 г. А. Х. Востоков записал: «С 13-го в понедельник стал ходить в Архив сенатской» [1, с. 22]. В мае 1808 г. он сделал такую помету: «В сем месяце начал приводить в порядок *Этимологическое словоросписание*. ... 31-го в воскресенье дописал лите-ру д; в тот же день и е. ... Июнь. ... 19-го в пятницу дописал лит[еры] ж, з, и *Этимолог[ического] словоросписания*» [1,

с. 24–25]. И далее, в июле – ноябре того же года, А. Х. Востоков занимался этой работой и подготовил литеры *к, л, м, н, о, п, р, с, т* [1, с. 26–27]. В декабре 1808 г. учёный написал: «15-го во вторник. Кончил последние буквы Этимологического росписания» [1, с. 28]. Из дальнейших записей видно, как А. Х. Востоков работал над этим трудом. В марте 1809 г. в дневнике читаем: «23-го кончил польской столбец в Этимол[огическом] росписании, трудившись над ним слишком три месяца»¹ [1, с. 29]. В мае того же года учёный сделал такую помету: «21-го в пятницу кончил аглинск[ой] столбец в Этимологическом росписании, трудившись над оным около двух месяцев»² [1, с. 30].

Судя по более поздним «конспектам», идея издать лексикон не покидала А. Х. Востокова. В декабре 1809 г. он «был у Оленина со своим изложением об этимологическом словаре. Он принял оное благосклонно и велел притти в пятницу за ответом» [1, с. 32]. Однако следующая встреча оказалась бесполезной, а посетив его в январе 1810 г., А. Х. Востоков с грустью написал: «...но о моей этимологии ничего» [1, с. 32]. Вместе с этим учёный занимался собиранием «песен и пословиц русских» [1, с. 32].

Впоследствии А. Х. Востоков так рассказывал о своих историко-лингвистических исканиях, связанных с составлением этимологического лексикона: «С 1808 года уже начал заниматься грамматическими и лексикологическими разысканиями, и по выходе в свет Линдева словаря стал выписывать из оного слова всех сл[овенских] диалектов, подводя оные под русский этимологический словарь, который я намерен был расположить по особому составлен-

ному мною плану. Я прочел таким образом первые три тома Линдева словаря, но принужден был отложить продолжение сего труда за разными препятствиями и отвлечениями» [1, с. 42–43].

В. И. Срезневский, работавший с бумагами А. Х. Востокова, замечал, что «Этимологическое словоросписание» А. Х. Востокова «должно было собою представить “Этимологический сравнительный словарь или глоссарий словено-русского и других единокоренных с ним языков европейских”», «т. е. не только польского, богемского и прочих славенских диалектов, но и немецкого, греческого, цельтского с их диалектами для показания различных степеней сродства между всеми сими языками и постепенного происхождения и переходения слов из одного языка в другой» [1, с. 76].

Почему словарь не был издан? Думаем, что дело не только в непонимании филологическим сообществом важности этого начинания. Эпоха создания таких словарей в России только зарождалась. Но и методологические принципы ещё не были разработаны. Отсутствовало чёткое понимание того, что такое словник, какие языки необходимо привлекать к анализу и т. д. Учёный во многом опередил своё время и шёл вровень с европейской лингвистической традицией в данном направлении. Этимологический лексикон до сих пор находится в бумагах А. Х. Востокова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и ждёт своего исследователя.

Более удачными с научной точки зрения оказались толковые словари. Уникальный опыт издания «Словаря Академии Российской» в конце XVIII в. подтвердил необходимость продолжения этой работы. А. Х. Востоков принимал участие в нескольких проектах.

«Словарь церковнославянского и русского языка» – большая веха в истории отечественной лексикографии. Начиная с идеи (А. С. Шишков, 1815 г.) до составления плана будущего словаря, вынесенного на обсуждение Российской Академии в 1827 г., и до завершения работы в 1847 г.

¹ В. И. Срезневский пояснял: «Каждая страница этого труда Востокова делилась на 8 столбцов: 1-й и 2-й он назначил для славенских языков, 3-й и 4-й – для немецких, 5-й – для греческого, 6-й – для латинского, 7-й – для кельтского, 8-й – для отметок и дополнений... Первоначально во 2-й славенский столбец он вводил только польские слова» [1, с. 80].

² В. И. Срезневский указывал в пояснениях, что «по терминологии Востокова» «аглинской столбец» означало «кельтский» [1, с. 80].

это был грандиозный тезаурус для того времени. Он насчитывал 114749 слов. А. С. Щекин справедливо отмечал в предисловии к его переизданию, что «такой результат был достигнут во многом благодаря тому, что Словарь 1847 г. включил лексику как современного составителям русского языка, так и древних памятников церковной и светской письменности XI–XVII вв., т. е. соединил в себе черты словаря и нормативного, и исторического».¹ А. Х. Востоков был постоянным редактором второго тома (З–Н) вместе с Я. И. Березниковым и разработал систему грамматических характеристики слов.² В книге указывалась принадлежность слова к определённой части речи и к грамматическому разряду, помещались дополнительные сведения и др. «Система грамматических характеристик чрезвычайно подробна, так, у каждого глагола обозначался вид; для глаголов совершенного вида, имеющих видовую пару, постоянно делались ссылки на соответствующие глаголы несовершенного вида, с учётом различия между приставками, изменяющими и лексическое, и грамматическое значение слова».³

В «Предисловии» помещён краткий очерк исторического развития языка, отмечены самые главные моменты его эволюции. Так, говорилось, что «язык наш, одна из отраслей индоевропейских, принадлежит к наречиям славянского племени».⁴ Второй важный пункт касался использования церковнославянского языка. Отмечалось, что с X по XVIII столетия он «в литургических книгах подвергался разновременным исправлени-

ям, которые[,] однако[,] не коснулись его своеобразности, и он сохранился до нашего времени как орган православной веры и богослужения...»⁵ Показательно, что учёные того времени различали церковнославянский и русский языки. Вот как об этом написано в «Предисловии»: «Церковнославянский язык и славяно-русское наречие, служившие орудиями веры, богослужения и проповеди, по самому существу своему оставались у нас наречиями книжными: в устах народа слышался другой язык, собственно *русский*».⁶ Этот языковой дуализм (а позже появился термин диглоссия) очень точно почувствовал и наш великий славист. Кажется, что его слова исходят из пламенной филологической души: «...В Древней Руси две стороны народного быта, духовная и вещественная, изображались различно: первая – языком церковнославянским с славяно-русским наречием, вторая русским; первые два вида были как бы священными, последний общественным, житейским. Церковнославянский и русский языки шли каждый особым путём, удерживая по возможности свою самобытность и не допуская иноземной примеси».⁷

О «Словаре» есть богатая литература, в которой подробно рассказано о многих нюансах его создания. До сих пор является спорным, стоило ли в него включать нецерковнославянские слова? Например: *алтын*, *альтист*, *амарант* и проч. И всё же даже в таком ключе его стоит рассматривать как культурно-исторический феномен, предвестник «Словаря» В. И. Даля и последующих лексиконов. Именно этот «Словарь» оказался в начале большой лексикографической традиции, которая живёт до сих пор.

Значение «Словаря церковнославянского и русского языка» в XXI в. сохраняется. При повышенном интересе к истории языка, издании многих старинных памятников и новых словарей лексикографическая практика XIX в. представляет собой

¹ Щекин А. С. Предисловие к репринтному изданию 2001 года // Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Репринтное издание. Кн. I. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 3.

² Там же.

³ Там же. С. 8.

⁴ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Репринтное издание. Кн. I–II. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. С. II.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. III.

⁷ Там же.

ценный источник по отбору и комментированию лексики. Статус церковнославянского языка ныне также обсуждается, а его роль как семиотического факта в богослужебной практике, исторической традиции сейчас особенно важна. Кроме этого, встают и другие вопросы, в решении которых без опыта А. Х. Востокова и учёных его поколения не обойтись: это принципы грамматического и семантического описания слова, соотношения нормы и узуса, влияние местных традиций на церковнославянскую книжность. Наконец, можно согласиться с А. С. Щекиным в том, что Словарь 1847 г. «заставляет ещё раз задуматься над краеугольным синкретическим понятием “современный русский литературный язык” в широком контексте истории русской культуры в целом».¹

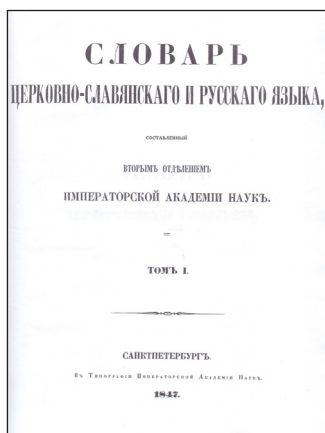

Рис. 4 / Fig. 4. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук (Т. 1. СПб., 1847) / Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Section of the Imperial Academy of Sciences (Vol. 1. St. Petersburg, 1847).

Источник: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Репринтное издание. Кн. I. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001.

¹ Щекин А. С. Предисловие к репринтному изданию 2001 года // Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Репринтное издание. Кн. I. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 8.

Другими лексикографическими проектами, в которые был активно вовлечён А. Х. Востоков, стали «Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук»² и «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря».³ Это так называемые словари *областных речений*, подготовка которых входила в планы Императорской АН.⁴ В «Предисловии» к первому словарю говорилось: «...в конце 1845 года Отделение носилось с директорами училищ, приглашая их присылать областные слова, употребляемые в местах их дирекций».⁵ Программа этого словаря, сообщалось далее, написана академиком И. И. Срезневским, а «редактором собранных материалов избран был Отделением о<рдинарный> академик А. Х. Востоков».⁶ Самыми ценными материалами, вошедшими в Словарь, признаны собрание новгородских речений (1188 слов) Я. И. Бердникова и великорусских (3439 слов) И. И. Срезневского.⁷ Общее количество слов в изданном Словаре – 18011. В «Предисловии» отмечалось, что различается три «рода речений»: «первый род составляют слова, уклонившиеся от нормального употребления языка, нередко искажённые до крайности, или иноземные слова...; ко второму роду относятся слова, некогда принадлежавшие к общему языку народа и вытесненные из него другими, а уцелевшие в народе вместе с заветною прародительскою песнью, сказкой, пословицею; третьего рода слова родились вследствие понятий, образовавшихся от предметов окружающей человека при-

² Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1852. 275 с.

³ Дополнение к Опыту областного великорусского словаря / ред. А. Х. Востоков. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1858. 328 с.

⁴ Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1852. С. I.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

роды и от особенных занятий народа».¹ Далее говорилось, что в Словаре содержатся все три рода описанных речений. Более того, «в нём даже удержаны слова, обезображенные местным выговором, тем не менее подтверждающие определённые законы звуко сочетания».² Тут же поясняется, в чём заключались эти отклонения. Так, например, «в коломенском наречии Московской губернии сохранилось оправдание старинному говору, какой встречаем в письменных памятниках, именно[,] после согласной *к* в окончании имён гласные *я* и *ю* вместо *а* и *у*: *тятенькя, маменькя, чайкю, тарелочкю*».³

Замечательно, что составители Словаря не обошли стороной лексические факты, имевшиеся в памятниках письменности, в частности – в «Слове о полку Игореве», где есть элементы живой речи, например: *кóмонь, усóбица, шолóмья, кричать по-лебединому* и др.⁴

В круг слов вошли северные и южные – олонечские и костромские, вологодские, смоленские и тверские, новгородские, рязанские, калужские, пензенские, орловские, воронежские, тобольские томские, иркутские и т. д. Авторы старались как можно полнее представить географию диалектных речений. Интересно, что отдельные «доставлены Отделению слова, употребляемые жителями российских американских колоний, камчатского и охотского управлений...»⁵

Словарные статьи краткие. Они содержали минимум грамматических помет и основные значения. Важно, что приведены примеры употребления лексем. Например: «ВЗДЫХАЛЬНИКЪ, а, с. м. Пирогъ изъ гороховой муки. *Што сдыишишь чижелò, аль вздыхальниковò объѣлся*. Олон»⁶; «ДОТОРЫКАТЬСЯ, гл.

об. сов. Добудиться. *Такò заспался, что и не доторыкаешься*. Симб.».⁷

Составители понимали высокий смысл работы по сбору и систематизации областной лексики и писали, что Словарь «обращает нас к патриархальному быту поселян наших и сближает нас с ними. Прислушиваясь к народному языку, мы отыскиваем в нём сокровища, пережившие целые столетия. В крестьянских избах, где сохранились и песни, и сказки, и пословицы наши, сбережены от всегубительного времени и многие драгоценные слова. Областные наречия служат также убедительнейшим доказательством, что язык как живой организм беспрестанно изменяется и что лишь только в словаре и грамматике гибкие формы живой речи крепнут и упрочиваются для потомков».⁸

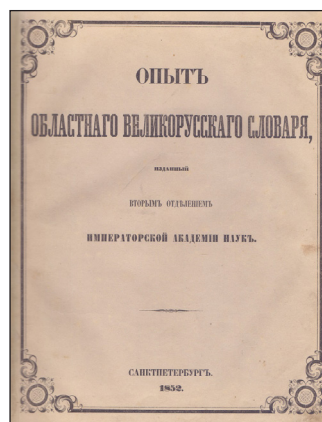

Рис. 5 / Fig. 5. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук (СПб., 1852). Подлинная обложка / An Experiment in a Regional Great Russian Dictionary, published by the Second Section of the Imperial Academy of Sciences (St. Petersburg, 1852). Original cover

Источник: из собрания автора статьи.

В «Дополнении к Опыт...» работа по приумножению лексикона областными речениями была продолжена. Встречаются в нём и устойчивые сочетания: *колóм тя в горло (колóм тя по горлу)* – «бранное

¹ Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1852. С. II.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. III.

⁵ Там же. С. XII.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Там же. С. IV.

выражение тому, кто кричит»¹, и любопытные местные ономастические наименования жителей типа *макарѣвскій нищій* – «шпынъ, нищій, неотвязчивый, назойливый, макарыга. Твер. *Остаиш.*»².

Таким образом, систематическая деятельность Императорской академии наук по поиску и комментированию народной речи продолжалась и всё более приобретала целенаправленный характер. И учёные, и образованное общество понимали, что важно провести каталогизацию и сохранить исчезающие фрагменты языковой картины мира, сделать их достоянием будущих исследователей.

Лингвистическое источниковедение и история славянских языков

А. Х. Востоков внёс существенный вклад в изучение памятников письменности. Можно сказать, он стоял у истоков научного славяноведения, которое в XIX в. понималось прежде всего как сравнительно-историческое исследование документов древних эпох. Начал он эту работу фактически один в России, когда только поднимались первые ростки нового направления. И сразу обратил на себя внимание широтой, глубиной и точностью наблюдений над славянскими языками. Главные свои идеи он выразил в работе «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго письменным памятникам» [2]. В ней он писал о том, что есть несколько этапов в становлении славянского языка: древний – это период с XI по XII вв., средний охватывал XV и XVI столетия, а позже «следует *новый* славянский, или язык печатных церковных книг» [2, с. 2]. Учёный показывал, как описывали в средневековых грамматиках славянский язык, какую при этом использовали терминологию [2, с. 5–7]. Он привёл принципиально важное наблюдение:

«Между тем видно по рукописям XIV даже столетия, что сей язык, на которой (так в тексте. – О. Н.) переложены библейские книги, был не только у сербов, как полагает Добровский, но и у русских славян, едва ли не в общенародном употреблении!» [2, с. 7]. Примечательно, что в отличие от своих современников А. Х. Востоков различал древнерусский и церковнославянский языки, говорил о разности диалектов славянских языков и подчёркивал, что «русские славяне издревле говорили *волость* вм. *власть*, *городъ* вм. *градъ*, *берегъ* вместо *брегъ* и пр.» [2, с. 7]. Хрестоматийные для нас факты о носовом характере юсовых гласных впервые были обнаружены также А. Х. Востоковым [2, с. 8–9]. Он говорил об особенном «русском диалекте» и называл его приметы: употребление *оже* вместо *еже*, *аже* и *аче* вместо *аще* и др. [2, с. 13]. Впервые учёный засвидетельствовал, что отделение русского языка от церковнославянского произошло с XIV в., «и русский язык с того времени берёт на себя отличный от прежнего вид из *древнего русского*, на каком писаны Правда Ярославова, Поучение Мономахово и Слово о полку Игореве, делается *средний* русский – язык Судебника и Уложения, уступивший наконец место новейшему русскому языку XVIII столетия» [2, с. 13]. В споре с Й. Добровским А. Х. Востоков отстаивает разделение славян по данным их языков и диалектов на три ветви: западную, восточную и южную [2, с. 14–15]. Он подробно описал в разделе «Особенности древнего славянского языка» признаки вокализма, образцы склонения имён прилагательных, «несуществование деепричастия», выросшего из форм причастия, и др. Завершает эту работу А. Х. Востоков такой высокой по смыслу интонацией: «Какому бы диалекту первоначально ни принадлежал язык церковных славянских книг, он сделался теперь как бы собственностью россиян, которые лучше других славян понимают сей язык и более других воспользовались оным для обогащения и для очищения собственного своего народного диалекта» [2, с. 27].

¹ Дополнение к Опыту областного великорусского словаря / ред. А. Х. Востоков. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1858. С. 85.

² Там же. С. 108.

А. Х. Востоков занимался описанием и систематическим обозрением рукописей, анализом их палеографии, происхождения, делал важные для лингвистики открытия, касавшиеся языка и стиля таких произведений. Фактически такие обзоры превращались в самостоятельные труды энциклопедического свойства, рассказывавшие читателям о книжной культуре. Таково было фундаментальное «Обозрение русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» [3]. В нём встречаются интересные лингвистические находки. Так, А. Х. Востоков упоминал «Словарь географический и исторический к Истории Российской Татищева», авторство которому приписывал И. Н. Болтину. Учёный отмечал в этом источнике богатство представленности топонимической лексики, местные слова, лексемы, обозначающие должности, указывал на ошибки (вместо *исполчиться* – *исплечиться*) [3, с. 591]. Знаменитый славист не только комментировал особенности письма, но и воспроизводил отдельные тексты с сохранением всех надстрочных знаков и сообщением историко-культурной информации о событиях, описанных в документах [3, с. 628–629]. Делая обзор рукописи XVII в. «Наука о конском заводе», А. Х. Востоков подметил: «В сочинении сем к словенорусскому языку XVII в. примешано множество польских слов, что и показывает, как кажется, перевод с польского» [3, с. 401]. При анализе рукописи XVIII в. «Наука счастливым быть» учёный обратил внимание на поэтику произведения: «Сочинитель преподаёт превосходные наставления житейской философии, приправленные занимательными анекдотами, от чего, по-видимому, книга сия в своё время имела много читателей» [3, с. 403]. А. Х. Востоков сообщал о переделке переводчиком Сергеем Волчковым некоторых мест рукописи для русских читателей [3, с. 403]. В «Обозрении...» в большом количестве представлены деловые документы, прежде всего грамоты, арифметика XVII столетия, «Артикулы воинские...»,

алфавиты, статейные списки и другие ценные источники.

В. И. Срезневский сообщил такие факты о работе А. Х. Востокова со старинными текстами: «Над описанием рукописей Румянцевского музеума трудился Востоков 10 лет, с 1824 по 1834 г., но напечатано оно не прежде как в 1842 году и составило огромный том в 804 страницы в 4-ку. В следующем за тем 1843 году вышло Остромирово евангелие, с приложением греческого текста и с грамматическими объяснениями, изданное Востоковым» [1, с. 47].

Надо сказать, что до А. Х. Востокова «Остромирово Евангелие» было известно просвещённой публике. Им занимались А. Н. Оленин, А. И. Ермолаев, Н. М. Карамзин и др. Но первое научное издание этого драгоценного памятника принадлежит великому слависту, служившему в Отделе рукописей Императорской публичной библиотеки. Среди открытий учёного было и такое: он доказал, что «Остромирово Евангелие» по своему происхождению не принадлежало к памятникам областным, оно имело генетические связи с языком славянских народов и демонстрировало черты общего с ними языка того времени. Поражает палеографическая дотошность лингвиста, который опубликовал этот памятник, используя близкие к подлиннику шрифты. Постранично был помещён соответствующий греческий евангельский текст, даны лингвистический анализ и обширный словоуказатель.¹

В кратком очерке жизни и деятельности А. Х. Востокова Н. И. Греч уделил внимание историко-лингвистическим трудам учёного. Он по достоинству оценил его вклад в изучение церковнославянского языка и особенно «Остромирова Евангелия»: «Необыкновенно строгое критическое издание этой рукописи Востоковым воздвигло великолепный монумент древнему письменному славянскому языку и открыло новый, богатый

¹ Остромирово евангелие 1056–57 года: С приложением греческого текста и грамматического объяснения, издано А. Х. Востоковым. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1843. 324 с.

источник к его изучению. ... Это издание, вышедшее в свет в 1842¹ году, дало Востокову право на первое место в ряду европейских славянистов» [4, с. 12].

Грамматики А. Х. Востокова

В. И. Срезневский в «Заметках А. Х. Востокова о его жизни» сообщал: «В 1827 г. высочайше учреждённый комитет для рассмотрения учебных пособий поручил Востокову составить русскую грамматику для училищ, и он провёл три года над сочинением как сокращённой, так и пространной русской грамматики. Сокращённая его грамматика... напечатана 1-м изданием в 1831 году, а вторым, исправленным изданием в 1833. При шестом издании её она вновь пересмотрена сочинителем и короче изложена.... Пространная грамматика Востокова, в 1831 же году изданная, удостоена от Императорской Академии наук полной демидовской премии. Грамматика эта имела до 1848 года 7 изданий» [1, с. 46].

«Сокращённая русская грамматика» состояла из четырёх частей: первая рассказывала о словопроизведении, вторая – о словосочинении, третья – о правописании и заключительная – о слогуударении. Во «Вступлении» автор даёт определение термина *грамматика*: «руководство к правильному употреблению слов в разговоре и в письме» [5, с. 1]. Под словопроизведением учёный понимал то, «как составляются слова» [5, с. 2]. В его время ещё практиковали старую систему членения грамматики, потому здесь он рассказывал о разделении букв (!) на гласные, согласные и полугласные, о первообразных и производных словах. И далее А. Х. Востоков поместил краткий обзор частей речи. Интересно, что в разряде имён существительных он выделил три категории: *собственное, нарицательное, собирательное*. Приведём определение одной из категорий: «*Собственное*, которое даётся какому-нибудь предмету, для отличия его от

подобных, напр. *Александр, Москва, Волга*» [5, с. 4]. Учёный отметил наличие в языке существительных общего рода типа *сирота, ровня, плакса* [5, с. 5]. Не отрицал он бытования звательного падежа, который показывал «имя предмета, к которому обращена речь: напр. *ученик! Будь прилежен; дети! Слушайте родителей и наставников*» [5, с. 6].

В обзоре характеристик имени прилагательного А. Х. Востоков выделил разряды этой части речи: *качественное, притяжательное, относительное, числительное, действенное*. Последнее, писал он, иначе называется *причастием* [5, с. 15]. Имя числительное вошло в раздел о прилагательном [5, с. 18]. Учёный также уделил особое внимание склонению «количественных прилагательных» [5, с. 21–23].

Далее следовали главы о местоимении, глаголе, наречии, предлоге, союзе и междометии. Любопытное определение он дал последней части речи: «Междометие есть разряд слов, вставляемый между словами для выражения внезапных ощущений» [5, с. 53].

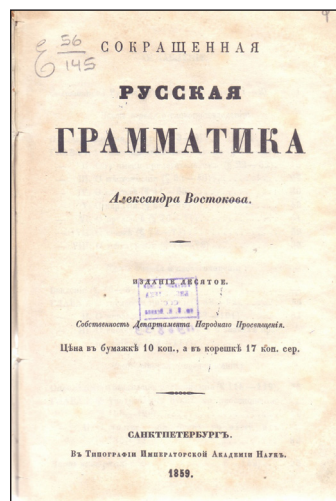

Рис. 6 / Fig. 6. Сокращённая русская грамматика Александра Востокова (СПб., 1859). Титульный лист десятого издания / Abridged Russian Grammar by Alexander Vostokov (St. Petersburg, 1859). Title page of the tenth edition

Источник: из собрания Российской государственной библиотеки.

¹ Опечатка в статье Н. И. Греча. На самом деле книга была издана в 1843 г.

Вторая часть «Сокращённой русской грамматики» посвящена словосочинению, которое показывает «правила, по коим совокуплять должно слова в речи» [5, с. 54]. Т. е. здесь автор даёт обзор синтаксических категорий. Их характеристики, несмотря на отдалённость от современной теории, всё же заслуживают внимания как логический комментарий: «Речь есть соединение слов, выражающее мысли вообще... Но когда речь ограничивается выражением одной мысли, тогда она называется *предложением*» [5, с. 54]. Вводятся категории подлежащего и сказуемого, простого и сложного предложений, придаточных и т. д. Говорится о согласовании слов в предложении и об управлении слов. А. Х. Востоков обсуждает в этой части составление периодов, под которыми он понимал «выражение умозаключения» [5, с. 73], и знаки препинания.

Примечательно, что в терминологии А. Х. Востокова встречается понятие *знак удивительный* [5, с. 77], типичное для XVIII в. Длинное тире, которым обозначается пропуск слова, он называл *знаком мыслеотделительным*. Его используют, например, в таком случае: «При опущении какого-либо слова; напр. *один шаг – и ты пропал!*» (т. е. *один шаг сделай: и ты пропал!*). *Что есть слава мира сего? – суета* (т. е. *слава мира сего есть суета*)» [5, с. 77]. Ещё три старинных термина мы нашли в этой части: *знак пресекательный* – «ставится, когда речь бывает прервана; напр. *мне надлежало идти, но... я невольно остановился*»; *вместительный знак* (или *скобки*) показывает, по А. Х. Востокову, «вводное предложение или одно слово, присовокупляемое к другому для изъяснения оногo; напр. *Рынды (телохранители) окружали Царя*»; *вносный знак* (кавычки) отличает «чужие слова, приводимые в речи» [5, с. 78].¹

В правописании слов А. Х. Востоков особенно подробно остановился на букве «ять», отметив её совершенную схожесть с *е* [5, с. 80]. Он разъяснял, что «буквою

ѣ начинаются только два семейства слов, а именно глаголы: *ѣду, ѣхать, ѣзжу, ѣздить; ѣмъ, ѣсть* с их производными» [5, с. 80]. Далее учёный поместил перечень тех «коренных слов», в которых пишется *ѣ* [5, с. 80–83].

Интересен раздел, рассказывающий об употреблении «букв по месту их». Речь идёт о правописании строчных и прописных литер. А. Х. Востоков учил, что прописная буква пишется «в начале каждого периода», «в начале каждого стиха», «в именах собственных», в названиях морей, рек, городов и т. д., в наименованиях праздников (*Рождество Христово, Великий пост, Страстная неделя*) [5, с. 87–88]. А в нарицательных именах прописная буква, по мнению учёного, должна употребляться в словах, означающих божество, святых угодников, «духов добрых и злых»: *Бог, Господь, Творец, Спаситель, Богоматерь, Ангел*. Здесь он сделал такое примечание: «Когда нарицательные *Бог, Ангел* берутся в переносном смысле, тогда пишутся строчною буквою; напр. *Цари суть земные боги. Меркурий был бог торговли. Верный друг бывает нашим ангелом-хранителем*» [5, с. 88]. Кроме этого, как отмечал А. Х. Востоков, с прописной буквы следовало писать «титла, чины и должности лиц разного звания», «вероисповедание и народное имя людей» (*Христианин, Магометанин, Россиянин, Немец*), «правительства и места судебные, общества и сословия» (*Государство, Правительство, Сенат, Департамент, Дворянство, Купечество*), в прилагательных и местоимениях, имеющих отношение «к Богу, к Его угодникам, к Государю и к высоким особам, о коих говорят с почтением» (*Всевышний, Святой, Преподобный, Всемилостивейший, Высочайший, Великий*), «в письмах к равным особам», когда используется местоимение 2-го лица (*Вы, Вас, Вам*) «для оказания почтительности» [5, с. 88–89]. Эта часть показательна с точки зрения того, какие изменения произошли в орфографии в последующий период.

¹ Мы сохраняем здесь знаки препинания подлинника.

Четвёртая часть «О слогуударении» обучала правилам орфоэпии и акцентуации. А. Х. Востоков указывал и на такие примеры, когда «предлоги, обыкновенно произносимые без ударения, в некоторых случаях берут на себя ударение слов, за ними следующих: *на* берег (см. на *бе́рег*), *по* берегу (вм. по *бе́регу*), *за* угол (вм. за *у́гол*)...» [5, с. 93–94]. Отдельные эпизоды, приводимые учёным, свидетельствуют о том, что в его время была употребительна другая норма, ныне не используемая: «Отрицательное наречие *не* таким же образом берёт на себя ударение с первого слога глаголов прошедшего времени и причастий страдательных, напр. *не́* брал, *не́* брали, *не́* взят, *не́* взяты» [5, с. 94]. Примечательно и такое наблюдение автора книги: «Также лишены ударения глагол безличный *было* и союзы двусложные, разделительный *либо*, условные *буде*, *коли* и противительный *таки*» [5, с. 94]. Данный раздел, на наш взгляд, заслуживает более подробного рассмотрения и сравнительных характеристик: по сути, А. Х. Востоков зафиксировал нормы *живого* языка первой половины XIX в., тогда как его современники, в частности Н. И. Греч, придерживались более консервативных взглядов [6].

Полная «Русская грамматика» А. Х. Востокова – один из первых фундаментальных трудов, предназначенных для учебных целей. Как и в «Сокращённой русской грамматике», здесь четыре части, но изложенные более обстоятельно с прибавлением новых примеров. В начале автор писал, что есть два типа грамматик: *всеобщая* и *частная*. «Русская грамматика» призвана «учить правильно говорить и писать по-русски» [7, с. 1]. Этой цели и придерживался учёный. Мы не будем излагать содержание полной версии, но отметим встретившиеся нам отличия. Прежде всего это обилие словесного иллюстративного материала и подробных комментариев. Так, рассказывая о родовых характеристиках имён существительных, А. Х. Востоков не преминул пояснить следующую деталь: «Предметы духовные представляем

мы себе *человекоподобными*; а потому все правила, относящиеся к именам людей и животных, предметов одушевлённых, относятся также к именам духовных предметов» [7, с. 13].

В комментариях лингвиста мы находим интересные наблюдения, связанные с народно-бытовой и даже фольклорной жизнью слова. Он подметил такую особенность: «Ласкательные окончания придаются также именам любимых животных; напр. *коровушка*, *лошадушка*; и даже именам неодушевлённых и отвлечённых предметов, когда об оных говорится с особенною приязнию; напр. *рученька*, *ноженька*, *травушка*, *зорюшка*, *волюшка*, *неделюшка*» [7, с. 19].

Рис. 7 / Fig. 7. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращённой грамматики полнее изложенная (СПб., 1831). Титульный лист первого издания / Alexander Vostokov's Russian Grammar, based on his abridged grammar, more fully presented (St. Petersburg, 1831). Title page of the first edition

Источник: из собрания Российской государственной библиотеки.

В отдельных примерах А. Х. Востоков давал краткие отсылки к латинскому и древнегреческому языкам, говорил о происхождении некоторых явлений. Например, при характеристике склонения местоиме-

ний он писал, что «сие окончание [самоѣ], принадлежащее просторечию, заменяется в церковнославянском языке окончанием: саму́ю» [7, с. 95]. При описании деепричастий учёный обратил внимание на то, что «окончание» -учи (*пишучи, читаючи*) «принадлежит особенно просторечию» [7, с. 121]. В изложении материалов о глаголе славист сделал такое пояснение: «В церковном словенском и старинном русском языке неопределённое наклонение всех различий оканчивается на *и* вместо нынешнего *ь*: чита*ти*, ходи*ти* и пр.» [7, с. 125].

Любопытно востокосское деление восклицательных междометий на 21 группу: от «изображающих удивление» (*а!* *ах!*), одобрение, уверение, подтверждение, отказ, зов... до демонстрирующих благодарность (*спасибо!*), указание (*се, вот, вон*), угрозу, укоризну, отвлечение, негодование, боязнь и т. д. [7, с. 220–221]. Мы видим на этих примерах, что категориальные признаки междометий были ещё нечётко обозначены, но приводимая автором классификация показывает богатство экспрессии *живого* русского языка.

В «Русской грамматике» А. Х. Востокова действительно немало полезных примеров, как нужно правильно излагать свои мысли, сочинять предложения, какие использовать формы и пр. Причём автор в некоторых случаях показывал стилистические различия в употреблении тех или иных грамматических маркёров, например: «Местоимение 1-го и 2-го лица обыкновенно опускается, будучи заменяемо личным окончанием глагола; но для большей выразительности иногда прибавляют и местоимение, в каком случае оно ставится в начале предложения пред звательным падежом; напр. *Ты, Господи, просвети нас! Вы, дети, слушайтесь!*» [7, с. 333].

Интересные наблюдения приводил А. Х. Востоков, когда давал характеристику «звукоизменений». Так, он полагал, что «перемена *ч* на *ш* перед *н* в некоторых словах» есть признак просторечия, например: *грешневый, табашный* (вм. гречневый, табачный), *башмашник, чулошница* (вм. башмачник, чулочница)» [7, с. 359].

Как можно заметить даже из такого фрагментарного обзора «Русской грамматики», её автор в описании законов русского языка стремился выйти за рамки учебного поручения и сделать свой труд интересным, в чём-то даже познавательным для *юных* читателей: рассказать им об истории родного языка, ввести элементарные сведения по компаративистике, продемонстрировать различия между нормированным литературным языком и просторечием. Это был существенный шаг вперёд по сравнению с логико-философскими грамматиками, определивший дальнейшее развитие лингвистической мысли в сторону сравнительно-исторического языкознания. Данное направление в учебной практике наиболее ярко выразилось в книге Ф. И. Буслаева «Преподавание отечественного языка».¹

Н. И. Греч так писал о грамматиках А. Х. Востокова: «Сокращённая Грамматика русская уступает другим сочинениям Александра Христофоровича по той причине, что он сам никогда не бывал преподавателем, следственно не был знаком с требованиями и приёмами школы. В подробной же его Грамматике много дельных, метких, глубокомысленных наблюдений, которые потом были приняты и другими учебниками» [4, с. 13]. Стоит заметить, однако, что и «Сокращённая русская грамматика» в том виде, в котором мы её описали, была далеко не формальным трудом. В ней чувствуются авторская интонация, неподдельный интерес к языку как культурному событию. А. Х. Востоков включил в издание описание явлений живой речи. Наряду с традиционными взглядами учёных его времени на предмет грамматики, которых лингвист в целом придерживался, он творчески подошёл к осмыслению реальной языковой ситуации XIX в. К тому же книга легка в освоении. В ней были помещены удобные для изучения таблицы, в которых собраны основные правила грамматики родного языка.

¹ Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка: учебное пособие для студентов пед. институтов по спец. «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1992. 512 с.

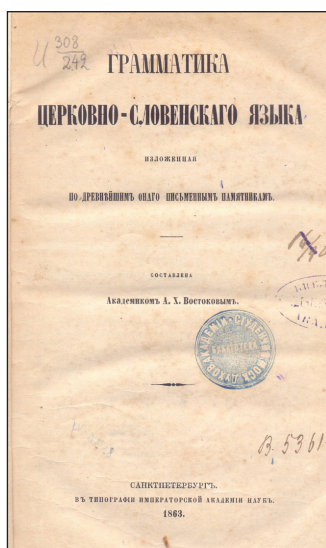

Рис. 8 / Fig. 8. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим онаго письменным памятникам. Составлена академиком А. Х. Востоковым (СПб., 1863). Титульный лист / A grammar of Church Slavonic, based on its oldest written sources. Compiled by Academician A. Kh. Vostokov (St. Petersburg, 1863). Title page.

Источник: из собрания Российской государственной библиотеки.

А. Х. Востоков был также автором «Грамматики церковно-словенского языка, изложенной по древнейшим онаго письменным памятникам» [8]. В этом труде он выразил свои историко-лингвистические чаяния. Учёный подготовил систематический курс для занятий в гимназиях, духовных училищах и академиях. В нём он рассказал основные факты церковнославянского языка, охарактеризовал части речи и грамматические категории, привёл разнообразные примеры из древних текстов и подошёл творчески к изложению стандартных правил. В начале книги А. Х. Востоков подробно разбирал алфавит и особенности правописания, надстрочные знаки, сокращения и т. д. Учёный различал четыре главных языка церковнославянской письменности, которая использует кирилловские буквы:

«1. Собственно церковно-словенский, на который первоначально переведены с

греческого церковные книги, – какому бы народу ни принадлежал... Древнейший памятник, в котором сохранился сей язык, есть Остромирово Евангелие, хотя оно писано не без примеси болгарского и русского.

2. Болгарский.

3. Сербский.

4. Русский.

Сии последние три языка, приняв церковнославянские книги, переделывали оные более или менее по-своему, в рассуждении формы слов и употребления букв» [8, с. 9–10].

Далее он описывал свойства каждого из языков. Говоря о русском изводе церковнославянского, А. Х. Востоков подметил, что в нём не использовались носовые звуки, обозначавшиеся юсами, и поэтому они заменялись в практике буквами ОУ и Ю. Здесь же звучит термин «новгородское наречие», которое отличалось от русского языка того времени (мы сразу заметим, что слово *русский* употребляем в том смысле, в котором его понимал А. Х. Востоков). К таким признакам этого наречия он отнёс, например, замену *ы* в родительном и винительном падежах гласными *ѣ* и *ѥ* [8, с. 12].

Не раз в качестве примеров к иллюстрации грамматических явлений, в частности, при характеристике превосходной степени имён прилагательных, А. Х. Востоков приводил фрагменты из «Остромирова Евангелия» и давал греческие параллели [8, с. 39].

Замечательны добавления автора к основному тексту грамматики. Его рассуждения о том, что «церковнославянское АЗЪ из нынешних славянских наречий осталось только в болгарском», как оно переменилось в других языках [8, с. 52], весьма познавательно и сейчас, тем более что мы встречаем обе формы в текстах более позднего времени.

«Грамматика церковнославянского языка...» – не учебная книга для зубрёжки правил, а настоящий исследовательский труд, показавший учёного знатоком источниковедения (десятки выписок из разных источников). Он охарактеризовал отличия южнославянских текстов от восточно-

славянских, показал исторические черты, проявившиеся в родном языке в более позднее время, не разъединял культурную традицию церковнославянских древностей с живым говором. Приведём такой пример: «Введённое в нынешний русский книжный язык усугубление *н* в полном окончании причастия страдательного прошедшего вр<емени>, например *дѣланный*, *несенный* и проч., в церковнославянском не существовало; так писалось *дѣланный*, *несенный*, как в простонародном русском» [8, с. 80].

Весьма интересны семантические признаки «окончаний» имён существительных, которые А. Х. Востоков соотносил с социальным статусом: «Окончание *ник* в старинном русском, между прочим, присвоено было купцам, посещавшим какие-либо страны: *грѣчникѣ*, *залозникѣ*, *жукотникѣ*...

Окончание *чий* означало занимающегося каким-либо ремеслом или делом: *книгѣчии*, занимающийся книгами; *шарѣчии*, красильщик; *жегѣчии*, истопник; *обливѣчии*, банщик; *дѣмѣчи*, раздувальщик мехов; *сѣреброклепѣчи*, среброковачъ; *кормчии*, управляющий кормом.

Окончание *щина*, произведенное от прил<агательного> *скый*, служило в старинном русском к означению какого-либо происхождения или эпохи: ...батыевщина... едигеевщина была...» [8, с. 101].

А. Х. Востоков приводил в учебнике и колоритные наблюдения над антропониимом. В частности, писал, что «славяне часто переделывали по-своему иностранные имена собственные» (*Георгий* – *Юрий*, *Юрята*, *Гурята*, *Гургята*) [8, с. 101].

Таким образом, стандартное учебное пособие выполняло более высокую функцию: оно *просвещало*, *вдохновляло* и *обогащало* читателей знаниями о духовной сущности языка, связывало его прошлое с настоящим, интеллектуально развивало учеников, погружало в то книжное богатство, которое нам досталось от прежних времён. Под пером А. Х. Востокова история церковнославянского языка оживала в рукописях и звучала в каждом слове.

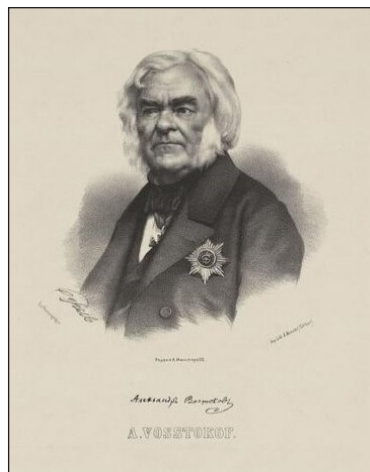

Рис. 9 / Fig. 9. Академик А. Х. Востоков.

Изд. Münster. XIX в.

Источник: Государственный исторический музей [Электронный ресурс]. URL: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2272092?artist=631719908&index=3> (дата обращения: 09.02.2026).

Заключение

А. Х. Востоков-филолог, может быть, в чём-то и провидец автобиографично высказался о своей судьбе, в которой было много испытаний. Но главное в жизни он прошёл безупречно: занимался любимым делом и стал первым славистом-энциклопедистом среди учёных его поколения; нигде не оскандалился, в частной и домашней биографии представлял «нам умильный пример добродетели, кротости и смиренномудрия» [4, с. 15]; был скромным и трудолюбивым на научном поприще, чем заслужил уважение коллег и учеников; постоянно преодолевал трудности, вызванные физическим недугом (он заикался и потому, например, не мог преподавать) и отдалявшие его от светской жизни – это укрепило и возвысило нрав А. Х. Востокова, который обрёл счастье в книгах, рукописях, возбуждавших его одухотворённый ум. Филологические искания учёного были столь разнообразны и нетривиальны, что позволило даже его современникам признать в нём выдающиеся способности.

Поэтический дар А. Х. Востокова – ещё одна грань его творчества – выразил его отношение к жизни и ремеслу, в котором

находим немало поучительного. И в этом смысле имя почтенного слависта для нас образец стойкого лингвистического мировоззрения, от которого он никогда не отступал. В стихотворении «Парнас, или Гора изящности» (апрель 1801 г.) А. Х. Востоков так определил своё предназначение:

*В ком есть желанье, всяк способен
Возвысить дух свой, просветить
Свой разум. Пашне он подобен,
Могущей всё произрастить,
Когда приложит пахарь руку.
Терпением стяжай науку,
Которой ты себя обрек.
Счастливейший на свете гений,
Уснув в вертепе вредной лени,
Парнаса не достигнет век.¹*

В этом символическом признании и есть жизнеутверждающая сила его мыслей, трудов и поступков. И всё же нам кажется, что А. Х. Востоков-лингвист ещё не раскрыт – слишком много в нём

«исканий», нереализованных идей, набросков будущих статей и, возможно, книг. Перефразируя известное выражение В. А. Звегинцева о В. фон Гумбольдте, мы сейчас то же самое можем отнести и к А. Х. Востокову: «В. Гумбольдт (читаем: А. Х. Востоков. – О. Н.) занимает в науке о языке совершенно особое место. Выдвинув оригинальную концепцию природы языка и подняв ряд фундаментальных проблем, которые и в настоящее время находятся в центре оживлённых дискуссий, он, подобно непокорённой горной вершине, возвышается над теми высотами, которых удалось достичь другим исследователям» [9, с. 356]. Время осмысления и должного возвышения А. Х. Востокова настало. С него начинается историческое языковедение И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева и А. А. Шахматова. Последний, кстати, родился в год смерти А. Х. Востокова и перенял у него эстафету лингвистического знания. Будем помнить филологический призыв учёного: «Терпением стяжай науку...»

ЛИТЕРАТУРА

1. Срезневский В. И. Заметки А. Х. Востокова о его жизни. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1901. 114 с.
2. Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго письменным памятникам // Филологические наблюдения А. Х. Востокова / изд. И. Срезневский. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1865. С. 1–27.
3. Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное А. Востоковым. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1842. 899 с.
4. Греч Н. И. Памяти Александра Христофоровича Востокова. 2-е изд., испр. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1864. 15 с.
5. Востоков А. Х. Сокращённая русская грамматика Александра Востокова. 10-е изд. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1859. 100 с.
6. Греч Н. И. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. 2-е изд., испр. СПб.: В типографии издателя, 1834. 526 с.
7. Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращённой грамматики полнее изложенная. СПб.: В типографии И. Глазунова, 1831. 408 с.
8. Востоков А. Х. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим онаго письменным памятникам. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1863. 136 с.
9. Звегинцев В. А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. С. 356–362.

REFERENCES

1. Sreznevsky, V. I. (1901). *Notes by A. Kh. Vostokov on His Life*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russ.).

¹ Востоков А. Х. Стихотворения [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wostokow_a_h/text_0020.shtml (дата обращения: 09.02.2026).

2. Vostokov, A. Kh. (1865). Discussion on the Slavic Language, Serving as an Introduction to the Grammar of This Language, Compiled on the Basis of Its Most Ancient Written Monuments. In: *Philological Observations of A. Kh. Vostokov*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, pp. 1–27 (in Russ.).
3. Vostokov, A. Kh. (1842). *Description of Russian and Slovenian Manuscripts in the Rumyantsev Museum, Compiled by A. Vostokov*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russ.).
4. Grech, N. I. (1864). *In Memory of Alexander Khristoforovich Vostokov*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russ.).
5. Vostokov, A. Kh. (1859). *Abridged Russian Grammar of Alexander Vostokov*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russ.).
6. Grech, N. I. (1834). *Practical Russian Grammar, Published by Nikolai Grech*. St. Petersburg: Printing House of the Publisher (in Russ.).
7. Vostokov, A. Kh. (1831). *Russian Grammar of Alexander Vostokov, More Fully Presented According to the Outline of His Abridged Grammar*. St. Petersburg: Printing House of I. Glazunov (in Russ.).
8. Vostokov, A. Kh. (1863). *Grammar of the Church Slavonic Language, Based on Its Earliest Written Monuments*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russ.).
9. Zvegintsev, V. A. (2000). On the Scientific Heritage of Wilhelm von Humboldt. In: Humboldt, W. von. *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress publ., pp. 356–362 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения; ORCID: 0000-0003-2815-6691; e-mail: olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Slavonic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Federal State University of Education; ORCID: 0000-0003-2815-6691; e-mail: olnikitin@yandex.ru

Научная статья

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-27-36

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В НАУЧНОЙ ПРОЗЕ А. Х. ВОСТОКОВА

Орехова Е. Н.^{1*}, Топтыгина О. Н.²

¹Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

²Российская таможенная академия, г. Люберцы, Российская Федерация

Корреспондирующий автор, e-mail: toptygina@gmail.com

Поступила в редакцию 27.04.2026

Принята к публикации 30.04.2026

Аннотация

Цель. Обосновать стилеобразующий и текстообразующий потенциал категории субъективной модальности в научной прозе А. Х. Востокова.

Процедура и методы. В работе описаны типовые субъективно-модальные значения научного текста А. Х. Востокова, проанализированы разноуровневые средства выражения субъективной модальности в научном лингвистическом тексте, в их числе вводные слова и предложения, вопросительные высказывания, модусные рамки. В исследовании применялся структурно-семантический метод, использовались методы наблюдения, обобщения, логико-семантического анализа.

Результаты. Изучение научных произведений А. Х. Востокова позволило выделить продуктивные субъективные значения в модальном поле изучаемых текстов, а также охарактеризовать группы модальных операторов, с помощью которых вербализуется субъективное отношение автора – создателя научного произведения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют представления о стилеобразующих свойствах научной речи, а также о категории субъективной модальности.

Ключевые слова: идиостиль, научный текст, стиль, субъективная модальность, субъективное отношение

Для цитирования:

Орехова Е. Н., Топтыгина О. Н. Субъективная модальность в научной прозе А. Х. Востокова // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 27–36. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-27-36>.

Original research article

SUBJECTIVE MODALITY IN A. Kh. VOSTOKOV'S SCIENTIFIC PROSE

E. Orekhova^{1*}, O. Toptygina

¹Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

²Russian Customs Academy, Moscow Region, Lyubertsy, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: toptygina@gmail.com

Received by editorial office 27.04.2025

Accepted for publication 30.04.2025

Abstract

Aim. To substantiate the style-forming and text-forming potential of the category of subjective modality in the scientific prose of A. Kh. Vostokov.

Methodology. The typical subjective-modal meanings of A. Kh. Vostokov's scientific text is described and the multi-level means of expressing subjective modality in scientific linguistic text, including introductory words and sentences, interrogative statements, and modus frames, are analysed. The study used the structural-semantic method, as well as methods of observation, generalisation, and logical-semantic analysis.

Results. The study of A. Kh. Vostokov's scientific works helps to identify productive subjective meanings in the modal field of the studied texts and to characterise the groups of modal operators that are used to verbalise the subjective attitude of the author who created the scientific work.

Research implications. The research results expand our understanding of the style-forming properties of scientific speech, as well as the category of subjective modality.

Keywords: idiostyle, scientific text, style, subjective modality, subjective attitude

For citation:

Orekhova, E. N. & Toptygina, O. N. (2026). Subjective Modality in A. Kh. Vostokov's Scientific Prose. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 27–36. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-27-36>.

Введение

Субъективная модальность – важная функционально-семантическая категория русского языка, связанная с выражением личного отношения говорящего к содержанию высказывания в разных аспектах: достоверности / недостоверности, эвиденциальности, обычности, в эмоциональном, фатическом и логическом аспектах. Разнообразны средства выражения субъективно-модальных значений, принадлежащие разным уровням языковой системы: лексическому, словообразовательному, морфологическому, синтаксическому. Будучи одним из аспектов синтаксической категории модальности, субъективная модальность проявляется на уровне предложения, участвует в формировании предикативности. В то же время налицо текстообразующий потенциал названной категории, что требует обращения к вопросам стиля, идиостиля, к изучению проблем языковой личности и способов репрезентации авторского взгляда, субъективного отношения на разных уровнях языка.

Предметом внимания в данной статье являются субъективно-модальные значения в научном тексте, а также специализированные субъективно-модальные операторы (вводные компоненты, модусные рамки, вопросительные высказывания) в пространстве научного лингвистического

произведения, их роль в реализации коммуникативного замысла автора, в построении научных рассуждений.

Общеизвестны стилеобразующие черты научного стиля речи: наличие информативной функции, объективность, доказательность, терминированность, однозначность. Автор научного произведения, как правило, оперирует значительным массивом данных, структурирует их, выстраивает в логической последовательности, выделяет важные моменты своего изложения, маркирует выводы. Важным оказывается указание на преемственный характер научного знания, обращённость к научному опыту предшественников и современников. В ряде случаев требуется указать на предположительный или, напротив, бесспорный характер сообщаемых научных гипотез и положений. Другими словами, объективированный характер научного изложения вовсе не исключает выражения в нём субъективно-модальных значений.

О научной прозе А. Х. Востокова

Материалом для наших наблюдений послужили научные тексты А. Х. Востокова, замечательного российского лингвиста, основателя сравнительно-исторической славистики и создателя авторитетной научной грамматики русского языка. Именно А. Х. Востоков стоит у истоков сравнительно-исторического метода в России:

путём сравнения родственных славянских языков он установил общий источник их происхождения – праславянский язык-основу, выявил фонетические соответствия в области славянских гласных, определил произношение ряда звуков, в их числе редуцированные, ять, носовые. Выдающийся палеограф своего времени, блестящий знаток древних славянских рукописей, А. Х. Востоков предложил периодизацию древнего славянского языка, отражённого в памятниках. Ему принадлежит издание древнейшей датированной рукописи – Остромирова Евангелия 1056–1057 гг., а также описание древних рукописей Румянцевского музея (1842 г.). Учёный создал авторитетную «Русскую грамматику» (1831 г.), по которой обучались гимназисты XIX столетия и материалом для которой послужила современная ему живая речь.

Широкую известность получили его лингвистические и лексикографические труды: «Рассуждение о славянском языке» (1820 г.), «Словарь церковнославянского языка» (1858–1861 гг.), над которым учёный работал более тридцати лет, «Опыт областного великорусского словаря» (1858), «Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим памятникам» (1863), «Опыт о русском стихосложении» (1817 г.) и др.

Научный идиостиль А. Х. Востокова раскрывает нам облик неординарного человека, учёного-мыслителя, труженика, который последовательно и неустанно собирал, сравнивал, анализировал факты языка и только путём такого всестороннего анализа приходил к обобщениям, к доказательным выводам. Советский и российский лингвист В. В. Колесов так описывает труд выдающегося учёного: «Постоянная работа в книжных хранилищах, в библиотеках, за письменным столом, купленным по случаю и в рассрочку. Это каторжный труд подвижника, который поставил себе цель – и отверг все соблазны мира. Статский монах, ушедший в мысли...»¹ Многие из

того, что представляется сегодня лингвистическими аксиомами, было обосновано А. Х. Востоковым: взгляд на литературный язык как высшую форму национального языка, понимание исторической изменчивости литературной нормы, утверждение о нетождественном характере языка художественной литературы и литературного языка. Некоторые категории, обозначенные А. Х. Востоковым, становятся предметом дальнейшего обсуждения и изучения. По замечанию В. В. Колесова, «Востоков заглянул в такие глубины языка, что даже мелкие его заметки стали своеобразным толчком для последующих исследований».²

О типах субъективно-модальных значений в научной прозе

А. Х. Востокова

Функционально-семантическое поле субъективной модальности имеет ядерно-периферийную организацию. Ядерным значением выступает значение предположения, одна из разновидностей семантики персуазивности (занимает центральную зону поля). Околоядерную зону поля формируют эвиденциальная модальность (указание на источник информации), модальность обычности, логической оценки, эмоциональной оценки, фатическая (контактоустанавливающая) модальность [1–3]. Преобладание в тексте той или иной модальной семантики во многом обусловлено его стилевой и жанровой принадлежностью, коммуникативными задачами автора.

Проанализированные нами научные произведения относятся к собственно научному и учебно-научному подстилю научного стиля речи. В их числе «Рассуждение о славянском языке», «Опыт о русском стихосложении», «Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим памятникам», «Остромирово евангелие 1056–1057 гг.». В фокусе внимания учёного вопросы истории и теории русского языка, лингвистическое наследие прошлого, перспективы развития языко-

¹ Колесов В. В. Судьба Александра Христофоровича Востокова // Русская речь. 1991. № 2. С. 73.

² Там же. С. 77.

вой системы. Большой массив научных данных осмысливается А. Х. Востоковым разнопланово: это не только и не всегда констатация, но и размышление-предположение, сомнение, логическая оценка, авторизующая оценка и пр.

Наиболее продуктивным в модальном поле изучаемых текстов является значение логической оценки. Операторы указанной семантики «обозначают разные виды логического или экспрессивного отношения последующей мысли к предшествующему сообщению... Они характеризуют субъективную манеру перехода от одной мысли к другой или присоединения одной мысли к другой» [4, с. 606]. В тексте логическая модальность представлена следующими разновидностями:

1) связь с предшествующими и последующими частями текста: *Наречие подлѣгъ, управляющее родительным надежом, как выше сказано, управляет также и винительным* (Грамм., с. 133)¹;

2) способ оформления мысли: *Обычай и предубеждение заставляли их [подражателей], напротив того, почитать мужеския рифмы неблагородными и в шуточных только сочинениях для смеху иногда позволительными; словом сказать, такими, какими новейшая поэзия наша почитает тригласныя рифмы* (Опыт, с. 75–76)²;

3) включение / исключение: *Сверх того, когда несколько глаголов неопределённого наклонения служат дополнительными словами одному глаголу изъявительного наклонения, означающему движение поступательное, то достигабельное окончание употреблялось только при одном или двух первых глаголах неопределённого наклонения...* (Грамм., с. 113); *...Другие языки, например, немецкий или богемский, имеют*

и по два и по три ударения в слове, однако же – прибавить надобно – в неравной степени, ибо у них в каждом слове одно какое-нибудь ударение сильнее или слышнее прочих... (Опыт, с. 96);

4) вывод: *Причастия действительные прошедшего времени спрягаемые названы так потому, что имеют один только именительный падеж и, следовательно, не склоняются, а спрягаются, употребляясь с глаголами вспомогательными, для составления времён сложных и условных* (Грамм., с. 79);

5) иллюстративное значение: *Симеон Полоцкий, который познакомил великороссиян с сим стихосложением, появившимся лет за 40 прежде в Малороссии и Волыни, употреблял в стихах своих не только мужеския и тригласныя рифмы, например, еси, небеси, читателю, искателю...* (Опыт, с. 77–78).

Использование А. Х. Востоковым операторов логической модальности связано с его стремлением установить иерархию рассуждений, выделить ключевые моменты высказывания, сосредоточить внимание собеседника на важной информации, а значит, обеспечить более эффективное понимание текста.

Далее по степени убывания располагается модальный смысл достоверности / недостоверности (персуазивность), отражающий степень полноты и характер знаний говорящего о действительности. Персуазивное значение градуируется от полюса категорической уверенности в сообщаемом до полюса неуверенности, сомнения. В изучаемом материале чаще вербализуется предположительный характер научных фактов: *Так называлась, вероятно, и дочь Ярослава 1-го, бывшая за Гаральдом Норвежским, ибо она у скандинавцев известна под именем Elissif* (Грамм., с. 102); *...Щ было, по-видимому, только сократительное начертание вместо шт, ибо в древнейших рукописях нередко пишется шт вместо щ. Но буква сия произносилась, вероятно, неодинаково всеми славянами: некоторые произносили шт, как ещё и ныне чехи, другие же шч, как русские* (Грамм., с. 4).

¹ Востоков А. Х. Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим памятникам. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863. 135 с. В дальнейшем цитируется в тексте по этому изданию, в скобках указывается сокращённое название и страница.

² Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. СПб.: Морская типография, 1817. 167 с. В дальнейшем цитируется в тексте по этому изданию, в скобках указывается сокращённое название и страница.

В числе продуктивных значений в изучаемых текстах – эвиденциальная модальная семантика, т. е. указание на авторство излагаемой мысли: *По свидетельству Копитаря, сокращения сии встречаются в Ассеманиевом глагольском Ев. XI в. и в Болонской псалтири толковой, писанной в Болгарии между 1185 и 1195 г.* (Грам., с. 72). По словам В. В. Виноградова, эвиденциальные операторы «являются показателями того, что воспроизводимое высказывание приписывается говорящим другому лицу» [4, с. 603]. В текстах А. Х. Востокова эвиденциальный модус содержит указание на третье лицо, что типично для научной речи в целом, является её стилиобразующей чертой, определяется коммуникативной стратегией говорящего: быть объективным, ввести новую информацию, отстраниться от чьего-либо мнения или согласиться с ним, выдвигать гипотезы и т. д.

Менее продуктивным можно считать фатическое модальное значение. В представленных текстах оно менее востребовано, т. к. в большей части они адресованы кругу специалистов или обучающихся по данному предмету, но вовсе не широкой аудитории. Тем не менее А. Х. Востоков считает нужным обратиться к своему читателю с риторическим вопросом, заостряющим внимание на факте, гипотезе, положении, например, так: *Но многие ли из читателей моих слышали пенье русских сказок, например, тех, кои помещены в изданных Г-м Ключаревым Древн. русск. стихотворениях?* (Опыт, с. 152).

Модальность эмоциональной оценки представлена слабо, что, во-первых, соответствует требованиям нейтральности и объективности в текстах научного стиля, а во-вторых, характеризует личность самого лингвиста, мыслящего рационально и доказательно: *А потому и неудивительно, что большая часть тех песен, которые удалось сим образом спасти от забвения, были уже не старше времён Петра I-го* (Опыт, с. 103–104); *Надеюсь, что сими опять примерами довольно объяснил я чи-*

тателю разность стихосложения русско-го, старого и нового (Опыт, с. 138).

Модальное значение обычности непродуктивно в изучаемых текстах, что также в целом соответствует стилиобразующим признакам научной речи, в числе которых безэмоциональность и отвлечённость. С другой стороны, это показательная черта идиостиля самого А. Х. Востокова, отражение его спокойной, аналитичной манеры, последовательности и логичности изложения.

Субъективно-модальные операторы в научном тексте А. Х. Востокова

Широкое понимание категории субъективной модальности позволяет включать в круг её операторов не только лексико-грамматические (вводные компоненты, частицы), но и синтаксические (вводное предложение, риторическое высказывание, конструкции с модусными рамками). В изучаемых текстах субъективная модальность представлена на разных уровнях языковой системы, прежде всего, средствами категории вводности. Данная категория, справедливо названная П. А. Лекантом [5] коммуникативно-прагматической, предполагает не только вербализацию авторского мнения, отношения, но и видение собеседника, реципиента, адресата сообщения. Именно к нему, воображаемому собеседнику, а возможно, оппоненту, и обращается А. Х. Востоков: *Окончание -ник в старинном Русском, между прочим, присвоено было купцам, посецавшим какие-либо страны: гръчникъ, залозникъ, жукотникъ* (Грам., с. 101); *Некоторые глаголы, как кажется, и вовсе не принимали достигательного окончания, и именно ити, сѣрѣсти, быти* (Грам., с. 114).

В общей массе вводных единиц выделяются следующие семантические группы:

1) с персуазивной семантикой:

а) со значением подчёркнутой уверенности в сообщаемом: *Мы сказали, что новейшие простонародные песни приближаются к стопосложению: и, действительно, на-*

чинает в них господствовать по большей части чистая хореическая мера... (Опыт, с. 136); *Надпись подлинно нерассудительная! Но читатель, без сомнения, не примет сие мудрование иконописца XI века за учение церкви* (Остр. ев., с. 4)¹;

б) со значением неуверенности, предположения: *В некоторых местах, где, по-видимому, винуительный падеж сходен с родительным, можно и не принимать оный винуительным, а находить прямо родительный падеж* (Грам., с. 119); *Он [размер], может быть, и употребляется у русских отчасти по тем же родам стихотворения, по коим у греков употреблялся элегический* (Грам., с. 124);

2) с эвиденциальным значением: *Сие заимствованное у греков двубуквенное начертание оу для одного несложного звука у, употребляется, как известно, в церковной печати только в начале слов, напр. оуста, оубо...* (Грам., с. 4);

3) со значением логической оценки:

а) подгруппа «способ оформления мысли» (наиболее многочисленная): *Ижица, или, лучше сказать, безхвостый икъ ѵ, находится и в Остромировом Евангелии, где служит прописною буквою в заглавиях...* (Грам., с. 4); *Короче сказать: просодический период, простой ли он или сложный, любит оканчиваться понижением или отдыхом голоса* (Опыт, с. 105); *Песенные стихи во всяком языке бывают правильнее, или, лучше сказать, единомернее повествовательных, будучи сочиняемы под лад к музыке* (Опыт, с. 108); *Напротив того, старинным песнотворцам русским рифмы были незнакомы...* (Опыт, с. 135);

б) подгруппа «вывод» (в основном представлена компонентом *следовательно*): *...В 6-ти сложных же стихах только одно слышно ударение: и, следовательно, в тех содержится сложный, а в сих простой просодический период* (Опыт, с. 114); *Таким образом, с тремя частями своими рус-*

ский стих принимает более ста вариаций (Опыт, с. 145);

4) фатические операторы: *Размер сей, повторяю, составлен не для повествований, а для песен, подобно как и все так называемые русские стихи, употребленные новейшими стихотворцами нашими...* (Опыт, с. 163).

Вводные единицы разных групп сближаются по своей модусной природе: не принадлежат диктумной части высказывания и потому лишены грамматических связей с членами предложения, характеризуются морфологической неизменяемостью, особой интонационной и пунктуационной оформленностью, служат специализированным средством выражения субъективных оценок говорящего.

С вводными словами сближаются вводные предложения – специализированное синтаксическое средство субъективной модальности. По мнению В. А. Богородицкого, существуют такие предложения, которые, «будучи совершенно независимыми, вставляются в другое предложение без каких-либо связующих слов, это – так называемые вводные предложения. При произношении они получают особый темп (чаще – более быстрый) и другую силу и тон (тише и ниже)...» [6, с. 303]. Как и вводные слова, вводные предложения имеют модусную природу, их функции аналогичны функциям вводных операторов. В изучаемых научных текстах употребляются преимущественно следующие:

1) с эвиденциальной семантикой: *Но когда мы захотим составлять наподобие древних экзаметр из дактилей и хореев, употребляя последнюю сию стопу вместо недостающего у нас спондея, тогда должны, как мне кажется, с большею строгостью наблюдать чистоту хореев...* (Опыт, с. 56); *Достигательное окончание неопределённого наклонения глаголов действительных управляет родительным падежом вместо винуительного, как уже заметил Добровский в § 49 части III своей грамматики* (Грам., с. 120); *Найденные Копитаром глаголитские отрывки мо-*

¹ Остромирово евангелие 1056–1057 года. СПб: Типография Академии наук, 1843. 294 с. В дальнейшем цитируется в тексте по этому изданию, в скобках указывается сокращённое название и страница.

гут действительно быть современны Остромирову Евангелию, **как полагает учёный издатель оных...** (Остр. ев., с. 4);

2) с персуазивной семантикой: Мера пения во всех сих сказках, **как и должно было предполагать**, соответствует содержанию: приключения богатырей Владимировых поются *allegro, vivace* и тому подобно... (Опыт, с. 155–156); И вообще, **сколь мне известно**, употребляется размер сей наиболее в предметах унывных либо важных, чему может быть причиной его хорейское окончание... (Опыт, с. 125);

3) с логической оценкой: Русский язык, **как мы уже видели в 1-ой части сего опыта**, имеет в каждом слове, сколь бы оно ни было многосложно, по одному только ударению... (Опыт, с. 95).

Не менее продуктивно использование вопросно-ответного комплекса как яркого маркера субъективности, средства диалогизации. Названные структуры заостряют характер поставленной научной проблемы, обнаруживают движение авторской мысли, фиксируют внимание адресата на коммуникативно значимом компоненте высказывания, например:

—... Язык, на который предложены священные книги, не мог быть коренным или первобытным языком всего народа славянского, разделённого тогда на многие племена и на великом пространстве Европы рассеянного: он был наречием одного какого-нибудь племени. **Но какого именно?** – Сербского, – думает учёный Добровский, а с ним и сочинитель помянутого рассуждения (Рассужд.)¹;

– Теперь посмотрим, **которая** из двух стоп нашего экзаметра заслуживает наибольшего в оном употреблении, дактиль или хорей? Язык наш тою и другою стопою равно обилен... (Опыт, с. 59);

– В латинском экзаметр красотою почитается, когда в нём более дактилей, нежели спондеев; немцы, напротив, стараются в своём экзаметре делать спондеев господствующую стопою. **Отчего** такая разность? Очевидно, оттого что латинский язык изобильнее спондеями, нежели дактилями... (Опыт, с. 58–59).

Приведённые контексты включают собственно вопросительные предложения местоимённого типа, демонстрируют риторический приём автокоммуникации, предполагающий вопрос и автокомментирование, при этом вопросительное высказывание концентрирует внимание на определённом аспекте научной проблемы: её причине, цели, признаке и т. д.

Конструкции несобственно вопросительного типа (риторические высказывания) [7] непродуктивны: Однако в древнейшем, какое до нас дошло, произведении русской музыки, в «Слове о полку Игореве», не слышать никакого подобного размера: в нём с начала до конца, как кажется, голая проза? (Опыт, с. 158). В приведённом примере актуализирован субъективный смысл предположения-размышления, он не предполагает вербальной реакции адресата, его функция – суггестивная и контактоустанавливающая. Или: Конечно, за недостатком сей стопы, экзаметр наш всегда останется весьма несовершенным подобием греческого или римского. Но ежели и в сем несовершенном подобии он для эпического стихотворца несравненно выгоднее ямбического или другого какого размера, то **зачем** не присвоить нам его и в таком виде, т. е. заменяя спондеи хорейми? (Опыт, с. 65). Модальное значение предположения-допущения выражается в структуре прономинального риторического высказывания, организованного местоимённым наречным компонентом *зачем* в сочетании с частицей *не*.

Одним из способов репрезентации модуса в научной прозе А. Х. Востокова являются модальные рамки разной семантики и структуры. Использование таких конструкций, где главная часть представляет собой модальную оправу придаточного

¹ Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составленной по древнейшим оного письменным памятникам (фрагмент) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruthenia.ru/apr/textes/vostokov/vost1.htm> (дата обращения: 21.03.2026). В дальнейшем цитируется в тексте по этому источнику, в скобках указывается сокращённое название.

изъяснительного, позволяет автору перенести акцент с диктума на его субъективную оценку: Из приведённых примеров *попиши, просяще* **видно, что** достигаемое окончание употреблено даже с глаголами, не означающими ни движения поступательного, ни приведения в таковое движение... (Грамм., с. 113); **Правда, что** и русский простонародный язык весьма несхожен стал не только со славянским, но даже с русским же книжным языком, обогатившимся многими словами из церковнославянского... (Рассужд.).

Своеобразие указанных сложных конструкций становится объектом изучения в большом числе работ (В. Г. Гака, Н. Д. Арутюновой, Т. В. Шмельевой, Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко и др.), при этом авторы характеризуют главную часть таких построений, как субъективный зачин, модальный комментарий к предложению. Строение и семантика модусных рамок разнообразны. Среди них персуазивные, эмоционально-оценочные, эвиденциальные, соотносимые по структуре с предложениями разных типов:

1) с односоставным определённо-личным: **Сомневаюсь, чтобы** из тысячи одному доходили когда до слуха тоны сих старинных русских рапсодий, раздающиеся кое-где в отдаленных губерниях России (Опыт, с. 153); **Льщусь надеждою, что** сей труд может быть полезен не только при составлении этимологического словаря славянского, коему грамматика необходимо должна предшествовать, но также при будущем исправлении или пополнении и грамматик в новых языках, происшедших от славянского (Рассужд.);

2) с односоставным неопределённо-личным: **Скажут мне, что** можно придавать сей мере большее разнообразие, перемещая и умножая иногда ударение... (Опыт, с. 163);

3) с односоставным безличным разных подтипов, например:

а) связочно-именного: **Очень вероятно, что** отцы стихотворства греческого: Гомер, Гесиод и другие, для тех же причин и таким же точно образом переименовая в

стихах обыкновенный прозаический язык, составили себе свои *licentia poetica*, свой *dialectus poeticus*, принятые последователями их за закон (Опыт, с. 147);

б) связочно-модально-инфинитивного подтипа: В древних рукописях встречается употребление *ѣи* вместо *ѣл*, напр. в Григ. Богосл. XI в., **почему можно полагать, что** *ѣл* есть сократительное начертание вместо *ѣи* (Грамм., с. 5); По начертанию **можно было бы полагать, что** ю произносилось как *ю* или *е*, но на это нет доказательств (Грамм., с. 2);

4) с двусоставным предложением: **Но тем удивительнее то, что** основа сия столь ощутительна при чтении стихов, кои, конечно, для пения собственно, а не для чтения сочинены, в одно время с их голосами! (Опыт, с. 155); **Добровский различает предлоги о и обь, полагая, что** *обь* управляет винительным, а *о* местным падежом, но этого различия не существовало (Грамм., с. 133), в том числе неполным: **Известно, что** таковым несколькими слов соединением под одно просодическое начало, или под одну силу, способствуется выразительность речи, как в обыкновенном разговоре, так и в возгласении (декламации) (Опыт, с. 105).

Как видно из приведённых примеров, субъектная валентность модуса различна: в примерах 1 и 4 он определённый, при этом может как совпадать (1), так и не совпадать с субъектом речи (4). В модусных рамках безличной структуры (3а, 3б) субъект лишён определённости и может уточняться только косвенными показателями. Значимую роль играют второстепенные члены, способные корректировать, в частности, персуазивное значение, сдвигая пропозицию к полюсу уверенности или, наоборот, неуверенности: *Гармония же сия наиболее слышна в старинных песнях: и даже безошибочно можно утвердить, что* чем стариннее песня, тем чище и правильнее в ней соблюдалась сия форма ударятельного или русского стихосложения (Опыт, с. 134–135) – качественное наречие безошибочно усиливает модальное значение

акцентированной уверенности; По сему почти заключать можно, что во время Константина и Мефодия все племена славянские, как западные, так и восточные, могли разуместь друг друга так же легко, как теперь, например, архангелогородец или донской житель разумеет москвича или сибиряка (Рассужд.) – наречие степени почти сдвигает пропозицию к полюсу неуверенности в сообщаемом.

Есть среди модусных рамок и любимые. В их числе видно, что, с помощью которой Востоков маркирует обобщение, вывод: Из сих же примеров **видно, что** кавычка влево обращенная пишется над -ьмъ, а оборотная кавычка над гласными, начинающими слог (Грам., с. 6); Между тем **видно** по рукописям XIV даже столетия, **что** сей язык, на который предложены библейские книги, был не только у сербов, как полагает Добровский, но и у русских славян едва ли не в общенародном употреблении! (Рассужд.).

А также модальная рамка надобно заметить с контактоустанавливающим значением: **Надобно, однако, заметить, что** первые вводители силлабического стихосложения не исключали из стихов своих мужеския и тригласныя рифмы... (Опыт, с. 76); **Заметить, однако, надобно, что** свойственные греческой и римской поэзии, а с них и в новейшую нашу поэзию вошедшия разноски слов (*inversions*) и переносы из одного стиха в другой (*enjambements*) в русских стихах совсем не позволительны... (Опыт, с. 150). Часто в составе указанной модусной рамки оказывается вводный оператор **однако**, осложняющий фатическое значение добавочным субъективным значением противопоставления ранее сказанному.

Разноуровневые модальные операторы комбинируются в пределах сложного синтаксического целого, обеспечивая его модальную напряжённость: *Это послесловие во многих отношениях любопытно. Во-первых, оно подтверждает свидетельство издателей Острожской Библии, о древности перевода ветхозаветных книг, который, вероятно, сделан был в IX веке, в одно время с переводом Евангелия, псал-*

*тыря и других церковных книг, приписываемых Кириллу и Мефодию. Слова искоуриловице не значат ли: из книги, писанной Кириллом? У южных славян, как известно, кириллицею называется азбука, изобретённая Кириллом, в противоположность буквице, глаголитской азбуке! – Другое любопытное обстоятельство представляется тут в имени попа: Упиръ лихый. Упиръ, и ныне в Малороссии упирь, есть известное южным славянам страшилище Вампир. Из сего видно, что оно знакомо было и новгородским славянам, у которых прозвище упиръ лихый, вероятно, означало род порицания или насмешки за некрасоту лица! (Остр. ев., с. 3). Процесс осмысления научных фактов маркируется в контексте оператором логической оценки *во-первых*, имеющим реляционную семантику, персуазивом *вероятно*, эвиденциальным оператором *как известно*. Вероятностную оценку усиливает риторическое высказывание партикулярного типа с частицей *ли*. Уверенность автора в собственных наблюдениях подтверждается использованием модусной рамки *видно, что*.*

Заключение

Размышляя о способах вербализации субъективно-модальных оценок в научной прозе А. Х. Востокова, уместно привести высказывание Ю. Н. Караулова о том, что «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [8, с. 38]. Языковая личность А. Х. Востокова, личность неординарного учёного, мыслителя, проявляет себя, в частности, в отборе и использовании средств субъективной модальности. С одной стороны, эти средства типичны для научной речи в целом, отвечают её стилиобразующим требованиям, с другой – являются приметам индивидуально-авторской манеры, позволяют услышать уникальный голос автора, голос, который доносится до нас сквозь время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нагорный И. И. Модальные частицы и языковая личность говорящего // Лекантовские чтения – 2024: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 18 ноября 2024 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. М.: Государственный университет просвещения, 2024. С. 74–79.
2. Орехова Е. Н. Субъективная модальность научных произведений Л. В. Щербы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 36–46. DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-36-46.
3. Орехова Е. Н. Эвиденциальная модальность в научном лингвистическом тексте // Лекантовские чтения – 2021 : материалы Международной научной конференции (г. Москва, 22 ноября 2021 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 317–321.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 783 с.
5. Лекант П. А. Вводность – коммуникативно-прагматическая категория // Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Московский государственный областной университет, 2002. С. 130–133.
6. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики: из университетских чтений. 6-е изд. М.: КомКнига, 2005. 556 с.
7. Канафьева А. В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции. М.: Московский государственный областной университет, 2011. 200 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

REFERENCES

1. Nagorny, I. I. (2024). Modal Particles and the Linguistic Personality of the Speaker. In: *Lekant Readings – 2024: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 18, 2024)*. Moscow: Federal State University of Education publ., pp. 74–79 (in Russ.).
2. Orekhova, E. N. (2021). Subjective Modality in L. V. Shcherba's Scientific Works. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 5, 36–46. DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-36-46 (in Russ.).
3. Orekhova, E. N. (2021). Evidential Modality in Scientific Linguistic Text. In: *Lekant Readings – 2021: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 22, 2021)*. Moscow: Moscow Region State University publ., pp. 317–321 (in Russ.).
4. Vinogradov, V. V. (1947). *The Russian Language. A Grammatical Doctrine of the Word*. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz publ. (in Russ.).
5. Lekant, P. A. (2002). Introduction as a Communicative-Pragmatic Category. In: Lekant, P. A. *Essays on the Grammar of the Russian Language*. Moscow: Moscow Region State University publ., pp. 130–133 (in Russ.).
6. Bogoroditsky, V. A. (2005). *General Course of Russian Grammar: From University Readings*. Moscow: KomKniga publ. (in Russ.).
7. Kanafyeva, A. V. (2011). *Rhetorical Statement: Forms, Semantics, Functions*. Moscow: Moscow Region State University publ. (in Russ.).
8. Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian Language and Language Personality*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Орехова Елена Николаевна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения; e-mail: toptygina@gmail.com

Топтыгина Ольга Николаевна (г. Люберцы) – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии; e-mail: olentop@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena N. Orekhova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education
e-mail: toptygina@gmail.com

Olga N. Toptygina (Lyubertsy) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Humanitarian Disciplines, Russian Customs Academy;
e-mail: olentop@rambler.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-37-42

АКАДЕМИЯ И УНИВЕРСИТЕТ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА А. Х. ВОСТОКОВА

Учайкина Е. В.

Военный университет имени князя Александра Невского, г. Москва, Российская Федерация

email: elenauchaykina@gmail.com

Поступила в редакцию 29.04.2026

Принята к публикации 07.05.2026

Аннотация

Цель. Выявить особенности репрезентации концептов *Академия* и *Университет* в языковой картине мира А. Х. Востокова и определить их роль в организации научного знания.

Процедура и методы. Применялись контекстологический и синтагматический методы, элементы корпусного анализа, анализ номинативного поля и количественный подсчёт репрезентантов исследуемых концептов.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в текстах А. Х. Востокова концепт *Университет* представлен фрагментарно и преимущественно связан с обозначением социального статуса участников научного сообщества. Концепт *Академия*, напротив, обладает разветвлённой системой репрезентаций и соотносится с научной коммуникацией, публикационной деятельностью, профессиональной интеграцией и организацией научного сообщества. Установлено, что академическая модель играет более значимую роль в репрезентации научного знания, чем университетская.

Теоретическая и/или практическая значимость. Уточнены особенности языковой репрезентации научного пространства в текстах А. Х. Востокова. Полученные результаты расширяют представления о языковой личности учёного и о способах концептуализации научного знания в русской филологической культуре XIX века.

Ключевые слова: концепт *Академия*, концепт *Университет*, научная картина мира, номинативное поле, языковая личность А. Х. Востокова

Для цитирования:

Учайкина Е. В. *Академия и Университет в языковой картине мира А. Х. Востокова* // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 37–42. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-37-42>.

Original research article

THE CONCEPTS OF ACADEMY AND UNIVERSITY IN A. KH. VOSTOKOV'S LINGUISTIC WORLDVIEW

E. Uchaikina

Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow, Russian Federation

e-mail: elenauchaykina@gmail.com

Received by the editorial office 29.04.2026

Accepted for publication 07.05.2026

Abstract

Aim. To identify the specific features of the representation of the concepts *University* and *Academy* in the linguistic worldview of A. Kh. Vostokov and to determine their role in the organisation of scientific knowledge.

Methodology. The research corpus included A. Kh. Vostokov's scholarly works, prefaces, correspondence, and memoirs. The study employed contextual and syntagmatic analysis, as well as elements of corpus analysis, nominative field analysis, and quantitative analysis of concept representatives.

Results. The analysis demonstrated that the concept *University* is represented only fragmentarily in A. Kh. Vostokov's texts and is primarily associated with the social status of members of the scholarly community. By contrast, the concept *Academy* is characterised by a broad range of representations and is associated with scholarly communication, publishing activities, professional integration, and the organisation of academic communities. The findings indicate that the academic model played a more significant role in the representation of scientific knowledge than the university model.

Research implications. The study refines our understanding of the linguistic representation of scientific space in A. Kh. Vostokov's texts. The results contribute to the study of the scholar's linguistic personality and expand current knowledge of the ways scientific knowledge was conceptualised in Russian philological culture of 19th century.

Keywords: concept of *Academy*, concept of *University*, scientific picture of the world, nominative field, linguistic personality of A. Kh. Vostokov

For citation:

Uchaikina, E. V. (2026). The Concepts of *Academy* and *University* in A. Kh. Vostokov's Linguistic Worldview. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 37–42. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-37-42>.

Введение

Для языка науки существенны не только терминологичность и образность, но и языковая личность автора, особенно тогда, когда речь идёт об учёном, сыгравшем системообразующую роль в развитии научной дисциплины. Концепция языковой личности, сформулированная Ю. Н. Карауловым в монографии «Русский язык и языковая личность» [1], сохраняет актуальность и в исследованиях языка науки. Особый интерес при этом представляет анализ номинаций, используемых учёными XIX в. для обозначения элементов научного пространства, поскольку они отражают не только структуру научного знания, но и его ценностные доминанты. Внимание исследователей уже привлекали языковые личности Н. С. Трубецкого [2], В. М. Алпатова [3], Д. Н. Ушакова [4], Ю. М. Лотмана [5], В. В. Виноградова [6]. Однако языковая личность А. Х. Востокова до настоящего времени остаётся изученной фрагментарно, несмотря на её значимость для истории русской филологической науки XIX в.

Обращаясь к наследию А. Х. Востокова, мы формулируем следующую **проблему**: при высокой значимости концепта *Университет* [7] для дискурса XIX века в

текстах А. Х. Востокова соответствующее номинативное поле представлено минимально, тогда как номинация *академия* оказывается более значимой.

Цель исследования – выявить особенности репрезентации концептов *Университет* и *Академия* в текстах А. Х. Востокова, а также определить их связь с формированием языка научного знания.

Корпус исследования составили научные труды, предисловия, письма и воспоминания А. Х. Востокова. Широкое жанровое представление материала позволило наиболее полно описать способы языковой репрезентации научного знания в текстах учёного. При анализе материала использовались контекстологический и синтагматический методы: исследуемые номинации рассматривались в составе высказываний и в их сочетаемости с атрибутивными компонентами. Кроме того, применялись элементы корпусного анализа, поскольку корпус текстов был специально сформирован для данного исследования, а также методы анализа номинативного поля и количественный подсчёт репрезентантов исследуемых концептов.

Репрезентация научного пространства в текстах А. Х. Востокова

В современной культурно-образовательной парадигме *университет* занимает центральное место как пространство производства и трансляции научного знания. Особенно значимой его роль становится в XIX в., когда университет перестаёт быть исключительно образовательным учреждением и начинает функционировать как культурный, научный и общественно-политический центр. Концепт *Университет* получает широкую репрезентацию в текстах Ф. И. Буслаева¹, А. Н. Бекетова², Б. П. Вейнберга³, И. А. Гончарова⁴, С. А. Жебелёва⁵, А. А. Кизеветтера⁶, С. Ф. Платонова⁷ и других. Однако в исследованных нами текстах А. Х. Востокова ведущими номинациями, связанными с институционализацией научного знания, становятся *академия* и *общество*.

Опираясь в статье термином *концепт*, мы опираемся на определение Ю. С. Степанова, согласно которому концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в

ментальный мир человека.⁸ Понимая, что языковой знак «живёт в среде»⁹, мы полагаем, что способы репрезентации концепта, извлечённые из языковой среды, позволяют создать объективное представление о реальной представленности концепта для определённой языковой личности.

В работе А. Х. Востокова «Краткая история Общества любителей наук, словесности и художеств»¹⁰, которая в нашем корпусе представляет официально-деловую часть наследия учёного, ключевую роль в репрезентации научного пространства играет номинация *общество*. В тексте функционируют номинации *общество*, *дружеское общество любителей изящного*, *вольное общество любителей словесности*. Значительную роль играют и атрибутивные сочетания: *общественная деятельность*, *общественные знания*, *общественные обсуждения*, *общественное постановление*, *общественный устав*, *общественная цензура*. Такая сочетаемость акцентирует внимание на структурированности научного сообщества и его связи с регламентированными формами научной и общественной деятельности. В тексте номинация *университет* встречается только один раз – в сочетании *профессор Дерптского университета*. Здесь *университет* выступает не как самостоятельный центр научного знания, а как атрибут социального статуса участника научного сообщества. Концепт *Академия* представлен сочетанием *иностранная академия*. Академия как центр российского научного знания в тексте практически не репрезентирована.

Научная часть наследия А. Х. Востокова представлена в корпусе текстами «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составленной по древнейшим оного пись-

¹ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/buslaev/buslaev_moi_vospominaniya.html (дата обращения: 17.04.2026).

² Бекетов А. Н. Характеристика студентов, особенно петербургских // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л.: ЛГУ, 1963. С. 195–200.

³ Вейнберг Б. П. Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Менделееве как лекторе // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л.: ЛГУ, 1963. С. 141–156.

⁴ Гончаров И. А. В университете [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_1870_v_universitete.shtml (дата обращения: 17.05.2026)

⁵ Жебелёв С. А. Alma mater // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Петербургский университет. 1819–1895. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. С. 177–189.

⁶ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881–1914). М.: Искусство, 1997. 396 с.

⁷ Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Материалы научно-педагогической деятельности. Рецензии и отзывы. Историография и мемуаристика. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: Наука, 2017. 512 с.

⁸ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. С. 43.

⁹ Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2013. С. 39–40.

¹⁰ Востоков А. Х. Краткая история Общества любителей наук, словесности и художеств [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wostokow_a_h/text_0030.shtml (дата обращения: 19.04.2026).

менным памятникам»¹, «Предисловие к «Остромирову Евангелию»»² и «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума».³

В первом тексте представлено развитое лексико-семантическое поле, связанное с организацией научного знания и научной деятельности, однако номинация *академия* и связанные с ней адъективные формы отсутствуют. Практически не представлено и номинативное поле концепта *Академия*. Отсутствует также репрезентация концепта *Университет*, как прямая, так и перефразистическая. При этом активно функционируют номинации, связанные с инфраструктурой науки, её субъектами и материальными носителями знания: *библиотека* (Московская Синодальная библиотека, Имп. публичная библиотека, Эрмитажная библиотека, Мюнхенская публичная библиотека) и *учёные* («...как большая часть учёных согласно толкуют»). Таким образом, научное пространство репрезентируется прежде всего не через номинации, обозначающие институциональные субъекты научного знания типа *академия*, *университет*, а через систему научной коммуникации, способы хранения и интерпретации знания.

В «Предисловии к «Остромирову Евангелию»» институциональная номинация *Академия (Наук)* употребляется четыре раза, тогда как лексемы с корнем *-университет-* отсутствуют. Номинация *академия* оказывается связанной не только с научной деятельностью как таковой, но и

с организацией публикаций, финансированием и распространением научного текста. Это позволяет предположить, что именно академическая модель институционализации знания является для А. Х. Востокова приоритетной.

Институциональный характер научного пространства поддерживается и другими лексическими средствами: *издание*, *учёные*, *любители словенских древностей*. Последняя номинация семантически соотносится с ранее рассмотренной моделью научного общества как формы организации научной деятельности.

В «Описаниях русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» номинация *академия* представлена преимущественно в библиографических ссылках, комментариях и в сочетании «Известия II Отд. А. Н.», т. е., прежде всего, как источник публикации и форма организации научной коммуникации. Научное знание вновь осмысливается как деятельность сообщества, что проявляется в сочетаниях *нынешние слависты*, *учёные*, *мнения других учёных*. Номинации *университет* и адъективные сочетания со словом *университетский* в тексте отсутствуют.

Таким образом, в научных текстах А. Х. Востокова последовательно репрезентируются наука как сообщество (*учёные*, *любители древностей*) и наука как институция (*академия*), тогда как университетская модель организации научного знания практически не получает лексической репрезентации. Это позволяет предположить, что основным центром научной легитимации в языковой картине мира А. Х. Востокова выступает академическая, а не университетская модель науки.

Мемуарно-эпистолярная часть корпуса представлена воспоминаниями⁴ и перепиской⁵ А. Х. Востокова.

¹ Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составленной по древнейшим оного письменным памятникам // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском московском университете. Ч. 17. М.: В университетской типографии. С. 5–61.

² Востоков А. Х. Предисловие. Остромирово Евангелие 1056–57 года. С приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1843. С. I–VIII.

³ Востоков А. Х. Предисловие. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1842. С. I–II.

⁴ Востоков А. Х. Воспоминания [Электронный ресурс]. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1780-1800/Vostokov_A_H/text1.php?ysclid=mp76vmu68b557516763 (дата обращения: 21.04.2026).

⁵ Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1873. 504 с.

В воспоминаниях номинативное поле концепта *Университет* не получает репрезентации. Функции образовательной и интеллектуальной институции реализуются через номинации *академия*, *кадетский корпус*, *общество*. При этом академия обладает структурой (*«История внутреннего строя академии Художеств»*), является местом социализации (*«В новом месте надобно было мне заводить новых товарищей; я подружился с Осиповым...»*), местом чтения (*«Эти товарищи настроили ум мой на особенные мечтания: согласно с книгами, которые мы читали...»*), профессионально-цеховой интеграции (*«В 1800 году при выпуске из академии я оставлен был в ней ещё на три года пенсионером и вскоре определён был на службу помощником библиотекаря академии художеств»*).

Переписка А. Х. Востокова – единственный пример в корпусе, где концепт *Университет* получает развёрнутую лексическую репрезентацию. Встречаются следующие сочетания, номинирующие *Университет*: *Императорский Московский университет*, *профессор Виленского университета*, *профессор университета*, *Варшавский университет*, *Тюбингский университет*, *русские университеты*. Однако и по количеству репрезентаций, и по функциональной нагрузке *университет* здесь значительно уступает *академии*. Все упоминания *университета* носят прикладной характер, за исключением следующего примера, где *университет* выступает активным субъектом системного преподавания: *«В русских университетах полагается же преподавание истории и литературы Славянских наречий...»*

В письмах А. Х. Востокова *академия* упоминается 16 раз. Из дериватов отмечаем употребление лексемы *академик* (*академик Френ*, *академик Круг*, *академики*). Сочетаемость номинации вновь демонстрирует представленность *академии* как полноценной научной инфраструктуры, имеющей бюрократический аппарат (*секретарь Российской Академии*, *заседания Академии*, *поручение от Российской Академии*), являющейся источником на-

учных публикаций (*Словарь Российской Академии*, *Известия Академии*), представляющей сообщество (*члены Российской Академии*, *сотрудник Академии*). Адъективные сочетания представлены следующими примерами: *академические упражнения*, *академическая библиотека*. Несмотря на широкую представленность *академии* в письмах, концепт реализуется в текстах преимущественно на понятийном уровне. Так, не фиксируются образные парадигмы – инварианты ряда сходных образов.¹ Таким образом, для А. Х. Востокова институциональность академии не получает образного воплощения, хотя и явно доминирует в качестве модели создания, организации и распространения знания.

Заключение

В исследованных трудах А. Х. Востокова центром организации науки и научного знания выступают академия и общество. Научное пространство также репрезентируется через сеть научной коммуникации: библиотека, издание, учёное сообщество.

Концепт *Университет* представлен фрагментарно и преимущественно связан с представлением социального статуса участника научного сообщества. В языковой картине мира А. Х. Востокова функции организации, легитимации и трансляции научного знания связаны прежде всего с академией и иными формами научной коммуникации, а не с университетской моделью науки.

Подобная специфика может быть ассоциирована не только с особенностями языковой личности А. Х. Востокова, но и с организацией научного пространства первой половины XIX в., в котором академическая модель сохраняла высокую степень институционального влияния. Данное предположение требует проверки на более широком корпусе текстов современников А. Х. Востокова.

¹ Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков: в 2 т. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 29.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
2. Ерёмина С. А. Речевой портрет Н. С. Трубецкого на материале письма к Р. О. Якобсону // Лингвокультурология. 2019. № 13. С. 87–96.
3. Никитин О. В. Языковая личность академика В. М. Алпатова: к 80-летию со дня рождения // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 5. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1194.
4. Никитин О. В. «Пишу Вам, чтоб... у Вас благословиться» (переписка Д. Н. Ушакова с Ф. Ф. Фортунатовым 1904–1908 гг.) // Филологический класс. 2024. Т. 29. № 2. С. 17–26. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-17-26.
5. Салимова Л. М. Перспективы изучения Ю. М. Лотмана как элитарной языковой личности: лингвокультурологический подход // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 8 (61). С. 98–101.
6. Халикова Н. В. Образно-метафорическое пространство термина в языке научных текстов В. В. Виноградова // Русский язык в школе. 2018. Т. 79. № 9. С. 61–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-61-66.
7. Учайкина Е. В. Лексико-фразеологическая репрезентация концепта *Университет* в текстах воспоминаний: дис. ... канд. фил. наук. М., 2023. 182 с.

REFERENCES

1. Karaulov, Yu. N. (2010). *Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: LKI publ. (in Russ.).
2. Eremina, S. A. (2019). Speech Portrait of N. S. Trubetskoy Based on a Letter to R. O. Jakobson. In: *Contrastive Linguistics*, 13, 87–96 (in Russ.).
3. Nikitin, O. V. (2015). Linguistic Personality of Academician V. M. Alpatov: On the 80th Anniversary of His Birth. In: *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 47 (5), 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1194 (in Russ.).
4. Nikitin, O. V. (2024). “I am Writing to You to... Ask for Your Blessing” (Correspondence between D. N. Ushakov and F. F. Fortunatov, 1904–1908), In: *Philological Class*, 29 (2), 17–26. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-17-26 (in Russ.).
5. Salimova, L. M. (2014). Prospects for Studying Yu. M. Lotman as an Elite Linguistic Personality: A Linguacultural Approach. In: *Cherepovets State University Bulletin*, 8 (61), 98–101 (in Russ.).
6. Khalikova, N. V. (2018). Figurative and Metaphorical Meaning of the Term in V. V. Vinogradov's Scientific Texts. In: *Russian Language at School*, 79 (9), 61–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-61-66 (in Russ.).
7. Uchaykina, E. V. (2023). *Lexical and Phraseological Representation of the Concept University in the Texts of Memoirs*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Учайкина Елена Викторовна (г. Москва) – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка Военного университета имени князя Александра Невского;
ORCID: 0000-0002-8597-2479; e-mail: elenauchaykina@gmail.com

AUTHOR INFORMATION

Elena V. Uchaykina (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Lecturer, Russian Language Department, Prince Alexander Nevsky Military University;
ORCID: 0000-0002-8597-2479; e-mail: elenauchaykina@gmail.com

Научная статья

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-43-56

О СПЕЦИФИКЕ ИНЖЕНЕРНОГО ДИСКУРСА

Глазкова Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте

Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: glazkova-ea@ranepa.ru

Поступила в редакцию 19.01.2026

Принята к публикации 22.01.2026

Аннотация

Цель. Определить понятие инженерного дискурса, установив существенные характеристики, отличающие его от других дискурсов.

Процедура и методы. В исследовании на основании сравнительного анализа подходов к определению и структурированию понятия «дискурс» выводится модель представления инженерного дискурса. Выделяется периферийная зона инженерного дискурса, где он пересекается с маркетинговым дискурсом. Представлен анализ текстов, относящихся к данной зоне.

Результаты. Инженерный дискурс определён как самостоятельный тип дискурса, ядро которого отражает коммуникацию «инженер – инженер». На конкретном кейсе, касающемся продаж крупной техники, показана периферийная зона между маркетинговым и инженерным дискурсами и выделено доминирование последнего.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования состоит в определении места инженерного дискурса в русском дискурсивном пространстве. Систематизированы существующие научные представления об инженерном дискурсе, выявлены терминологические трудности использования терминов для его определения, рассмотрена пограничная зона между инженерным и маркетинговым дискурсами. Результаты исследования могут быть использованы в анализе профессиональной коммуникации в рамках инженерного дискурса, внимание к которому является современным трендом. Это обуславливает практическую значимость исследования.

Ключевые слова: дискурс, инженерный дискурс, маркетинговый дискурс, научный дискурс, маркёры дискурса, текст

Для цитирования:

Глазкова Е. А. О специфике инженерного дискурса // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 43–56. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-43-56>.

Original research article

ON THE SPECIFICS OF ENGINEERING DISCOURSE

E. Glazkova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

e-mail: glazkova-ea@ranepa.ru

© CC BY Глазкова Е. А., 2026.

Received by editorial office 19.01.2026

Accepted for publication 21.01.2026

Abstract

Aim. To define the concept of *engineering discourse* and establish the essential characteristics that distinguish it from other discourses.

Methodology. In the study, based on a comparative analysis of approaches to the definition and structuring of the concept *discourse*, it is concluded that a model for the presentation of an engineering discourse is constructed. There is a peripheral area of the engineering discourse, where it intersects with the marketing discourse. An analysis of texts pertaining to this area is presented.

Results. Engineering discourse is defined as an independent type of discourse whose core reflects the communication line *engineer – engineer*. The specific case of sales of large equipment shows the peripheral zone between marketing and engineering discourses and highlights the dominance of the latter.

Research implications. The theoretical significance of the study consists in determining the place of the engineering discourse in the Russian discursive space. The existing scientific views on engineering discourses were systematised, the terminology difficulties of using terms for its definition were identified and the boundary zone between engineering and marketing discourses was considered. The results of the study can be used in the analysis of professional communication within the framework of an engineering discourse, attention to which is a modern trend. This makes the study of practical importance.

Keywords: discourse, engineering discourse, marketing discourse, discourse markers, text

For citation:

Glazkova, E. A. (2026). On the Specifics of Engineering Discourse. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 43–56. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-43-56>.

Введение

Профессиональная коммуникация, связанная с техникой и технологиями, привлекает внимание современных лингвистов. Несмотря на то, что сообщество инженеров сформировалось фактически два века назад, его профессиональный язык и специфика интеракций до сих пор полно и последовательно не описаны.

В настоящей статье предполагается рассмотреть инженерный дискурс в аспекте его отношения к другим типам дискурсов.

Актуальность исследования поддерживается в том числе системой социальных задач, выдвигаемых в наше время. Наметившийся тренд на подготовку специалистов в области техники и технологий требует анализа системы коммуникаций в сфере инженерии.

Термин «инженерный дискурс» в современной русской дискурсологии

Однозначного понимания термина «инженерный дискурс» в настоящий момент в науке нет. Отчасти это связано с много-

значностью и дискуссионностью самого термина «дискурс», в связи с чем подобные проблемы распространяются и на термин «дискурс инженерный». Следуя за М. В. Лабашуком, под дискурсом мы понимаем «функциональный вариант лингвосемиотической деятельности в границах определённого функционального типа опыта, который ограничен временем, сферой деятельности, способом действия и/или тематикой, который содержит специфические элементы кода, то есть имеет определённые модельные (кодовые) принципы текстообразования, и который на этой основе объединяет характерные / типичные тексты» [1, с. 102–109]. Отдельный вид дискурса как самостоятельная сфера лингвосемиотической деятельности выделяется на фоне других, обладает какой-то степенью обособленности, характеризуется совокупностью (или частью из перечисленных) факторов: прагматикой деятельности, социально-психологическими характеристиками участников, временными, пространственными, тематическими

рамками [2]. Учёт прагматики, социально-психологических особенностей коммуникантов, пространственно-временных характеристик и тематики коммуникации позволяет выделить виды дискурсов, а «совокупность всех дискурсов представляет лингвосомиотический опыт в целом» [2, с. 111].

Проанализируем, что в рамках такого подхода означает понятие «инженерный дискурс». Даже на первый взгляд есть ряд оснований использовать прилагательное «инженерный» для выделения особого типа дискурса: так, технологические, или инженерные, задачи определяют тип и тематику коммуникации, в которой участвуют специалисты, получившие техническое – нередко именно инженерное – образование. Сама инженерная деятельность «направлена на разработку и проектирование средств, условий и технологий, необходимых для преобразования материальных ресурсов в технические устройства или готовые продукты, которые имеют общественную значимость и практическую применимость» [3, с. 108]. Исследователи определяют и особый тип мышления, понимая под инженерным мышлением «вид познавательной деятельности, направленной на исследование, создание и эксплуатацию новой высокопроизводительной и надёжной техники, прогрессивной технологии, автоматизации и механизации производства, повышение качества продукции» [4, с. 21]. Следовательно, можно сказать, что инженерный дискурс определяет коммуникацию инженеров или коммуникацию на темы, связанные с инженерной деятельностью.

Рассмотрим вопрос глубже. Необходимо выделить функциональный вариант человеческого опыта, аспект человеческой деятельности, обуславливающий инженерный дискурс. Такой тип опыта предполагает выполнение ряда технических задач, связанных с изобретением, проектированием, реализацией, эксплуатацией и ремонтом различных объектов. Вариантов реализации такого опыта множество: зарождение идеи создать или модернизировать какой-

то механизм ведёт к исследованию и изобретению; изобретение модели приводит к проектированию и поиску технологий создания объекта; разработка алгоритма и проект объекта могут подтолкнуть к его производству; созданный объект требует обслуживания в процессе эксплуатации, впоследствии, возможно, ремонта и обновления. Представление об инженерной деятельности как полипредметной и полифункциональной отражается и в представлениях носителей русского языка об «инженере», зафиксированных в ходе ассоциативного эксперимента. В «Словаре ассоциаций русского языка» в качестве реакций на стимул «инженер» представлены *строитель, электрик, механик, конструктор, технолог, специалист, рабочий, прораб, технарь, математик, изобретатель, инструктор, энергетик, контролёр, бухгалтер* и другие.¹ Широта ассоциаций свидетельствует о том, что носители языка связывают профессиональную деятельность инженера с разными видами задач, которые, считаем, можно охватить широким понятием «инженерное дело, или инженерия» (в некоторых источниках также встречается устаревшее «инженерство»), хотя ряд современных лексикографических словарей маркирует такое значение как устарелое, в частности «Словарь русского языка: в 4 т.» под редакцией А. П. Евгеньевой.²

Н. В. Куркан, Н. В. Фадеева и Н. А. Мишанкина сообщают результаты лексикографического исследования: 1) в энциклопедиях нередко отсутствуют словарные статьи «инженер», «инженерия», «инжиниринг», но есть статьи, посвящённые отдельным направлениям инженерной деятельности; 2) лингвистические словари разных лет зафиксировали появление термина «инженер» уже в лексике XVII в. и трансформацию его значения от «специ-

¹ Словарь ассоциаций русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://sinonim.org/as> (дата обращения: 31.08.2025).

² Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А–Й / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык: Полиграф-ресурсы, 1999. С. 667.

алист по военной технике» до «специалист с высшим техническим образованием» [5, с. 96].

Принятый нами подход, расширяющий представление об инженерной деятельности, объясняет использование выбранного нами термина при наличии альтернативных – *технологический, научно-технический, технический дискурс*. Два последних при этом являются высокочастотными, хотя исследования в большей степени ведутся на иноязычном материале, к тому же, как правило, обусловлены задачами преподавания иностранного языка студентам технических специальностей или решения вопросов перевода технических текстов [6–8]. Кроме того, есть примеры использования в качестве тождественных терминов *инженерный* и *технический дискурс* [9], *инженерный* и *научно-технический дискурс* [10].

Терминологические трудности определения разновидности дискурса отражаются и в попытках существенно расширить понятие (ряд исследователей используют более широкий термин «профессиональный дискурс») или сузить, предлагая отраслевую классификацию профессионального дискурса: например, работа К. М. Роевой посвящена «нефтяному дискурсу» [11].

На всех этапах описанной выше деятельности, обуславливающей существование специфического инженерного дискурса, – исследования и изобретения, проектирования и производства, эксплуатации и обслуживания – осуществляется упомянутая в определении выше лингвосомиотическая деятельность: каждый этап, материал, инструмент, каждое действие, функция, результат, эффект и под. должны быть именованы, отношения между ними обозначены, все участники и условия процесса названы. Таким образом создаётся специфическая функциональная языковая подсистема, ограниченная сферой деятельности коммуникантов, тематикой, временными рамками, обладающая собственными принципами создания текстов. Фактически представление о каком-либо типе дискурса – это представле-

ние о специфической языковой деятельности, имеющей временные, тематические и другие рамки, в ходе которой создаются какие-то характерные (типичные) тексты. На наш взгляд, именно связь между самой языковой деятельностью и её результатом приводит к метонимическому переносу, в результате чего ряд авторов использует термин «дискурс» фактически в качестве синонима термина «текст». Например, А. А. Кожина сообщает в своей статье, что в ходе её исследования «дискурсы извлекались из электронной версии популярного издания “Комсомольская правда”» [12, с. 271–272] и далее рассуждает о проблеме «соотношения между дискурсом и сопровождающими его параграфическими знаками» [12, с. 272], при этом отдельно рассматривая некие «отношения, возникающие в фотографически иллюстрированном дискурсе» [12]. Наблюдается терминологическая неоднозначность, порождающая путаницу: с одной стороны, употребляется конструкция «дискурс статьи», с другой – «заглавие дискурса» [12]. Г. М. Лёвина говорит о возможности «сформировать» в процессе образования инженерный дискурс у ученика, «помочь учащемуся овладеть инженерным дискурсом» [13, с. 137]. О. А. Киба, рассматривая, какие и в каком количестве признаки физического объекта могут или должны быть представлены в инженерном дискурсе, допускает такое употребление: «минимальным может считаться такое описание объекта, в котором выражен хотя бы один из десяти перечисленных признаков, а максимально эксплицированным является такой дискурс, который демонстрирует все признаки или их необходимый (и достаточный) в данной ситуации набор» [14, с. 63]. В нашем подходе неприемлемо и представление об экспликации / импликации как о качестве дискурса, и представление, что существует степень экспликации, обуславливающая появление «максимально эксплицированного дискурса» [14].

Не согласимся с высказыванием О. А. Кибы, который считает, что «Инженерный дискурс как одна из подси-

стем современного литературного языка в наше время выходит за рамки узкопрофессиональной коммуникации и становится феноменом повседневной действительности» [14, с. 61]. В нашем понимании «дискурс» как модель языковой деятельности, принцип организации коммуникации нельзя назвать «подсистемой языка», он не может «выйти в повседневность», а вот его отдельные единицы – от отдельных лексем до целых текстов – могут оказаться в не свойственных ему коммуникативных условиях, маркируя периферийную зону. Попутно отметим, что мы разграничиваем понятия «дискурс» и «дискурсивные практики», в отличие от упомянутого автора, использующего эти понятия как взаимозаменяемые: «В последнее время в отечественной лингвистике появляются исследования, которые посвящены какой-либо частной дискурсивной практике, например, компьютерно-информационному и массово-информационному дискурсу» [14].

Определение инженерного дискурса

Если подходить к анализу дискурса, в том числе инженерного, как к виду лингвосемиотической человеческой деятельности, то можно выявить конституционные составляющие. Прежде всего О. В. Лещак выделяет «специфический код» – это и есть актуальная используемая в определённом виде деятельности знаковая система, характерная для сферы опыта и принятая людьми, занятыми в ней, служащая соответствующим этой сфере целям [2, с. 111]. Вторым конституционным признаком является «совокупность специфических лингвосемиотических действий, характерных для этой сферы, этих носителей, этого времени, пространства и тематики и направленных на реализацию указанной цели» [2, с. 111]. Третий значимый элемент – продукты лингвосемиотической деятельности, т. е. тексты, созданные в рамках определённой сферы, отражающие как социально-психологические особенности пользователей, так и обстоятельства коммуникации [2, с. 111].

1. Кодом, определяющим инженерный дискурс, является особая семиотическая система, включающая в себя как вербальные (тексты) элементы, так и невербальные – чертежи, расчёты, формулы и т. д. Благодаря их совокупности становится возможным производство некоторой материальной ценности. Единицы вербальной системы нередко занимают вспомогательную позицию, обслуживая специфические невербальные высказывания. Тем самым создаётся своего рода креолизованная структура, использующая особую систему как символов, так и специфических терминов, что ограничивает круг возможных коммуникантов.

2. Система характерных действий, определяющая в том числе и используемые дискурсивные практики, имеет в качестве центра производство материальных ценностей, а поэтому доминируют тексты инструктивного типа (соответствующие директивным речевым актам), а также исследовательские, что в области техники и технологий сближает инженерный дискурс с научным.

3. Технические тексты могут быть использованы как в профессиональной – инженерно-технической – коммуникации, так и в научной. К техническим текстам относят инструкции, нормативные документы, руководства по эксплуатации, отчёты по проведённым исследованиям и подобное. Главная задача технического текста – «точная и однозначная передача знаний, инструкций или описаний технических систем и процессов» [15, с. 51].

Специфика инженерного дискурса обусловлена разнообразием видов человеческого опыта: исследовательским, проектным, конструкторским, технологическим – в рамках которых требуются знания разного типа, как теоретические, так и практические. В зависимости от конечных целей, сферы и результатов деятельности привлекаются знания из разных научных сфер, а дополнительно к ним – в качестве универсальных – экономические и социальные. Поскольку знания научного характера составляют противопоставленную

обыденной научную картину мира, инженерный дискурс связан с её сферой. Если представить более детальную типологию, можно выделить рационально-утилитарную картину мира, которая также находит отражение в инженерном дискурсе.

Сказанное обуславливает отсутствие в современной науке единого мнения о том, является ли инженерный дискурс самостоятельным видом институционального дискурса, под которым В. И. Карасик понимает «общение, ограниченное рамками статусно-ролевых отношений» [16, с. 292]. Так, И. Б. Авдеева и В. Цинтин выделяют «внутри общего русского научного дискурса собственно инженерный дискурс» [17, с. 35]. В русле концепции В. И. Карасика о том, что системообразующими признаками институционального дискурса являются «цели и участники общения, ценности, стратегии, тематика, жанры, дискурсивные формулы» [5, с. 94], Н. В. Куркан, Н. В. Фадеева и Н. А. Мишанкина отделяют его от дискурса научного, утверждая, что «инженерная коммуникация является самостоятельным видом профессионального дискурса» [5, с. 94]. Авторы сопоставляют цели научной и инженерной коммуникации, однако не учитывают всего спектра целеполагания, останавливаясь только на одной, по их мнению, основной цели в каждом виде коммуникации. Подробно рассматривают участников коммуникации («агент – клиент» [16]), считая, что клиентами (адресатами) инженерной коммуникации могут быть не только профессионалы, но и широкая общественность, а в научной коммуникации, с точки зрения авторов, непрофессиональных получателей сообщений нет. Сопоставляя ценности научного и инженерного дискурсов, мы считаем, что авторы необъективно выделяют в качестве ценностей только научного дискурса «знание, истину, исследование», «систематичность, методичность, критичность и общезначимость результатов» [5, с. 94–95], называя ценностями инженерного дискурса только технический прогресс, технологическую эффективность и утилитарность

[5, с. 95]. Авторы отмечают специфическую тематику текстов инженерного дискурса и, с чем мы согласны, наличие ряда специфических жанров, таких как стандарты, инструкции, патенты, различного рода технические описания. Авторы признают, что при этом в тексте используется научно-технический подстиль языка, так что по этому критерию сходство между инженерным и научным дискурсом прослеживается.

О. В. Лещак выделяет всего шесть основных видов человеческой деятельности и соответствующих им основных видов дискурсов, разделяя последние на реальные и виртуальные в эссенциальном аспекте и на рациональные (объектные) и эмоциональные (субъектные) в прагматическом аспекте [2]. К реальным дискурсам автор относит бытовую, экономический и общественно-политический, к виртуальным – философский, научный и эстетический. Если принять представленную типологию дискурсов, инженерный дискурс оказывается гибридным типом, совмещающим черты экономического (реального) и научного (виртуального) типов дискурса. В концепции О. В. Лещака гибридные типы дискурсов – это «переходные смешанные дискурсивные пространства» [2, с. 112], возникшие из-за взаимодействия и взаимодополнения основных типов дискурсов. С позиции прагматического подхода инженерный дискурс относится к объектному типу дискурсов, т. к., по классификации О. В. Лещака, к объектному типу относятся научный и экономический дискурсы. Однако верно ли, что колоссальный объём текстов займёт промежуточную позицию, ведь у гибридных образований нет собственных свойств, а их положение в системе оказывается более слабым, чем у «чистых» типов? Мы полагаем, что инженерный дискурс занимает собственную независимую позицию, а его периферийные зоны возникают в местах пересечения с маркетинговым, учебным, научным дискурсами. Такая точка зрения поддерживается в ряде работ, в которых идёт речь

о самостоятельном инженерном дискурсе [18; 19 и др.].

Итак, под инженерным дискурсом предлагается понимать функциональный вариант лингвосомиотической деятельности в границах современной инженерной деятельности, реализующий соответствующие коммуникативной ситуации модельные (кодовые) принципы текстообразования и на этой основе объединяющий типичные тексты, связанные с инженерной деятельностью.

Сказанное определяет характер, объём и требования структурной организации привлекаемой информации. Основные виды деятельности, формирующие инженерный дискурс, предполагают рациональное описание объектов, попадающих в фокус внимания коммуникаторов. В инженерном дискурсе обнаруживаем чертежи и расчёты, являющиеся наряду с текстами информационными продуктами инженерной деятельности, но находящиеся за пределами нашего внимания. Дискурсивные особенности порождают необходимость использования в процессе создания текстов определённых языковых моделей. В частности, отдельная характеристика объекта может быть измерена в каких-то величинах, для её характеристики при этом используется количественный показатель. Большое количество характеристик, представленных при помощи одной модели, позволяет объединить данные в таблицу. Само по себе частотное использование таблиц можно считать формальным показателем инженерного дискурса. Для подтверждения сказанного рассмотрим кейс.

Кейс

Наглядное представление технических характеристик в формате таблиц обнаружим, например, на сайтах компаний, продающих выпущенную ими технику. Такие тексты представляют периферийную зону инженерного дискурса, поскольку относятся к сфере не производства материальных ценностей, а их реализации, т. е. находятся на пересечении инженерного

дискурса с маркетинговым. При этом возникает вопрос, на который мы намерены дать ответ, какой из двух дискурсов доминирует.

На рисунке 1 представлен пример сообщения технических характеристик магистрального грузового тепловоза 3ТЭ28, выпускаемого АО «УК «БМЗ». Сайт существует только в русскоязычной версии, деятельность завода ориентирована на внутренний рынок. Пример представляет таблицу, оформленную в соответствии с существующими требованиями, закреплёнными ГОСТ Р 7.0.3 2006. В частности, информация структурирована, разбита на столбцы и строки, в головке таблицы размещены наименования столбцов: *Наименование показателя* и *Значение*.

Одной из характеристик любого текста является его ориентированность на тип читателя. Она определяется *заботой* автора о читателе и *ответственностью* автора перед читателем. *Забота* выводится из того, какую систему знаний устанавливает автор в качестве известной. *Ответственность* проявляется в экспликации уверенности автора в передаваемой информации. Можно выделить две базовых стратегии в проявлении заботы автора. Назовём это, по аналогии с термином «направление соответствия», *направлением заботы*. Направление «от автора к читателю» означает стремление автора помочь читателю понять текст, разъяснить возможно непонятное. Оно характеризует, например, учебный дискурс. Направление «от читателя к автору» означает уверенность автора в вовлечённости читателя в описываемую проблематику и – потенциально – готовность читателя самостоятельно восполнить собственную неосведомлённость. Обратим внимание, что в представленной таблице реализована вторая стратегия: чтобы оценить характеристики тепловоза, читатель должен знать, что такое *передаточное отношение тягового редуктора* или *осевая формула*, а также понимать, что сокращение *тс* – это *тонносила*. Очевидно, что такой тип направления заботы характерен именно для

TMX БРЯНСКИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД О компанииНаши продуктыНаши людиКарьераПресс-центр		
Технические характеристики ^		
Наименование показателя	Значение	
	Тепловоз 3ТЭ28 (три секции)	Тепловоз 2ТЭ28 (две секции)
Номинальная мощность тепловоза по дизельному двигателю, кВт (л.с.)	3х2850 (3х3876)	2х2850 (2х3876)
Конструкционная скорость, км/ч (м/с)	100 (27,8)	
Скорость длительного режима, км/ч (м/с)	24,64 (6,84)	
Номинальная служебная масса тепловоза (с запасом топлива и песка равным 2/3 от полной загрузки), т	3х147±3%	2х147±3%
Осевая формула	3х(3 ₀ – 3 ₀)	2х(3 ₀ – 3 ₀)
Номинальная статическая нагрузка от колесной пары на рельсы при 2/3 запаса топлива и песка, кН (тс), не более	245,1 (25,0)	
Передаточное отношение тягового редуктора	4,41	
Сила тяги при трогании с места (при ψ =0,33), кН (тс)	3х422,8 (3х43,11)	2х422,8 (2х43,11)
Сила тяги длительного режима, кН (тс)	3х314,8 (3х32,1)	2х314,8 (2х32,1)
Напряжение бортовой сети, В	110±2,5	
Коэффициент полезного использования мощности дизельного двигателя тепловоза при выполнении тяговой работы по перемещению состава в диапазоне скоростей движения от 0,4 до 0,9 конструкционной скорости при нормальных климатических условиях	0,78	
Коэффициент полезного действия тепловоза при работе дизельного двигателя на полной мощности в диапазоне скоростей движения от 0,4 до 0,9 конструкционной скорости	0,32	
Минимальный радиус горизонтальной кривой, проходимой одиночным тепловозом при скорости 10 км/ч, м	125	
Ширина колеи, мм	1520	
Габарит по ГОСТ 9238	1-Т с нижним очертанием по рисунку 5 (вписывание антенн радиосвязи по габариту 1-Т _д)	

Рис. 1. Fig. 1. Технические характеристики магистрального грузового тепловоза 3ТЭ28 / Technical characteristics of the main cargo locomotive, model 3TE28

Источник: TMX: Брянский машиностроительный завод [Электронный ресурс]. URL: <https://ukbmz.ru/production/magistralnye-teplovozy/teplovozyi-serii-te28-proizvodstva-bryanskogo-mashinostroitelno-go-zavoda-v-2-h-i-3-h-sektsionnom-ispolneniyah> (дата обращения: 11.01.2026).

инженерного дискурса, где реализуется общение профессионалов.

Существенно, что на той же странице в разделе «Основные преимущества тепловоза», где обнаруживаются эмоциональные высказывания (типа «Надёжность основных систем»), что, казалось бы, не должно характеризовать дискурс как инженерный, мы находим то же направление заботы, например, в высказывании «Реализовано поддержание постоянной мощности на тягу на каждой позиции контроллера, независимо от изменения условий окружающей среды».¹

¹ TMX: Брянский машиностроительный завод [Электронный ресурс]. URL: <https://ukbmz.ru/production/magistralnye-teplovozy/teplovozyi-serii-te28-proizvodstva-bryanskogo-mashinostroitelno-go-zavoda-v-2-h-i-3-h-sektsionnom-ispolneniyah> (дата обращения: 11.01.2026).

На главной странице сайта автомобильного завода «УРАЛ» пользователь, даже не переходя во вкладку «Модельный ряд», сразу видит образцы продукции завода. В «фотокарусели» представлены основные рекламируемые модели грузовых машин и автобус для вахтовых перевозок. Фотографии снабжены короткой характеристикой (например, «Новый УРАЛ 6х4 – автомобиль с уральским характером»²) и кнопкой перехода из пиар-дискурса к дискурсу инженерному.

На рисунке 2 представлена часть параметров, описывающих модель «УРАЛ NEXT (Самосвал)» (URAL 55571-5121-74) в базовой комплектации. Как видим, информация структурирована, в таблице име-

² Урал: Автомобильный завод [Электронный ресурс]. URL: <https://uralaz.ru> (дата обращения: 11.01.2026).

Наименование	55571-5121-74
Классификация, тип	Самосвал
Колёсная формула	6x6
ВЕСОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	
Грузоподъёмность, кг	10000
Полная масса, кг	21300
Распределение полной массы, на передний мост, кг	5300
Распределение полной массы, на заднюю тележку, кг	16000
КАБИНА	
Тип кабины	NEXT, за двигателем, трехместная
Спальное место	нет
ПЛАТФОРМА	
Самосвальная платформа, тип	ковшовая, с обогревом выхлопными газами; коробчатая, с обогревом выхлопными газами
Объем платформы, куб.м.	8;10;11,5
Высота борта	1150/1450/1580
Направление разгрузки	задняя
Задний борт	есть
ДВИГАТЕЛЬ	
Тип двигателя	дизельный, четырехтактный, с турбонаддувом, рядный
Рабочий объем, л.	6,65

Рис. 2. / Fig. 2. Технические характеристики URAL 55571-5121-74 / Technical characteristics of URAL 55571-5121-74

Источник: Урал: Автомобильный завод [Электронный ресурс]. URL: <https://uralaz.ru/> (дата обращения: 11.01.2026).

ются внутренние подзаголовки: *Весовые характеристики, Кабина, Платформа, Двигатель, Коробка передач, Раздаточная коробка, Ведущие мосты, Тормозная система, Предпусковой подогреватель, Система питания, Максимальная скорость, Шины, Габаритные размеры, Особенности комплектации*. Первые четыре и последний подзаголовок объединяют несколько параметров, относящихся к одной характеристике.

Подобные рассмотренным примерам таблицы или тексты, содержащие информацию о характеристиках и параметрах продукции, размещённые на сайтах производственных компаний, необходимы не только для представления технических устройств, но и для реализации маркетинговых функций. В сфере B2B, или в сфере товарной рекламы, не принимаются импульсные решения о покупке, поэтому нужны аргументы, рациональные основания для принятия решения. Кроме того, эти тексты становятся основой для написания текстов рекламных, в которые переносятся элементы, свойственные не

рекламному, а инженерному дискурсу. Это обусловлено спецификой продаж в сегменте B2B, хотя известный рекламист Дэвид Огилви во второй половине XX в. писал, что в сфере продаж для бизнеса используются стандартные рекламные приёмы: «те же обещания читателю какой-нибудь выгоды, те же новости, свидетельства экспертов или полезная информация».¹ Однако он далее добавлял, что потенциальные покупатели техники, программного обеспечения и подобного ждут не пиар-истории о масштабе и значимости бизнеса, а «ответственности, грамотной поддержки, хорошего обслуживания, ну и разумеется, – качественного продукта».² Поэтому в товарной рекламе Огилви рекомендовал использовать точные данные и не забывать, что адресатами такой рекламы являются высокообразованные специалисты. Рекламное объявление в сфере продаж для бизнеса не должно содержать ярких языковых и визуальных

¹ Огилви Д. О рекламе / пер. А. Гостева, Т. Новиковой. 6-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 186.

² Там же.

средств, стандартных для привлечения внимания, потому что в этом сегменте они как раз становятся отвлекающими от сути. Формат рекламного текста может напоминать формат статьи, а не обычной рекламы, поэтому нередко такая реклама имеет большой объём, содержит специальные термины, в качестве аргументов, мотивирующих покупку, используются точные параметры. Фактически в этих случаях можем говорить об использовании в рекламном дискурсе элементов инженерного и даже об их доминировании над рекламными.

Языковые средства технических текстов, использующихся в инженерном дискурсе, «подчинены потребностям специфической коммуникации: аргументированности, краткости, ясности и понятности изложения» [15, с. 52]. Утилитарные по своей сути тексты чётко регламентированы, конкретны и прагматичны, не допускают вариативности, не имеют эмоциональной или субъективной окрашенности, стилистически обезличены. Обезличенность достигается использованием безличных конструкций, конструкций с пассивным залогом и отказом от личных местоимений. Язык текстов инженерного дискурса стремится к объективности и однозначности. Поэтому тексты инженерного дискурса в связи с выполняемыми функциями, обстоятельствами и спецификой общения нередко формализованы, как, например, инструктивный текст или текст сопроводительной записки к чертежу разработки. Регламентированность и шаблонность являются характерными чертами официально-делового стиля, что позволяет сделать вывод, что текст инженерного дискурса имеет особенности как научного, так и официально-делового функционального стиля языка: «Он сочетает свойства научного стиля (строгая логика, аргументированность, информативность) с чертами официально-делового (строгость формулировок, нормативность языка)» [15, с. 52].

Маркёры инженерного дискурса

Формализованность технического текста проявляется в соблюдении строгой композиции: текст разбит на упорядоченные разделы, определяемые конкретным жанром. Например, могут быть представлены введение, методика проведения исследования, описание эксперимента, полученные результаты, сделанные выводы. Информация излагается последовательно, между частями прослеживаются чёткие связи. Проявлением упорядоченности и формализованности являются рассмотренные выше таблицы, а также классификации, всевозможные перечни, позволяющие кратко, тезисно изложить информацию, разбив на пункты, избегая сложных оборотов. Структура текста зависит от функционала и жанра: «текст может быть описательным (например, описание конструкции прибора), пояснительным (теоретическое обоснование принципа работы) или инструктивным (пошаговое руководство по эксплуатации)» [15, с. 55].

Формализованные обезличенные тексты часто содержат обобщённую информацию, позволяющую представить типовые ситуации, пропустив индивидуальные примеры. Эта особенность позволяет создавать, например, универсальные инструкции, охватывающие принципы работы разных моделей и модификаций.

Ещё одной особенностью является смысловая ёмкость, или информативность. Добиться смысловой ёмкости и компактности помогают термины и профессионализмы – единицы, составляющие сегмент специальной лексики в языке. Специальный аппарат технического текста могут составлять не только специальные термины, но и общенаучные и общеупотребительные слова, используемые только в прямом значении. Многозначность и синонимия не приветствуются в терминосистемах. Терминология каждой отрасли знания пополняется, при этом используются ресурсы иноязычной лексики (иноязычные термины, входя в лексикон русского языка как заимствования, состав-

ляют интернациональную лексику) и возможности внутриязыкового словообразования, развития словообразовательных гнезд. Стремление к информативности и компактности приводит к использованию особых синтаксических конструкций, построенных на эллипсе и компрессии. Частота использования делает описанные выше единицы маркером профессионального – в том числе инженерного – дискурса. Именно благодаря таким маркерам читатель понимает, в рамках какого дискурса создан текст, что формирует определённые от него ожидания. Помимо специальных терминов маркерами инженерного дискурса являются сокращения, в том числе аббревиатуры, закрепившиеся буквенно-цифровые обозначения, нормативные ссылки на международные, национальные и межотраслевые стандарты, специфические текстовые клише.

Сказанное позволяет отметить такую особенность ряда текстов инженерного дискурса, как стереотипность. Стереотипные обороты и словосочетания позволяют автору лаконично и ёмко выразить мысль, а читателю – быстрее её понять. Их повторяемость обеспечивает запоминание стандартных конструкций и смыслов, ими выраженных. Между текстами, в которых они используются, устанавливаются связи, совокупность текстов проще ассоциируется с конкретным видом дискурса. Можно посмотреть на этот процесс и в другом аспекте: использование стереотипных конструкций предполагает наличие у читателя подготовленности к восприятию такой информации, сформированной компетентности, которая позволит ему «распаковать» выраженные смыслы.

Отметим отдельно ещё одну черту текста инженерного дискурса: в нём, как правило, используются разные формы представления информации. Кроме текстовой, активно используются ранее упомянутые нами таблицы и рисунки, а также формулы, графики, диаграммы, схемы, инфографика как гибридная форма. Визуальные элементы используются не для иллюстрации сказанного, а как полноценный носитель смысловой информации. Основной принцип использования визуальных компонентов – комплементарность: изображение представляет данные для анализа, а в тексте содержатся интерпретация данных и выводы [20, с. 750].

Заключение

Подводя итог проведённому анализу, скажем, что рассматриваем инженерный дискурс как самостоятельный вид дискурса, относящийся к реальным видам дискурса. Коммуникация предполагает взаимодействие подготовленных специалистов. Текст инженерного дискурса – это, прежде всего, текст технический. Его основные свойства: информативность, лаконичность, композиционная стройность, формализованность и стереотипность, объективность и обезличенность. Маркерами такого текста являются термины, аббревиатуры, буквенно-цифровые обозначения, ссылки на стандарты и нормативы, языковые клише. На периферии инженерного дискурса обнаруживаются гибридные зоны: в частности, единицы инженерного дискурса проникают в маркетинговый, занимая в сфере товарной рекламы доминирующее положение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лабашук М. В. Дискурсология, или типология вербального мышления // La Table Ronde: сборник материалов. Вып. 2. Лингвистика дискурса и перспективы её развития в парадигме современной славистики. Минск: Республиканский институт высшей школы, 2013. С. 102–109.
2. Лещак О. В. Лингвистика дискурса и перспективы её развития в парадигме современной славистики // La Table Ronde: сборник материалов. Вып. 2. Лингвистика дискурса и перспективы её развития в парадигме современной славистики. Минск: Республиканский институт высшей школы, 2013. С. 109–113.
3. Голиков В. Д., Голиков С. В. Инженерная деятельность в современном обществе: теоретико-методологические основания // Вестник Пермского национального исследовательского политехни-

- ческого университета. Социально-экономические науки. 2022. № 1. С. 108–119.
4. Жаркова Т. В., Додонова Л. С., Чупчугова А. А. Формирование инженерного мышления в процессе изучения теоретической и прикладной механики и инженерной графики // Петровские чтения – 2024. Актуальные проблемы преподавания физики и математики в медицинских и военных вузах: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 24 апреля 2024 г.). СПб: Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова, 2024. С. 20–31.
 5. Куркан Н. В., Фадеева Н. В., Мишанкина Н. А. Дискурсивная специфика инженерной коммуникации в русском социокультурном пространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (208). С. 92–102.
 6. Борисова В. А. Креолизованный текст в техническом дискурсе: особенности восприятия и перевода // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2025. № 50. С. 47–51.
 7. Билалова Д. Н. Метафорическое терминообразование в техническом дискурсе (на материале русского, башкирского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 2. С. 648–654. DOI: 10.30853/phil20240093.
 8. Рубанникова И. А. Анализ и основные характеристики научно-технического дискурса // Психолого-педагогические и лингвокультурологические исследования: от теории к практике: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 8 июня 2023 г.). М.: Академ-пресс, 2023. С. 28–30.
 9. Ванчугова О. Д., Фролова Т. П. Особенности обучения иноязычному инженерному дискурсу в техническом вузе: лингвистический аспект // Проблемы современного образования. 2022. № 5. С. 187–193. DOI: 10.31862/2218-8711-2022-5-187-193.
 10. Валиева А. В. К вопросу о ситуативных элементах инженерного (научно-технического) дискурса [Электронный ресурс] // Russian Linguistic Bulletin: [сайт]. 2025. № 3 (63). URL: <https://rulb.org/archive/3-63-2025-march/10.60797/RULB.2025.63.13> (дата обращения: 14.01.2026). DOI: 10.60797/RULB.2025.63.13.
 11. Роева К. М. Категориальные признаки причастия в английском научно-техническом дискурсе и особенности их реализации на примере нефтяного дискурса // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2020. № 3 (41). С. 72–90.
 12. Кожина А. А. О роли иллюстрации как параграфического знака в экстравертированном газетно-публицистическом дискурсе // La Table Ronde: сборник материалов. Вып. 2. Лингвистика дискурса и перспективы её развития в парадигме современной славистики. Минск: Республиканский институт высшей школы, 2013. С. 271–278.
 13. Левина Г. М. О некоторых особенностях инженерного дискурса и необходимости их учёта при обучении русскому языку иностранных студентов технических вузов // Преподавание и изучение русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции Российского общества преподавателей русского языка и литературы (Нижний Новгород, 23–25 мая 2002 г.). Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2002. С. 136–137.
 14. Киба О. А. Парадигматика и синтагматика инженерного дискурса: лингводидактический подход // Филология и человек. 2019. № 1. С. 61–73. DOI: 10.14258/filichel(2019)1-05.
 15. Лукина Е. С., Серостанова Н. Н. Технический текст как лингвистический феномен // Инновационные подходы в решении научных проблем: сборник трудов по материалам XXII Международного конкурса научно-исследовательских работ (Уфа, 26 мая 2025 г.). Уфа: Вестник науки, 2025. С. 51–59.
 16. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
 17. Авдеева И. Б., Цинтин В. К вопросу о трудностях перевода русского инженерного дискурса на китайский // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2025. № 3 (23). С. 34–43. DOI: 10.18572/2687-0339-2025-3-34-43.
 18. Киба О. А. Мультиmodalность дискурсивной информации как лингводидактический механизм (на материале инженерного дискурса) // Методология и технологии преподавания русского языка как иностранного: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 15 февраля 2024 г.). М.: Московский педагогический государственный университет, 2024. С. 272–276.

19. Шнякина Н. Ю. Репрезентация количественного аспекта абстрактных объектов в немецком инженерном дискурсе (на примере сложных имён существительных) // Филология и человек. 2023. № 2. С. 7–24. DOI: 10.14258/filichel(2023)2-01.
20. Князева Е. А., Назаров А. Д., Наумова Н. А. Мультиmodalность лингвистической логики в научно-техническом дискурсе на примере сочетания визуальных и текстовых составляющих // Космические технологии – 2025: сборник научных статей III Международной межведомственной научно-технической конференции (Москва, 04–06 июня 2025 г.). М.: Сфера, 2025. С. 749–755.

REFERENCES

1. Labashchuk, M. V. (2013). Discourseology, or the Typology of Verbal Thinking. In: *La Table Ronde: A Collection of Materials. Iss. 2. Discourse Linguistics and Prospects of Its Development in the Paradigm of Modern Slavic Studies*. Minsk: Republican Institute of Higher Education publ., pp. 102–109 (in Russ.).
2. Leshchak, O. V. (2013). Discourse Linguistics and Prospects of Its Development in the Paradigm of Modern Slavic Studies. In: *La Table Ronde: A Collection of Materials. Iss. 2. Discourse Linguistics and Prospects of Its Development in the Paradigm of Modern Slavic Studies*. Minsk: Republican Institute of Higher Education publ., pp. 109–113 (in Russ.).
3. Golikov, V. D. & Golikov, S. V. (2022). Engineering Activity in Modern Society: Theoretical and Methodological Foundations. In: *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 1, 108–119 (in Russ.).
4. Zharkova, T. V., Dodonova, L. S., & Chupchugova, A. A. (2024). Formation of Engineering Thinking While Studying Theoretical and Applied Mechanics and Engineering Graphics. In: *Petrovsky Readings – 2024. Actual Problems of Teaching Physics and Mathematics in Medical and Military Universities: Collection of Materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, April 24, 2024)*. St. Petersburg: S. M. Kirov Military Medical Academy publ., pp. 20–31 (in Russ.).
5. Kurkan, N. V., Fadeeva, N. V. & Mishankina, N. A. (2020). Discursive Specificity of Engineering Communication in the Russian Sociocultural Space. In: *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2 (208), 92–102 (in Russ.).
6. Borisova, V. A. (2025). Creolized Text in Technical Discourse: Features of Perception and Translation. In: *Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects*, 50, 47–51 (in Russ.).
7. Bilalova, D. N. (2024). Metaphorical Terminology Formation in Technical Discourse (Based on Russian, Bashkir, and English Languages). In: *Philology. Theory & Practice*, 17 (2), 648–654. DOI: 10.30853/phil20240093 (in Russ.).
8. Rubannikova, I. A. (2023). Analysis and Main Characteristics of Scientific and Technical Discourse. In: *Psychological, Pedagogical and Linguacultural Studies: From Theory to Practice: Materials of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, June 8, 2023)*. Moscow: Akadem-press publ., pp. 28–30 (in Russ.).
9. Vanchugova, O. D. & Frolova, T. P. (2022). Features of Teaching Foreign-Language Engineering Discourse in a Technical University: Linguistic Aspect. In: *Problems of Modern Education*, 5, 187–193. DOI: 10.31862/2218-8711-2022-5-187-193 (in Russ.).
10. Valieva, A. V. (2025). On Situational Elements of Engineering (Scientific and Technical) Discourse. In: *Russian Linguistic Bulletin*, 3 (63). URL: <https://rulb.org/archive/3-63-2025-march/10.60797/RULB.2025.63.13> (accessed: 14.01.2026). DOI: 10.60797/RULB.2025.63.13 (in Russ.).
11. Roeva, K. M. (2020). Categorical Features of the Participle in English Scientific and Technical Discourse and Features of Their Implementation Using the Example of Oil Discourse. In: *Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction*, 3 (41), 72–90 (in Russ.).
12. Kozhinova, A. A. (2013). On the Role of Illustration as a Paragraphic Sign in Extroverted Newspaper-Journalistic Discourse. In: *La Table Ronde: A Collection of Materials. Iss. 2. Discourse Linguistics and Prospects for Its Development in the Paradigm of Modern Slavic Studies*. Minsk: Republican Institute of Higher Education publ., pp. 271–278 (in Russ.).
13. Levina, G. M. (2002). On Some Features of Engineering Discourse and the Need to Take Them into Account When Teaching Russian to Foreign Students of Technical Universities. In: *Teaching and Studying Russian Language and Literature in the Context of Russia's Modern Language Policy: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference of the Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature (Nizhny Novgorod, May 23–25, 2002)*. Nizhny Novgorod: National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky publ., pp. 136–137 (in Russ.).
14. Kiba, O. A. (2019). Paradigmatics and Syntagmatics of Engineering Discourse: A Lingvodidactic

- Approach. In: *Philology & Human*, 1, 61–73. DOI: 10.14258/filichel(2019)1-05 (in Russ.).
15. Lukina, E. S. & Serostanovaya, N. N. (2025). Technical Text as a Linguistic Phenomenon. In: *Innovative Approaches to Solving Scientific Problems: A Collection of Papers Based on the Materials of the XXII International Research Paper Competition (Ufa, May 26, 2025)*. Ufa: Vestnik nauki publ., pp. 51–59 (in Russ.).
 16. Karasik, V. I. (2002). *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena publ. (in Russ.).
 17. Avdeeva, I. B. & Tsinting, V. (2025). On the Difficulties of Translating Russian Engineering Discourse into Chinese. In: *Professors Journal. Series: Russian Language and Literature*, 3 (23), 34–43. DOI: 10.18572/2687-0339-2025-3-34-43 (in Russ.).
 18. Kiba, O. A. (2024). Multimodality of Discursive Information as a Linguodidactic Mechanism (Based on Engineering Discourse). In: *Methodology and Technologies of Teaching Russian as a Foreign Language: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, February 15, 2024)*. Moscow: Moscow State Pedagogical University publ., pp. 272–276 (in Russ.).
 19. Shnyakina, N. Yu. (2023). Representation of the Quantitative Aspect of Abstract Objects in German Engineering Discourse (Using Compound Nouns as an Example). In: *Philology & Man*, 2, 7–24. DOI: 10.14258/filichel(2023)2-01 (in Russ.).
 20. Knyazeva, E. A., Nazarov, A. D. & Naumova, N. A. (2025). Multimodality of Linguistic Logistics in Scientific and Technical Discourse Using the Example of a Combination of Visual and Textual Components. In: *Space Technologies – 2025: Collection of Scientific Articles from the III International Interdepartmental Scientific and Technical Conference (Moscow, June 4–6, 2025)*. Moscow: Sfera publ., pp. 749–755.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глазкова Елена Анатольевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры дискурсивных практик Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
ORCID: 0000-0002-1526-7934; e-mail: glazkova-ea@ranepa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Glazkova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof. Department of Discursive Practices, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
ORCID: 0000-0002-1526-7934; e-mail: glazkova-ea@ranepa.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-57-69

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ *ДУХ*, *ДУША* В ПРОЗЕ 1950–1960 ГГ. Ф. А. ВИГДОРОВОЙ

Куличева Е. В.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

Поступила в редакцию 05.12.2025

Принята к публикации 16.12.2025

Аннотация

Цель статьи заключается в определении роли фразеологизмов с компонентами *дух*, *душа* в прозе 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой.

Процедура и методы. Рассматриваются фразеологизмы с компонентами *дух*, *душа*, использованные писателем для создания портретных характеристик героев текстов, описания их психологического, душевного состояния, выражающие отношения персонажей друг к другу, а также к окружающей действительности, с использованием методов наблюдения и описания, нацеленной выборки, элементов компонентного анализа, интерпретации результатов.

Результаты. В ходе работы показано, что фразеологизмы с компонентами *дух*, *душа* в прозе 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой отражают её педагогические, мировоззренческие взгляды, указывают на яркую идиостилевую черту творчества писателя – использование разговорно-просторечных ресурсов лексики и фразеологии для трансляции культурной, национальной традиции употребления этих единиц в речи советского народа, демонстрации жизни людей 1920–1950 гг.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования позволяют расширить представление о мировоззрении самобытного писателя XX в. Ф. А. Вигдоровой, о чертах её идиостиля в художественном пространстве текстов 1950–1960 гг. Результаты работы могут быть использованы в вузовском преподавании стилистики, языка художественной литературы, а также в авторской лексикографии.

Ключевые слова: дух, душа, идиостиль, интенция, разговорно-просторечная лексика, фразеологизмы, Ф. А. Вигдорова

Для цитирования:

Куличева Е. В. Фразеологизмы с компонентами *дух*, *душа* в прозе 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 57–69. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-57-69>.

Original research article

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENTS *DUH*, *DUSHA* (SPIRIT, SOUL) IN THE PROSE OF 1950–1960 BY F. A. VIGDOROVA

E. Kulicheva

An Independent researcher, Moscow, Russian Federation

e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

Received by the editorial office 05.12.2025

Accepted for publication 16.12.2025

Abstract

Aim. To determine the role of phraseological units with components *duh, dusha* (*spirit, soul*) in the prose of 1950–1960 by F. A. Vigdorova.

Methodology. The article considers phraseological units with components *duh, dusha* (*spirit, soul*), used by the writer to create portrait characteristics of the characters of texts, describe their psychological and mental state, expressing the characters' relationships to each other, as well as to the surrounding reality, using methods of observation and description, targeted sampling, elements of component analysis, interpretation of results.

Results. The study demonstrated that phraseological units with components *duh, dusha* (*spirit, soul*) in F. A. Vigdorova's prose of the 1950s–1960s reflect her pedagogical and ideological views and point to a striking idiosyncrasy feature of the writer's work – the use of colloquial and vernacular vocabulary and phraseology to convey the cultural and national tradition of using these units in the speech of the Soviet people, demonstrating the lives of people in the 1920s–1950s.

Research implications. The research materials help to expand our understanding of the worldview of the original 20th century writer F. A. Vigdorova, and the features of her idiosyncrasy in the artistic space of texts of the 1950s–1960s. The results of the work can be used in university teaching of stylistics, the language of fiction, as well as in author's lexicography.

Keywords: spirit, soul, idiosyncrasy, intention, colloquial vocabulary, phraseological units, F. A. Vigdorova

For citation:

Kulicheva, E. A. (2026). Phraseological Units with the Components *Duh, Dusha* (*Spirit, Soul*) in the Prose of 1950–1960 by F. A. Vigdorova. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 57–69. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-57-69>.

Введение

Цель статьи состоит в определении роли фразеологизмов с компонентами *дух, душа* в художественном творчестве 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой, что предполагает решение следующих **задач**: определение частотности слов *дух, душа* в прозе 1950–1960 гг. писателя; анализ лексикографических дефиниций; установление особенностей семантического объёма лексем *дух, душа*, демонстрация реализованного идиолектом писателя объёма их семантики в составе фразеологизмов.

Актуальность исследования связана с неугасающим интересом учёных к жизни и творчеству чуткого учителя, одарённого журналиста, тонкого, глубокого писателя XX в. Ф. А. Вигдоровой; важностью для современного языкознания изучения языка и стиля писателя, что позволяет выявить черты её языковой личности.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что обращение к рассмотрению фразеологизмов с компонентами *дух,*

душа в творческом пространстве текстов 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой с точки зрения лингвистического анализа ранее не производилось.

В работе применялись **методы** наблюдения и описания, нацеленной выборки, элементы компонентного анализа, интерпретации с использованием лексикографических источников.

Теоретическая базой исследования стали труды учёных: А. Д. Бакиной [1], А. А. Благовещенской, Л. Х. Сатаровой, Д. М. Зиннатовой [2], О. В. Воропаевой [3], Т. И. Губановой [4], И. В. Ерофеевой [5], В. В. Колесова [6], О. Н. Кондратьевой [7], Н. А. Красавского [8], В. В. Леденёвой [9; 10], П. А. Леканта [11], Т. В. Маркеловой, Н. В. Попкова (Глинского) [12], А. К. Перевозниковой [13], Г. Н. Скларевской [14], Е. В. Учайкиной [15].

Материалы работы могут быть использованы при проведении занятий по стилистике, языку художественной литературы,

а также в авторской лексикографии, в чём заключается **практическая значимость** исследования.

Фразеологизмы компонентами дух, душа в идиостиле Ф. А. Вигдоровой

Фразеологизмы с компонентами *дух, душа* частотны в прозе 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой, что свидетельствует об их значимости в ментально-лингвальном комплексе (МЛК) языковой личности писателя, являются заметной чертой идиолекта и идиостиля автора. Ф. А. Вигдорова умело воссоздала живую разговорную речь советского человека 1920–1950 гг., показала культурную традицию использования им слов религиозного, философского характера в составе фразеологизмов. Эти единицы в рассматриваемый советский период получили сниженную окраску, приобрели разговорный характер, что было обусловлено экстралингвистическими факторами [9, с. 51, 14]: «Идеологи коммунизма не заметили радикального противоречия, лежавшего в основании всех их стремлений. Они хотели освобождения личности, они объявили восстание против всех верований, всех норм, всех отвлечённых идей во имя этой эмансипации. Во имя освобождения личности они низвергали религию, философию, искусство, мораль, отрицали дух и духовную жизнь» [16, с. 46–47].

Имя существительное *душа* зафиксировано нами в контекстах как входящие в состав фразеологизмов компоненты-словоформы: *души* – 62 употребления, *душе* – 58, *душу* – 40, *душой* – 11, *душам* – 5, соответственно *дух* – в словоформах *духом* – 10, *духу* – 9, *духе* – 1.

Фразеологизмы, представленные в своём большинстве в заромбовой зоне словарных статей лексикографических источников, используются в художественных текстах 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой для создания портретов героев, выражают в речевых партиях персонажей их мысли, чувства, переживания, демонстрируют отношения героев к происходящему, транс-

лируют представления о жизни советских людей в рассматриваемый период:

1) *по душам* – «откровенно, чистосердечно» (2 ЛСВ)¹: *Уже не первый раз я замечала, он словно невзначай старается затеять разговор по душам* (Черниговка)². Фразеологизм *по душам* используется в речевой партии Карабановой Галины Константиновны, которая возглавила детский дом в тяжёлое военное время. Она представлена писателем как тонкий психолог, очень чуткая, любящая женщина, мать, педагог, который замечает любые изменения, происходящие в детских душах. Так, согласно сюжету, новый воспитанник Леонид Велехов, который поначалу презирал всех в детском доме, ощущал себя выше других, считал, что знает жизнь лучше многих, проникся доверием к Галине Константиновне. Ему хотелось поговорить с ней, поделиться важным, сокровенным. И этот порыв его души ощутила Галина Константиновна, что автор подчеркнула фразеологизмом *по душам*;

2) *за душой* – «разг. В распоряжении кого-либо»³: *Мы видели – есть у него за душой какая-то недомолвка, чем-то он озабочен* (Дорога в жизнь). Фразема *за душой* используется в речевой партии врача коммуны А. С. Макаренко Николая Вершнева, прежнего колониста, выражает его тревогу, обеспокоенность за душевное, психологическое состояние нового воспитанника Плетнёва, в сердце которого «живёт ... тревога»;

3) *на душе* – «в мыслях и в настроении у кого-либо»⁴: *Чем больше она горячилась,*

¹ По душам // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/fedorov/по_душам (дата обращения: 07.08.2025).

² Здесь и далее произведения цит. по: Вигдорова Фрида Абрамовна [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.club/bd/?b=29504> (дата обращения: 19.06.2025).

³ За душой // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/3954/За_душой (дата обращения: 22.08.2025).

⁴ На душе // Gufo.me. Фёдоров А. И.

тем спокойнее становилось у меня **на душе** (Дорога в жизнь). Устойчивое выражение **на душе** используется в речевой партии Семёна Афанасьевича Карабанова, выражает его доброе отношение к воспитательнице Екатерине Ивановне Артемьевой, его радость от того, что она отстаивает своё право остаться работать в детском доме, горячо переживает за общее дело – воспитание ребят, создание для них лучших условий для учёбы и жизни;

4) **от души** – «экспрес. Искренне»¹: А мои махали руками в ответ и кричали весело, **от души: Приезжайте!** (Дорога в жизнь). Фразеологизм **от души** выражает искреннее желание воспитанников детского дома вновь встретиться с пионерами;

5) **пришлось по душе** – «разг. экспрес. Понравилось что-либо (понравился кто-либо)»²: Мне сразу **пришёлсЯ по душе** и Сергей Стеклов – подросток лет четырнадцати, большелюбый, спокойный, командир четвёртого (Дорога в жизнь). Фразеологизм транслирует расположение, симпатию Семёна Карабанова к одному из воспитанников детского дома, его приятное первое впечатление от встречи с Сергеем Стекловым.

Фразеологизм **по душе** используется писателем в авторском свертхтексте также с отрицательной частицей **не** в значении «экспрес. Что-либо очень не нравится»³: – А что, Семён, – спросила она как-то ... , –

не по душе тебе Володя? (Дорога в жизнь).оборот указывает на неодобрительное отношение Семёна Карабанова к устойчивому пессимистическому настроению Володи Разумова, у которого «характер несчастного человека» и «барометр всегда показывает «пасмурно»» (Дорога в жизнь);

6) **с душой** – «разг. экспрес. Испытывая чувство расположения, влечения к кому-либо»⁴: Эта песня про меня и про тебя, / Эта песня про черешенских ребят. / Мы сложили и поём её **с душой**, / Перед нами путь далёкий и большой (Это мой дом). Фразема **с душой** в свертхтексте используется писателем один раз, однако она значима в МЛК языковой личности Ф. А. Вигдоровой, выражает её интенцию – показать дружный, сплочённый коллектив ребят, для которых Черешенки стали домом, воспитатели – родителями, а друзья – братьями и сёстрами;

7) **ни одна душа** – «разг. экспрес. Никто»⁵: Сгрузить, распилить, убрать, чтоб шито-крыто, чтоб **ни одна душа!** (Черниговка). Фразеологизм **ни одна душа** использован в речевой партии учителя Захара Петровича Ступки, незаконно (у спекулянта) раздобытого для эвакуированного детского дома дрова, в которых отказал даже лесхоз. Фразеологизм **ни одна душа** с устойчивым синонимичным выражением **шито-крыто** («разг. экспрес. Скрыто так, что никто не узнает; в полной тайне (остаётся)»⁶) указывают на таинственность, скрываемость происходящего;

8) **душа горит** – «Кто-либо страдает от сильного желания, жажды и т. п.»

Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/3935/на_душе (дата обращения: 22.08.2025).

¹ От души // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/3947/от_души (дата обращения: 22.08.2025).

² Пришлось по душе // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/9860/пришлось_%28пришёлсЯ%29_по_душе (дата обращения: 22.08.2025).

³ Не по душе // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/3936/не_по_душе (дата обращения: 07.08.2025).

⁴ С душой // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/3956/с_душой (дата обращения: 22.08.2025).

⁵ Ни одна душа // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/3943/ни_единой_%28одной%29_живой_души (дата обращения: 07.08.2025).

⁶ Шито-крыто // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: <https://phraseology.academic.ru/14165/шито-крыто> (дата обращения: 07.08.2025).

(2 ЛСВ)¹: *Я свою меру знаю, но, Галина Константиновна, можете вы понять? Душа горит!*.. (Черниговка) С помощью фразеологизма *душа горит* писатель показывает человеческую слабость – пристрастие к спиртным напиткам, которое мешает работе замечательного столяра, учителя Захара Петровича Ступки и подрывает к нему доверие Галины Константиновны и ребят;

9) *вынуть душу* – «истязать нравственно, мучить» (2 ЛСВ)²: *А жить – нет сил... Как будто душу вынули...* (Черниговка). Фразеологизм *вынуть душу* используется в прозе в речевой партии хозяйки дома Валентины Степановны, у которой жила Галина Константиновна с детьми. Он употребляется для характеристики душевного состояния Валентины Степановны, выражая нестерпимую боль героини от того, что муж её не любит и живёт с ней только из-за ребёнка;

10) *камень на душе* – «тяжёлое, гнетущее чувство; тоска»³: *И в один прекрасный день встал как ни в чём не бывало, и только очень пристальный глаз замечал, что на душе у него камень* (Это мой дом). Фразеологизм *камень на душе* используется в свертхтексте для описания внутреннего состояния героя – воспитанника Катаева. Он сильно переживает из-за ссоры с Анютой, которую обидел, усомнившись в её честности;

11) *в глубине души* – «неизм. Втайне, внутренне (о самых сокровенных мыслях, желаниях)»⁴: *Но в глубине души по-*

нимала – ничего я не сумею сказать Тоне такого, что убедило бы её (Черниговка). Фразеологизм *в глубине души* используется в речевой партии Галины Константиновны для описания её душевного состояния. Использован в конструкции с несобственно-прямой речью. Он указывает на тонкую духовную организацию героини, которая понимает, что воспитанница Тоня вела себя грубо со спекулянткой Коршуновой, и при этом осознаёт, что гнев Тони был справедливым. Однако как педагог, советский гражданин, Галина Константиновна не может позволить воспитаннице грубость, бестактность по отношению к любому человеку, тем более к пожилому;

12) *из глубины души* – «устар. экспрес. Глубоко (вздыхать)»⁵: *– Ах, хорошо! – из глубины души говорит Настя. – И мне такой значок?* (Это мой дом) Фразеологизм *из глубины души* используется в речевой партии воспитанницы детского дома Насти, подчёркивается, что та с трепетом, радостью ждала, когда ей вручат красный значок с надписью «Челюскинец» – символ братства, родства всех бывших, настоящих и будущих воспитанников детского дома;

13) *до глубины души* – «экспрес. Очень сильно (волновать, быть взволнованным)»⁶: *Но, взглянув на это тихое лицо, каждый понимал: вот человек, который чем-то очень, до глубины души утешен* (Это мой дом). Фразеологизм выражает тихую радость, душевный покой Галины Константиновны от мысли о том, что воспитанник Виктор Якушев становится на путь исправления. Он обрёл, как считала героиня, внутренний стержень,

¹ Душа горит // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/3881/душа_горит (дата обращения: 07.08.2025).

² Вынуть душу // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/2070/вынуть_душу (дата обращения: 07.08.2025).

³ Камень на душе // Academic.ru. Телия Е. Н. Большой фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/1082/камень_на_душе_лежит (дата обращения: 22.08.2025).

⁴ В глубине души // Academic.ru. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразео-

логический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://phraseologiya.academic.ru/84/в_глубине_души (дата обращения: 22.08.2025).

⁵ Из глубины души // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/2460/из_глубины_души_%28сердца%29 (дата обращения: 22.08.2025).

⁶ До глубины души // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/2459/до_глубины_души (дата обращения: 25.08.2025).

стал духовно сильнее, порядочнее, увереннее ощущать себя среди ребят;

14) *вымотать душу* – «мучить, изводить, заставлять страдать»¹: *Они такие всю душу выматывают* (Семейное счастье). Фразеологизм используется в речевой партии попутчика Поливанова Леонида Милашкина, выражает его отношение к женщинам;

15) *кривить душой* – «разг. Поступать против совести, лицемерить, быть неискренним, намеренно говорить неправду»²: *Порода? – Я думаю, доберман-пинчер. – Саша кривила душой* (Семейное счастье). Фразеологизм *кривить душой* используется в речевой партии автора для того, чтобы показать обман Саши. Героиня хотела отдать щенка в хорошую семью, поэтому и придумала название породы беспородному псу;

16) *ничего за душой* – «1. разг. экспрес. Беден, без достаточных средств кто-либо»³: *А у тебя за душой ничего нет* (Дорога в жизнь); «2. Предосуд. О пустом, недобром человеке»⁴: *У тебя и души нет, ты бездушный, тебе нечем привлечь людей, ты одних обираешь, других покупаешь* (Дорога в жизнь). Фразеологизм используется в речевой партии Семёна Карабанова для характеристики воспитанника Репина, умного, хитрого вора, держащего в страхе ребят из детского дома, а также для того, чтобы воздействовать на воспитанника

словом, побудить его к открытому разговору, заставить увидеть себя со стороны благодаря справедливой оценке;

17) *душа не лежит* – «разг. Нет склонности, симпатии, интереса к кому-либо или к чему-либо»⁵: *Ни к чему душа не лежит, работать не могу* (Это мой дом). Фразеологизм звучит в речевой партии Семёна Карабанова, выражает его чувство обиды, боли, указывает на отсутствие желания что-либо делать из-за неразделённой первой любви;

18) *бередить душу* – «разг. экспрес. Волновать, тревожить кого-либо; вызывать тяжёлые воспоминания»⁶: ... *бередить душу Гансу и Эрвину тоже не хочется – слишком много тяжёлого пережили они* (Дорога в жизнь). Фразеологизм характеризует душевное состояние немецких ребят: боль от пережитого, страх за мать, брата, находящихся в тюрьме. Он звучит в речевой партии Семёна Карабанова и выражает его нежелание напоминать ребятам о случившемся;

19) *лезть в душу* – «разг. неодобр. Бесцеремонно узнавать что-либо из личной жизни другого; вмешиваться в личную жизнь другого»⁷: *А тут приходят люди в полной уверенности, что вот так, с ходу, залезая ребятам в душу, всё раскроют и выяснят* (Дорога в жизнь). Фразеологизм демонстрирует отношение Семёна Карабанова к педологии, к непрофессионализму людей, считающих себя знатоками детских душ, транслирует интенцию писателя – показать несостоятельность пе-

¹ Вымотать душу // Academic.ru. Телия Е. Н. Большой фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/504/вымотать_душу (дата обращения: 22.08.2025).

² Кривить душой // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/5790/кривить_душой (дата обращения: 22.08.2025).

³ Ничего за душой // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: [https://gufo.me/dict/fedorov/ничего_за_душой_\(своего\)_нет](https://gufo.me/dict/fedorov/ничего_за_душой_(своего)_нет) (дата обращения: 22.08.2025).

⁴ Ничего за душой // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: [https://gufo.me/dict/fedorov/ничего_за_душой_\(своего\)_нет](https://gufo.me/dict/fedorov/ничего_за_душой_(своего)_нет) (дата обращения: 22.08.2025).

⁵ Душа не лежит // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/3891/душа_не_лежит (дата обращения: 22.08.2025).

⁶ Берeditь душу // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/160/берeditь_душу (дата обращения: 22.08.2025).

⁷ Лезть в душу // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/6070/лезть_в_душу (дата обращения: 22.08.2025).

дологии как науки, её пагубное влияние на психологическое состояние ребят;

20) *отводить душу* – «разг. Находить для себя утешение, успокоение, разрядку (обычно в разговоре с кем-либо или в каком-либо занятии, деле)»¹: *Да только вот Король – не стал бы отводить душу* (Дорога в жизнь). Фразеологизм используется в речевой партии воспитанника детского дома Михаила Колышкина и выражает его убеждённость в том, что Король не причинит вреда Нарышкину, если последний попадёт в его отряд;

21) *вкладывать душу* – «отдаваться чему-либо целиком, полностью, делать что-либо увлечённо, с любовью»²: *Не вкладывай душу в вещи», – сказала однажды Галя* (Это мой дом). В сверткесте фразеологизм употребляется с отрицательной частицей *не* в значении 'не отдавать'. Он использован писателем в речевой партии Галины Константиновны, выражает её укоризненное, колкое замечание, адресованное Виктору Якушеву, который воровал и у ребят, и у воспитателей и не ценил доброе отношение к себе, не дорожил доверием окружающих;

22) *за милую душу* – «не задумываясь, без долгих размышлений» (2 ЛСВ)³: *А то отлуплю за милую душу, так и знай* (Это мой дом). Фразеологизм используется в речевой партии воспитанника детского дома Мити Королёва, который пытается показать Лене и Шуре безразличное отношение к тому, что в него влюблены все девочки школы. За его внешней строгостью и безразличием скрывается и юношеская

неловкость, и радость от мысли, что он нравится, дорог кому-то;

23) *заячья душа* – «разг. пренебр. О робком, трусливом человеке»⁴: *Я бы не сказал, что у Ивана Ивановича была заячья душа* (Это мой дом). Фразеологизм выражает отношение Семёна Карабанова к доброму, строгому учителю, заведующему школой Ивану Ивановичу Остапчуку, который не был труслив (на это указывает глагол в форме сослагательного наклонения *сказал бы* с отрицательной частицей *не*). Он только терялся, когда с ним поступали «нагло» (Это мой дом);

24) *сколько душе угодно* – «разг. экспрес. Вдоволь, без каких-либо ограничений, сколько хочешь»⁵: *И если я хочу знать, так это Митя велел ей так сделать – да, да, «езжайте в больницу и кричите там сколько душе угодно»* (Это мой дом). Фразеологизм используется в речевой партии Люции Ринальдовны, пытавшейся спасти воспитанника Сизова от ложных обвинений Онищенко. Ф. А. Вигдорова подчёркивает, что героиня задним числом сделала Сизову в больнице справку об избиении его Онищенко, чтобы восстановить справедливость;

25) *отдыхать душой* – «экспрес. одоб. Обретать душевный покой, гармонию чувств, настроений»⁶: *И лишь при мысли о ребятах я отдыхал душой* (Это мой дом). Фразеологизм используется в речевой партии Семёна Карабанова, отражает его душевное состояние: тревога сменялась покоем, умиротворением, радостью при

¹ Отводить душу // Academic.ru. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://phraseologiya.academic.ru/759/отводить_душу (дата обращения: 22.08.2025).

² Вкладывать душу // Academic.ru. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://phraseologiya.academic.ru/146/вкладывать_душу (дата обращения: 22.08.2025).

³ За милую душу // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/3962/за_%28по%29_милую_душу (дата обращения: 25.08.2025).

⁴ Заячья душа // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/3911/заячья_душа (дата обращения: 25.08.2025).

⁵ Сколько душе угодно // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/13084/сколько_душе_угодно (дата обращения: 25.08.2025).

⁶ Отдыхать душой // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/8051/отдыхать_душой (дата обращения: 25.08.2025).

мысли о воспитанниках, которые стали его опорой, поддержкой, родными детьми;

26) *надрывать душу* – «разг. экспрес. Вызывать сильные душевные страдания»¹: – *Да что вы мне душу надрываете?* – *вдруг закричала Коршунова* (Черниговка). Фразеологизм использован, чтобы показать нестерпимую боль матери – Коршуновой, у которой один сын погиб на фронте, другой сначала числился в списках без вести пропавших, потом вернулся домой с сильным ранением;

27) *всеми силами души* – «экспрес. Очень сильно, страстно (ненавидеть, презирать и т. п.)»²: *Всеми силами души я хотела, чтобы она поверила* (Черниговка). Фразеологизм используется в речевой партии Карабановой Галины Константиновны, выражает её сильное желание, чтобы женщина, потерявшая сына во время войны, поверила, что один из воспитанников детского дома – её сын, которого она так долго искала. Это было нужно, считала Галина Константиновна, как самой женщине, оставшейся одинокой, так и доброму, ласковому воспитаннику Коте;

28) *души не чаять* – «безгранично любить; обожать, доверяя во всём»³ – в авторском повествовании: *Они писали, что никто во всей больнице не получает столько писем, как Митя, и что в нём там, как и в Черешенках, все души не чают* (Это мой дом);

29) *еле-еле душа в теле* – «о слабом, хилом»⁴: *Ему не дотянуть самому – еле-еле*

душа в теле... (Это мой дом) Фразеологизм используется для портретной характеристики брата Якушева – щуплого мальчика, лет пятнадцати;

30) *полагать душу* (за кого), *положить душу* (за кого) – «устар. Отдавать все свои силы, воспитывая кого-либо, заботясь о ком-либо; поступаться собственными интересами ради кого-либо»⁵: *И он был такой... за товарища душу положит, не задумается* (Любимая улица). Фразеологизм используется для характеристики храброго, бесстрашного штурмана Кононова Антона Николаевича, погибшего на войне;

31) *перевернуть душу* – «экспрес. Очень сильно волновать, потрясать»⁶: *Почему так трудно найти слова, которые в точности выразили бы всё, что чувствуешь, чтоб они пронзили другого человека, перевернули ему душу?* (Любимая улица) Фразеологизм используется в речевой партии героя Лёши, размышляющего о силе слова, о потребности найти нужное слово, чтобы точно передать свои мысли, переживания и побудить человека к благородному действию;

32) *душа в душу* – «разг. неизм. Очень дружно, в полном согласии»⁷: *Душа в душу жили...* (Любимая улица) Фразеологизм используется для описания отношений Саши и Андрея, дружной, крепкой, любящей семьи.

Подчеркнём, что большую часть фразеологизмов с компонентом *душа* следует отнести к формам-идиомам.

¹ Надрывать душу // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/6907/надрывать_душу (дата обращения: 29.08.2025).

² Всеми силами души // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/11568/всеми_силами_души (дата обращения: 29.08.2025).

³ Души не чаять // Academic.ru. Телия Е. Н. Большой фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://phrase-dictionary.academic.ru/681/души_не_чаять (дата обращения: 29.08.2025).

⁴ Еле-еле душа в теле // Academic.ru. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и ино-

сказаний [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/2777/еле (дата обращения: 29.08.2025).

⁵ Полагать душу (за кого), положить душу (за кого) // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/5349/положить_душу (дата обращения: 29.08.2025).

⁶ Перевернуть душу // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/8378/перевернуть_душу (дата обращения: 29.08.2025).

⁷ Душа в душу // Academic.ru. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://phraseologiya.academic.ru/339/душа_в_душу (дата обращения: 22.08.2025).

Наряду с фразеологизмами, включающими компонент *душа*, в авторском сверхтексте в процессе исследования мы отметили такие, где функционирует слово *дух* в составе устойчивых оборотов:

33) с *духом собраться* – «иноск. Ободриться, придать себе духу (смелости)»¹: *Её шеф Тоня, бурча под нос: «Нечего реветь, давай одевайся», накинула пальто и ждала, когда Аня **соберётся с духом** и сдelaет то же самое* (Черниговка). Фразеологизм используется для формирования портрета воспитанницы детского дома Ани Зайчиковой, которая украла калоши у соседки, и теперь ей предстоит их вернуть. Устойчивое выражение также имеет значение 'успокоиться', 'перестать плакать';

34) *не хватает духу* – «разг. Не достаёт смелости, решительности для выполнения, осуществления чего-либо»²: *Таня Авдеенко знала наизусть «Мойдодыра». И ни у кого **не хватило духу** сказать ей, что раненым бойцам это уже не по возрасту* (Черниговка). Фразеологизм принадлежит речевой партии автора, помогает передать неловкость, нерешительность воспитателей детского дома и воспитанников, которые должны были бы сказать Тане Авдеенко, что её номер не подходит для выступления перед бойцами в госпитале. Они не желали ранить её, погасить энтузиазм, задор, с которым она, как и все ребята в детском доме, готовила номер.

Имплицитно устойчивое выражение *не хватает духу* транслирует глубинную идейно-эстетическую интенцию писателя – показать атмосферу взаимопомощи, единения, братства всего советского народа, сплотившегося против фашизма;

35) *одним духом* – «Очень быстро, ментально» (2 ЛСВ)³: ***Одним духом** я взбежал по лестнице и открыл дверь первой спальни* (Дорога в жизнь);

36) *перевести дух* – «1. Глубокими вздохами успокаивать дыхание, начинать снова дышать ровно»⁴, 'успокоиться', 'восстановиться': *Но они добросовестно спасали пострадавшего, тащили, пыхтя и обливаясь потом ... – Вы не бойтесь, мы скоро, – тяжело **переводя дух**, утешал Вышинченко* (Это мой дом). 2. Делать короткий перерыв, передышку в чём-либо (в каком-либо деле, занятии)⁵: *Женя смущенно слушает Наташино повествование и, дождавшись, чтобы она остановилась **перевести дух**, говорит ...* (Черниговка);

37) *собраться с духом* – «разг. Преодолевая страх, робость, неуверенность и т. п., решаться на что-либо»⁶: *Ну, Серёжа **собрался с духом**, написал всё как есть, а тут – похоронная* (Любимая улица). Фразеологизм используется в речевой партии Кононовой как предикат для характеристики сына Серёжи, которого несправедливо обвинили в воровстве. Серёжа решился написать отцу на фронт о том, как всё было на самом деле.

Фразеологизм *собраться с духом* с отрицательной частицей *не* на страницах художественного текста используется также

³ Одним духом // Academic.ru. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://phraseologiya.academic.ru/736/одним_духом (дата обращения: 22.08.2025).

⁴ Перевести дух // Academic.ru. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://phraseologiya.academic.ru/789/переводить_дух?ysclid=mg18bunk9z705069447 (дата обращения: 08.10.2025).

⁵ Перевести дух // Academic.ru. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://phraseologiya.academic.ru/789/переводить_дух?ysclid=mg18bunk9z705069447 (дата обращения: 08.10.2025).

⁶ Собраться с духом // Academic.ru. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://phraseologiya.academic.ru/1014/собраться_с_духом?ysclid=mg18tztbn887730432 (дата обращения: 08.10.2025).

¹ С духом собраться // Academic.ru. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/9293/c (дата обращения: 29.08.2025).

² Не хватает духу // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/13480/не_хватило_духу (дата обращения: 29.08.2025).

в антонимичном значении 'испытывать страх, робость, неуверенность': Катаев всё ходил за мной по пятам, видно, хотел что-то сказать, да так и **не собрался с духом** (Это мой дом). Фразеологизм употребляется в речевой партии Семёна Карабанова, характеризует воспитанника детского дома Катаева, который перед уходом на фронт постеснялся открыто, глаза в глаза, поблагодарить своего учителя за его труд, заботу;

38) **дух захватывает / захватило** – «разг. Тяжело, трудно дышать (от избытка чувств, сильных переживаний, ощущений и т. п.)»¹: *Сколько ни проживу, мне не забыть этот день, как не забудут его, я уверен, все горьковцы: и обидный радостный подъём, от которого по-настоящему дух захватывало, и венки на головах девушек, цветы на граблях и косах, и белые плащи наших пацанов-сигналистов, и клятву младшего колониста старшему при передаче первого снопа, самую высокую клятву – трудиться честно и всем сердцем любить труд (Дорога в жизнь);*

39) **не в духе** – «в плохом настроении»²: *Они все увядали и ходили притихшие, когда он был не в духе, и тотчас веселили, как только его величество приходил в хорошее настроение (Дорога в жизнь). Фразеологизм в качестве предиката используется в речевой партии Семёна Карабанова, иронически характеризующего воспитанника Короля, которого боялись его товарищи;*

40) **во весь дух** – «очень быстро, с большой скоростью, стремительно»³: *Если че-*

ловек бежит во весь дух и его вдруг резко остановить на бегу, у него может разорваться сердце (Дорога в жизнь);

41) одним духом – «разг. Очень быстро, моментально» (2 ЛСВ)⁴: *Одним духом я взбежал по лестнице и открыл дверь первой спальни (Дорога в жизнь);*

42) **чтобы духу не было** – «прост. экспрес. Категорически требую, чтобы немедленно ушёл, удалился кто-либо»⁵: *Уходи! – сквозь зубы сказал он. – Чтобы духу твоего тут больше не было! (Это мой дом) Фразеологизм используется в речевой партии воспитанника Мити Королева, выгнавшего с танцевальной площадки за хулиганство озорника и лодыря Онищенко.*

На страницах авторского сверхтекста используется крылатое выражение **дух противоречия** («о страсти спорить по любому поводу»⁶), появившееся в речевой партии Семёна Карабанова: с его помощью автор характеризует воспитанника Катаева (*Казалось, его с колыбели обуял дух противоречия, и он поутру просыпается со словами «нет» на устах (Это мой дом).*)

Заключение

Фразеологизмы с компонентами **дух, душа** используются в художественных текстах 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой, как показал наш анализ, для передачи следующих значений: 'откровенно, чистосердечно', 'в мыслях, в настроении', 'искренне',

дух?ysclid=mgibpa10un328780468 (дата обращения: 08.10.2025).

⁴ Одним духом // Academic.ru. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://phraseologiya.academic.ru/736/одним_духом?ysclid=mgibtww86b911505096 (дата обращения: 08.10.2025).

⁵ Чтобы духу не было // Gufo.me. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: https://phraseology.academic.ru/818/чтобы_%28и%29_духу_не_было?ysclid=mgicd2az9t913998349 (дата обращения: 08.10.2025).

⁶ Дух противоречия // Academic.ru. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс]. URL: https://academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/786/дух?ysclid=mgic3frp5a982690490 (дата обращения: 08.10.2025).

¹ Дух захватывает / захватило // Academic.ru. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://phraseologiya.academic.ru/336/дух_захватывает?ysclid=mgib3oifbn788746794 (дата обращения: 08.10.2025).

² Не в духе // Academic.ru. Телия Е. Н. Большой фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/1431/не_в_духе?ysclid=mgibai9am7688261709 (дата обращения: 08.10.2025).

³ Во весь дух // Academic.ru. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://phraseologiya.academic.ru/154/во_весь_

‘нравиться’, ‘не нравиться’, ‘чувство расположения’, ‘никто’, ‘страдание от сильного желания, жажды’, ‘нравственно мучить’, ‘гнетущее чувство тоски’, ‘втайне’, ‘глубоко вздыхать’, ‘заставлять страдать’, ‘говорить неправду’, ‘беден’, ‘о недобром человеке’, ‘отсутствие симпатии’, ‘волновать, тревожить’, ‘вмешиваться в личную жизнь другого’, ‘находить для себя успокоение, разрядку’, ‘не отдавать’, ‘не задумываясь’, ‘о робком человеке’, ‘вдоволь’, ‘обретать душевный покой’, ‘сильные душевные страдания’, ‘очень сильно’, ‘безгранично любить’, ‘о слабом, хилом человеке’, ‘отдавать все свои силы’, ‘очень сильно волновать’, ‘в полном согласии’, ‘придать себе духу’, ‘не достаёт смелости’, ‘моментально’, ‘начинать снова дышать ровно’, ‘делать короткий перерыв’, ‘решаться на что-либо’, ‘испытывать страх, робость, неуверенность’, ‘тяжело дышать от переживаний’, ‘в плохом настроении’, ‘с большой скоростью’, ‘категорическое требование о том, чтобы кто-либо удалился’.

Они употребляются в вигдоровском сверхтексте для воссоздания портретов героев, описания их душевного и психологического состояния, выражают различные чувства персонажей – радость, печаль, грусть, неприятие чего-либо, досаду; отражают желания героев, транслируют их отношения к кому-либо или чему-либо; демонстрируют слабости человеческой натуры; указывают на таинственность про-

исходящего; описывают действия героев; формируют образ эпохи – исторический период первых десятилетий после революции в жизни советского народа.

Большая часть фразеологизмов с компонентами *душа*, *дух* имеет эмоционально-экспрессивный заряд (26 употреблений), что обусловлено прагматически мотивированным выбором писателем данных единиц в сверхтексте: отражение жизни, быта советского народа. Прежде всего разговорные единицы передают отрицательную оценку, обладают коннотациями неодобрения (*лезть в душу*), пренебрежения (*заячья душа*), осуждения (*ничего за душой*), как и просторечные (*чтобы духу не было*). Но разговорные фразеологизмы с компонентами *дух*, *душа* несут и положительную оценку, выражают одобрение (*отдыхать душой*), используются в иносказательном смысле (*с духом собраться*). Книжные фразеологизмы немногочисленны (*из глубины души*, *полагать душу*).

Широкое использование Ф. А. Вигдоровой фразеологизмов с компонентами *душа*, *дух* в прозе 1950–1960 гг. позволяет говорить о яркой идиостилевой черте – преобладании разговорно-просторечной лексики в текстах, отражающих культурные, национальные традиции речевой практики советских людей, демонстрирует педагогические, мировоззренческие установки писателя на доверительное общение с реципиентом-читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакина А. Д. Анализ библейских концептов ‘SOUL’ / ‘ДУША’ и ‘SPIRIT’ / ‘ДУХ’ // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2024. № 2. С. 12–19.
2. Благовещенская А. А., Сатарова Л. Х., Зиннатова Д. М. Репрезентация концептов ДУША и ДУХ в художественных картинах мира китайского и русского языков // Современное педагогическое образование. 2025. № 4. С. 300–303.
3. Воропаева О. В. Лингвоконцепты «Дух» и «Душа» в русской духовной поэзии: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2016. 18 с.
4. Губанова Т. И. Концепты «ДУХА» и «ДУШИ» в разрезе веков // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сборник материалов XXXIV Международной научно-практической конференции (Москва, 25 ноября 2024 года). М.: Академическая среда, 2024. С. 117–120.
5. Ерофеева И. В. Трихотомия «ДУХ, ДУША, ТЕЛО» в медиадискурсе России: конфликт рейтинга и национальной идентификации // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Воронеж, 4 декабря 2024 г.). Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2025. С. 70–73.

6. Колесов В. В. Дух и душа // *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящённой педагогической и научной деятельности проф. Галины Васильевны Звёздовой и приуроченной к её юбилею* (Липецк, 21–22 марта 2017 г.). Ч. 1. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 76–85.
7. Кондратьева О. Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов душа, сердце, ум): автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.
8. Красавский Н. А. Концепты «ДУХ» и «ДУША» в повести Германа Гессе «Сиддхартха» // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2011. № 8 (62). С. 147–151.
9. Леденёва В. В. Слова с корнем -*бог-* // *Слово Лескова: монография*. М.: Московский государственный областной университет, 2015. С. 51–52.
10. Леденёва В. В. Об использовании ресурсов фразеологии в статье А. Блока «Интеллигенция и революция»: ноты народной мудрости в «музыке» текста // *Отечественная филология*. 2025. № 4. С. 16–25. DOI: 10.18384/2949-5008-2025-4-16-25.
11. Лекант П. А. К вопросу о минимальной единице фразеологии // *Очерки по грамматике русского языка*. М.: Московский государственный областной университет, 2002. С. 258–264.
12. Маркелова Т. В., Попков (Глинский) Н. В. Концепты ДУХ и ДУША в лингвосемиотике театрального искусства // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. семиотика. Семантика*. 2022. Т. 13. № 3. С. 608–629. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-608-629.
13. Перевозникова А. К. Концепт душа в русской языковой картине мира: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 19 с.
14. Складарская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // *Исследования по славянским языкам*. № 6. Сеул: Корейская ассоциация славистов, 2001. С. 177–202.
15. Учайкина Е. В. «Без духа тело мертво»: созначения концепта университет «дух», «душа», «тело» в текстах воспоминаний // *Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции* (Воронеж, 4 декабря 2024 г.). Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2025. С. 296–298.
16. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-PRESS, 1955. 160 с.

REFERENCES

1. Bakina, A. D. (2024). Analysis of the Biblical Concepts 'SOUL' and 'SPIRIT'. In: *Actual Problems of German, Romance, and Russian Studies*, 2, 12–19 (in Russ.).
2. Blagoveshchenskaya, A. A., Satarova, L. Kh. & Zinnatova, D. M. Representation of the Concepts SOUL and SPIRIT in Artistic Pictures of the World in the Chinese and Russian Languages. In: *Modern Pedagogical Education*, 4, 300–303 (in Russ.).
3. Voropaeva, O. V. (2016). *The Linguistic Concepts "Spirit" and "Soul" in Russian Sacred Poetry*: [dissertation]. Arkhangelsk (in Russ.).
4. Gubanova, T. I. (2024). The Concepts of SPIRIT and SOUL in the Context of Centuries. In: *Actual Problems of Society, Economy, and Law in the Context of Global Challenges: Collection of Materials of the XXXIV International Scientific and Practical Conference* (Moscow, November 25, 2024). Moscow: Academicheskaya sreda publ., pp. 117–120 (in Russ.).
5. Erofeeva, I. V. (2025). The Trichotomy of SPIRIT, SOUL, BODY in Russian Media Discourse: The Conflict of Ratings and National Identification. In: *Spirit, Soul, and Body in World Culture: Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference* (Voronezh, December 4, 2024). Voronezh: Voronezh State Technical University publ., pp. 70–73 (in Russ.).
6. Kolesov, V. V. (2017). Spirit and Soul. In: *Spirituality and Mentality: Ecology of Language and Culture at the Turn of the 20th–21st Centuries: A Collection of Articles Based on the Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Teaching and Research Activities of Prof. Galina Vasilyevna Zvezdova and Published to Anniversary* (Lipetsk, March 21–22, 2017). Pt. 1. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University publ., pp. 76–85 (in Russ.).
7. Kondratieva, O. N. (2004). *Concepts of the Human Inner World in Russian Chronicles (Based on the Concepts of Soul, Heart, and Mind)*: [dissertation]. Ekaterinburg (in Russ.).
8. Krasavsky, N. A. (2011). The Concepts of SPIRIT and SOUL in Hermann Hesse's "Siddhartha." In: *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 8 (62), 147–151 (in Russ.).

9. Ledeneva, V. V. (2015). Words with the Root *-Bog-* (*-God-*). In: *Leskov's Word*. Moscow: Moscow Region State University publ., pp. 51–52 (in Russ.).
10. Ledeneva, V. V. (2025). On the Use of Phraseological Resources in A. Blok's Article "The Intelligentsia and the Revolution": Notes of Folk Wisdom in the "Music" of the Text." In: *Russian Studies in Philology*, 4, 16–25. DOI: 10.18384/2949-5008-2025-4-16-25 (in Russ.).
11. Lekant, P. A. (2002). On the Minimum Unit of Phraseology. In: *Essays on the Grammar of the Russian Language*. Moscow: Moscow Region State University publ., pp. 258–264.
12. Markelova, T. V. & Popkov (Glinsky), N. V. (2022). The Concepts of SPIRIT and SOUL in the Linguistic Semiotics of Theatrical Art. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (3), 608–629. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-608-629 (in Russ.).
13. Perevoznikova, A. K. (2002). *The Concept of Soul in the Russian Linguistic Picture of the World*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
14. Sklyarevskaya, G. N. (2001). The Word in a Changing World: Russian Language at the Beginning of the Twenty-First Century: Status, Problems, and Prospects. In: *Studies in Slavic Languages*. No. 6. Seoul: Korean Association of Slavists publ., pp. 177–202 (in Russ.).
15. Uchaykina, E. V. (2025). "Without Spirit, the Body is Dead": Meanings of the Concepts of University 'Spirit', 'Soul', and 'Body' in Memoir Texts. In: *Spirit, Soul, and Body in World Culture: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (Voronezh, December 4, 2024)*. Voronezh: Voronezh State Technical University publ., pp. 296–298 (in Russ.).
16. Berdyaev, N. (1955). *The Origins and Meaning of Russian Communism*. Paris: YMCA-PRESS publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куличева Евгения Вячеславовна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь;
e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Kulicheva (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Independent Researcher;
e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

Научная статья

УДК 811

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-70-80

ПЕРЛОКУТИВНЫЙ ЭФФЕКТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РОМАНА «ОТЦЫ И ДЕТИ» И. С. ТУРГЕНЕВА: МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

Тлеугабылова Н. Е.

Средняя общеобразовательная школа-гимназия имени Шапық Шөкин города Павлодара,

г. Павлодар, Республика Казахстан

e-mail: nazgul_tleugabilova@mail.ru

Поступила в редакцию 24.11.2025

После доработки 29.12.2025

Принята к публикации 30.12.2025

Аннотация

Цель исследования заключается в выявлении и описании перлокутивного эффекта коммуникативного поведения Н. П. Кирсанова в художественном дискурсе романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева, в определении характера воздействия речевого и неречевого поведения адресанта на восприятие, эмоциональное состояние, реакцию адресатов-собеседников. Особое внимание уделяется описанию лингвистических, паралингвистических средств, обеспечивающих достижение коммуникативной цели, указывающих на интенцию адресанта.

Процедура и методы. Методологическую основу исследования составляют прагмалингвистический подход, элементы дискурс-анализа и метод кейс-стади, что позволяет рассматривать художественный диалог как пространство реализации коммуникативных стратегий и тактик. В процессе анализа кейса № 1 установлено, что интенция Николая Петровича Кирсанова направлена на выражение любви, заботы и радости от встречи с сыном, что формирует позитивный эмоциональный фон общения. Вербальные и невербальные средства коммуникации играют ключевую роль в достижении позитивного эмоционального фона и успешной реализации коммуникативных интенций Николая Петровича. Вербальные средства включают в себя использование экспрессивов, невербальные средства, такие как жесты, мимика и интонация, дополняют вербальные сигналы, передавая эмоциональное состояние адресанта, создают атмосферу радости, доверия и взаимопонимания.

Результаты исследования подтверждают, что коммуникативное поведение Н. П. Кирсанова отличается высокой степенью эмпатии, деликатностью и стремлением к сохранению диалога поколений, подтверждая высокую коммуникативную компетентность адресанта. Перлокутивный эффект у Аркадия проявляется на нескольких уровнях: эмоциональном, поведенческом, когнитивном, диалоговом. В ходе анализа кейса № 2 установлено, коммуникация Н. П. Кирсанова направлена на выстраивание вежливого, доброжелательного и социально нормативного диалога с Базаровым как с товарищем сына и гостем. Перлокутивный эффект Базарова проявляется вербально, невербально на эмоциональном, когнитивном, поведенческом уровнях, носит сдержанный и дистанцированный характер. Вербально это выражается в лаконичных ответах, отсутствии развёрнутых реплик и минимальном использовании этикетных формул. Невербально: дистанцирование, отчуждённость, равнодушие. Перлокутивный эффект у Базарова оказывается ограниченным вследствие его личных установок, нигилистического мировоззрения.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в разработке комплексного анализа перлокутивного эффекта, учитывающего когнитивные, эмоциональные, поведенческие и диалоговые аспекты общения, а также роль вербальных и невербальных коммуникативных средств, языковые и внеязыковые факторы.

Ключевые слова: дискурс, межпоколенческая коммуникация, Николай Петрович Кирсанов, «Отцы и дети», перлокутивный эффект, прагматика

Для цитирования:

Тлеугабылова Н. Е. Перлокутивный эффект в художественном дискурсе романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева: межпоколенческий диалог // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 70–80. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-2-70-80>.

Original research article

PERLOCUTIONARY EFFECT IN THE ARTISTIC DISCOURSE OF I. S. TURGENEV'S NOVEL "FATHERS AND CHILDREN": INTERGENERATIONAL DIALOGUE

N. Tleugabilova

Shapyq Shokin Secondary School-Gymnasium of Pavlodar City, Pavlodar, Republic of Kazakhstan
e-mail: nazgul_tleugabilova@mail.ru

Received by editorial office 24.11.2025

Revised by the author 29.12.2025

Accepted for publication 30.12.2025

Abstract

Aim. To identify and describe the perlocutionary effect of N. P. Kirsanov's communicative behaviour in the artistic discourse of I. S. Turgenev's novel "Fathers and Sons," and to determine the nature of the impact of the addressee's verbal and non-verbal behaviour on the perception, emotional state, and reaction of the addressee-interlocutors. Special attention is given to the description of linguistic and paralinguistic means that ensure the achievement of the communicative goal and indicate the addressee's intention.

Methodology. A pragmalinguistic approach, elements of discourse analysis, and the case study method, which helps to consider the artistic dialogue as a space for the implementation of communicative strategies and tactics, formed the methodological basis of the study. In the process of analysing case 1, it was established that Nikolai Petrovich Kirsanov's intention is to express love, care, and joy upon meeting his son, which creates a positive emotional background for communication. Verbal means include the use of expressive means and non-verbal means, such as gestures, facial expressions, and intonation, complement verbal signals, conveying the addressee's emotional state and creating an atmosphere of joy, trust, and mutual understanding.

Results confirm that N. P. Kirsanov's communicative behaviour is characterized by a high degree of empathy, sensitivity, and a commitment to maintaining a dialogue between generations, demonstrating the addressee's exceptional communicative competence. Arkady's perlocutionary effect manifests itself on multiple levels: emotional, behavioural, cognitive, and dialogical. During the analysis of case 2, it was established that N. P. Kirsanov's communication is aimed at building a polite, friendly, and socially normative dialogue with Bazarov as his son's friend and guest. Bazarov's perlocutionary effect manifests itself verbally and non-verbally at the emotional, cognitive, and behavioural levels, and is characterized by a reserved and distant attitude. Verbal expressions include concise responses, lack of detailed remarks, and minimal use of etiquette formulas. Non-verbal expressions include distancing, aloofness, and indifference. Bazarov's perlocutionary effect is limited due to his personal attitudes and nihilistic worldview. The theoretical and practical significance lies in the development of a comprehensive analysis of the perlocutionary effect, which considers the cognitive, emotional, behavioural, and dialogical aspects of communication, as well as the role of verbal and non-verbal communication tools, and linguistic and non-linguistic factors.

Keywords: discourse, intergenerational communication, Nikolai Petrovich Kirsanov, "Fathers and Sons", perlocutionary effect, pragmatics

For citation:

Tleugabilova, N. E. (2026). Perlocutionary Effect in the Artistic Discourse of I. S. Turgenev's Novel "Fathers and Children": Intergenerational Dialogue. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 70–80. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-70-80>.

Введение

Данная статья посвящена анализу перлокутивного эффекта в процессе общения отца Николая Петровича Кирсанова с его сыном Аркадием Кирсановым в художественном дискурсе романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Исследуется реакция сына, Аркадия Кирсанова, на коммуникативные вербальные и невербальные сигналы отца, Николая Петровича Кирсанова. В процессе анализа мы определяем реакцию, эмоции, поведение адресата (Аркадия Кирсанова) в процессе коммуникации с Н. П. Кирсановым.

В основе настоящей работы находится теория речевых актов, разработанная Джоном Остином, основателем теории речевых актов, его лекции в Оксфорде легли в основу книги "How to Do Things with Words" (1962). Джон Остин разделил речевой акт на три составляющих: иллокутивный акт (намерение, заложенное в высказывании), локутивный акт (произнесение определённого высказывания), перлокутивный акт (эффект, произведённый высказыванием на слушающего): «Произнесённые слова часто или даже обычно оказывают определённое влияние на чувства, мысли или действия аудитории, говорящего или других людей» [1, p. 101]. Джон Остин также классифицировал речевые акты следующим образом: 1) утверждающие высказывания, констативы; 2) высказывания, в которых отображается действие (слово-действие), перформативы. Данные исследования внесли определённый вклад в анализ языка как инструмента, речи как действия.

Можно сказать, что теория речевых актов относится к числу важнейших достижений лингвистической прагматики XX в., это одно из ключевых направлений современной прагматики, изучающее речевое высказывание как форму действия,

направленного на достижение определённой цели в коммуникации. Данная теория выдвигает тезис и о том, что говорящий (адресант) вызывает у адресата реакцию, т. е. перлокутивный эффект.

Анализ художественного дискурса с позиций теории речевых актов позволяет выявить его принципиальную прагматическую многослойность, обусловленную спецификой эстетической коммуникации. В современной филологии художественный дискурс рассматривается не как статичный продукт, а как динамическое коммуникативное событие, что обуславливает его особую интерпретационную сложность. Не случайно художественный дискурс сегодня трактуется как один из наиболее актуальных междисциплинарных терминов, Б. У. Джолдасбекова, Н. К. Сарсекеева отмечают: «Художественный дискурс сегодня – один из наиболее востребованных в современной мировой филологии междисциплинарный термин» [2, с. 15].

В отличие от понятия «художественный текст», ориентированного преимущественно на результат коммуникации, категория «дискурс художественного произведения» акцентирует процессуальность смыслопорождения. Как отмечает Л. А. Манерко, художественный дискурс – «дискурс, посредством которого реализуется обмен знаниями, эмоциями и ценностями» [3, с. 112]. В. В. Фещенко считает, что художественный дискурс – это дискурс искусства, где имеют место быть координаты: автор – произведение искусства – аудитория [4, с. 20–30]. М. Д. Евпраксина, полагает, что художественный дискурс отражает личность автора произведения, его установки, мировоззрение, интенции, а также историко-культурные, общественно-политические явления своего времени [5, с. 1118–1120].

В этом контексте художественный дискурс предстаёт как форма обмена не толь-

ко знаниями, но и эмоциями, ценностями и культурными установками, что принципиально расширяет рамки его прагматического анализа.

С позиций теории речевых актов данная специфика проявляется прежде всего в асимметрии между иллокутивным и перлокутивным уровнями художественного высказывания. Иллокутивная сила в художественном дискурсе, как правило, не выражена эксплицитно: она маскируется повествовательной опосредованностью, жанровой функциональностью и эстетической условностью. В то же время именно перлокутивный эффект становится функциональной доминантой художественного дискурса. Как подчёркивает В. В. Фещенко: «Художественный дискурс – это совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства, с учётом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства» [4, с. 29–30].

Таким образом, художественный дискурс реализует особый тип дискурса, в котором перлокутивный эффект учёные рассматривают в следующих аспектах:

1) механизмы воздействия речевых актов на адресата;

2) исследования двойного эффекта: внутри текста и за его пределами (на адресата-читающего); например, авторский перлокутивный вектор: В. И. Карасик пишет, что в литературе мы имеем дело не только с речевым воздействием между персонажами, но и с авторской установкой: «Перлокутивное воздействие в литературном диалоге – это не только результат воздействия персонажа на персонажа, но и сигнал авторской установки» [6, с. 76];

3) когнитивный подход: Н. А. Бигунова анализирует перлокутивный эффект речевых актов и экстралингвистические факторы, которые влияют на успешность и неуспешность коммуникативной цели в разных культурах и языках [7]; А. Ю. Мелина исследует речевые акты, а

также лингвистические и экстралингвистические средства, влияющие на перлокуцию [8, с. 170–181].

В теории речевых актов перлокутивный эффект понимается как совокупность реакций адресата. Эти реакции могут иметь когнитивный характер (переосмысление, осознание, изменение картины мира), эмоциональный (симпатия, тревога, возмущение), поведенческий (действие, отказ от действия, молчание), диалогический, проявляющийся в трансформации стратегий участников коммуникации. Однако в художественном дискурсе данный эффект приобретает специфическую форму, обусловленную эстетической опосредованностью общения и многоуровневостью адресации.

Таким образом, перлокутивный эффект в художественном дискурсе трактуется как многоуровневый (внутритекстовый, межперсонажный, читательский, авторский и другие уровни) механизм, охватывающий эмоциональные реакции персонажей, сюжетные изменения, когнитивную активизацию культурных схем у читателя, авторское воздействие как сверхкоммуникативную категорию, который зависит от контекста, жанра, культурных кодов. Он активен как в диалогах, так и в авторском повествовании, изучается в русле прагматики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, литературоведения, конфликтологии, когнитивной прагматики, литературной прагматики.

В рамках настоящего исследования перлокутивный эффект рассматривается не как абстрактный результат воздействия художественного высказывания, а как аналитически наблюдаемая категория, фиксируемая в коммуникативном поведении персонажей. При анализе коммуникативного взаимодействия литературного героя Н. П. Кирсанова перлокутивный эффект понимается как совокупность реакций адресата в процессе художественной коммуникации, отражённых как вербально (реплики, паузы, изменение модальности и тональности ответа), так и невербально (молчание, жесты, описываемые автором поведенческие реакции).

Принципиальным для нашего подхода является смещение исследовательского фокуса с намерений говорящего на последствия коммуникативного воздействия внутри художественного мира произведения. Перлокутивный эффект в данном аспекте выступает показателем прагматической эффективности высказывания персонажа и средством выявления скрытых межличностных и ценностных установок. Таким образом, анализ перлокутивных реакций адресата позволяет реконструировать не только перлокутивный эффект, но и глубинные механизмы художественного взаимодействия, в которых коммуникативное поведение становится инструментом смыслового и эмоционального воздействия.

В настоящей работе используется комплекс исследовательских методов. Прагматический анализ, дискурс-анализ позволяют определить языковые и внеязыковые способы выражения интенции, особенности речевых актов, локуции, иллюкуции адресанта, перлокутивного эффекта и форм его репрезентации. Метод кейс-стади предполагает подробный анализ каждой коммуникативной ситуации

и определённой интенции адресанта, в данном анализе: ситуации первых мгновений встречи отца Кирсанова-старшего с сыном Аркадием Кирсановым-младшим, с Евгением Базаровым, приятелем сына.

Анализ перлокутивного эффекта проводится по разработанному нами следующему алгоритму (рис. 1).

Переходя к практическому анализу, обратимся к эпизоду встречи Николая Петровича Кирсанова с сыном Аркадием в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети», который демонстрирует особенности реализации перлокутивного эффекта в художественном дискурсе (кейс 1):

«...– Никак они едут-с», – доложил слуга, вынырнув из-под ворот. Николай Петрович вскочил и устремил глаза вдоль дороги. Показался тарантас, запряжённый тройкой ямских лошадей; в тарантасе мелькнул околыш студентской фуражки, знакомый очерк дорогого лица...

– Аркаша! Аркаша! – закричал Кирсанов, и побежал, и замахал руками... Несколько мгновений спустя его губы уже прильнули к безбородой, запылённой и загорелой щеке молодого кандидата.

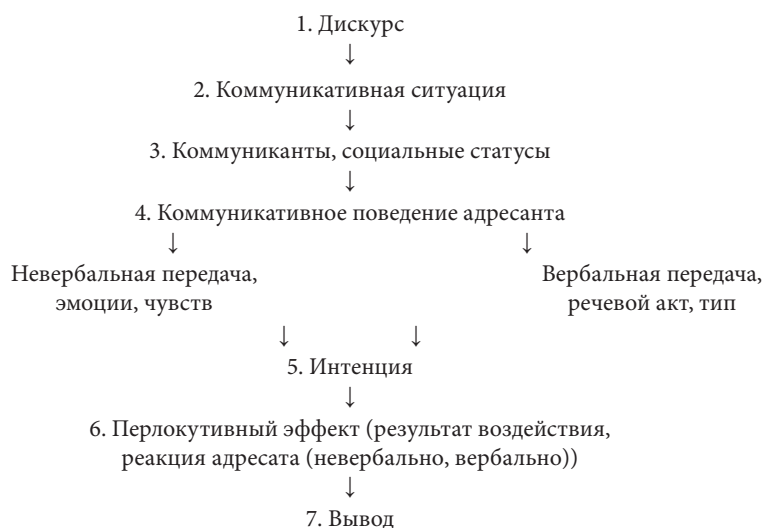

Рис. 1 / Fig. 1. Алгоритм анализа перлокутивного эффекта / Algorithm for analysing the perlocutionary effect

Источник: составлено автором.

II

– Дай же отряхнуться, папаша, – говорил несколько сиплым от дороги, но звонким юношеским голосом Аркадий, весело отвечая на отцовские ласки, – я тебя всего запачкаю.

– Ничего, ничего, – твердил, умилённо улыбаясь, Николай Петрович и раза два ударил рукою по воротнику сыновней шинели и по собственному пальто. – Покажи-ка себя, покажи-ка, – прибавил он, отодвигаясь, и тотчас же пошёл торопливыми шагами к постоялому двору, приговаривая: «Вот сюда, сюда, да лошадей поскорее».

Николай Петрович казался гораздо встревоженнее своего сына; он словно потерялся немного, словно робел. Аркадий остановил его.

– Папаша, – сказал он, – позволь познакомиться тебя с моим добрым приятелем, Базаровым, о котором я тебе так часто писал. Он так любезен, что согласился погостить у нас».¹

В рассматриваемом фрагменте романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (кейс 1 – встреча Николая Петровича Кирсанова с сыном Аркадием после окончания им учёбы) художественный дискурс выстраивается вокруг эмоционально насыщенной коммуникативной ситуации семейной встречи. Коммуникантами выступают отец – Николай Петрович Кирсанов, дворянин, человек зрелого возраста, глава семьи, и сын – Аркадий Николаевич Кирсанов, молодой дворянин, недавно окончивший университет. Их социальные статусы соотносятся как «старшее – младшее поколение», однако динамика общения демонстрирует постепенное выравнивание коммуникативных статусов.

Невербальные средства, применяемые Н. П. Кирсановым: жесты, мимика, интонация, взгляд, сила голоса, т. д.:

1. Стремительность действий, направление взгляда: «Николай Петрович вскочил и устремил глаза вдоль дороги».

2. Тон голоса, стремительность действий, жесты: «...закричал Кирсанов, и побежал, и замахал руками...».

3. Кинесика, мимика, проксемика: «Николай Петрович и раза два ударил рукою по воротнику сыновней шинели и по собственному пальто».

Вербальные средства Н. П. Кирсанова (речевой акт, тип).

1. Речевой акт оклика, аппелятив: «– Аркаша! Аркаша!».

2. Косвенный речевой акт умиления, экспрессив: «– Ничего, ничего...».

3. Речевой акт восхищения, экспрессив: «– Покажи-ка себя, покажи-ка...».

4. Речевой акт распоряжения, директив: «...“Вот сюда, сюда, да лошадей поскорее”».

Коммуникативное поведение адресанта, Николая Петровича, характеризуется высокой степенью эмоциональной экспрессии и преобладанием невербальных средств воздействия. Стремительность движений, устремлённый взгляд, объятия, повышенная тональность голоса, повтор оклика «Аркаша! Аркаша!» создают ярко выраженный перлокутивный потенциал, направленный на передачу радости, любви и отцовской нежности. Вербально это реализуется через аппелятивный речевой акт оклика, экспрессивные высказывания, выражающие умиление и восхищение («Ничего, ничего...», «Покажи-ка себя»), а также директивы распоряжения, адресованные окружающим («Вот сюда, сюда, да лошадей поскорее»). Все указанные речевые акты подчинены единой интенции – проявить любовь, заботу, выразить чувства радости, счастья от долгожданной встречи с сыном.

Перейдём к рассмотрению перлокутивного эффекта, возникающего у Аркадия Кирсанова при встрече с отцом. Результат воздействия, реакция адресата выражается невербально и вербально.

На невербальном уровне: обнимает отца в ответ на его объятия, отвечает радостно и весело на приветствие родителя; семантика слов обстоятельного оборота «весело отвечая на отцовские ласки» указывает на положи-

¹ Тургенев И. С. Отцы и дети. М.: Эксмо, 2023. С. 11–12.

тельное эмоциональное состояние говорящего при встрече с отцом. Аркадия переполняют счастье, радость, что он приехал домой, он как будто вернулся в счастливое детство, где он не обременённый заботами взрослый кандидат, а ребёнок, счастливо живущий без забот и проблем, его любят и ждут, о нём заботятся. Вместе с тем он понимает, что он взрослый сын, юноша, кандидат, на которого возлагают надежды, которым гордятся.

На вербальном уровне: посредством речевого акта просьбы (директив), речевого акта обращения (апеллятив), косвенного речевого акта проявления заботы (декларатив-экспрессив), речевого акта обращения-просьбы (апеллятив-директив); перформативного речевого акта этикетной формулы представления человека, знакомства (перформативный этикетный директив-декларатив), речевого акта похвалы (экспрессив), косвенного имплицитного речевого акта просьбы позаботиться о госте (декларатив-директив).

Перлокутивный эффект, реакция Аркадия на коммуникативное поведение проявляется как невербально, так и вербально. Невербально он выражает радость и эмоциональное согласие с ситуацией встречи, отвечая на объятия отца и демонстрируя лёгкость и оживлённость, что подтверждается авторской ремаркой «весело отвечая на отцовские ласки». Вербально реакция Аркадия оформляется через сочетание нескольких типов речевых актов. Его реплика «Дай же отряхнуться, папаша...» представляет собой директивную просьбу, сопровождаемую апеллятивным обращением и косвенным экспрессивом заботы о собеседнике. В последующем представлении Аркадием приятеля Базарова реализуются перформативный этикетный акт знакомства, экспрессив похвалы и имплицитный директив, направленный на побуждение отца проявить гостеприимство.

Перлокутивный эффект Аркадия носит комплексный характер: на когнитивном уровне Аркадий осознаёт изменение собственного статуса: он уже не ребёнок, а взрослый сын, способный брать на себя

ответственность и выступать посредником в новых социальных контактах; на эмоциональном уровне фиксируются радость, чувство защищённости и внутреннего возвращения в пространство родного дома; на поведенческом уровне это выражается в ответных объятиях и активном включении в диалог; на диалоговом уровне происходит переход от модели общения «родитель – ребёнок» к модели «взрослый – взрослый», что отражается в использовании директивных и перформативных речевых актов со стороны Аркадия. В совокупности данные элементы подтверждают успешность перлокутивного воздействия отца и формирование гармоничного коммуникативного взаимодействия между поколениями.

Таким образом, в коммуникативной ситуации (кейс № 1) перлокутивный эффект у Аркадия проявляется невербально и вербально на следующих уровнях: на когнитивном уровне происходит осознание Аркадием изменения своего статуса: он понимает, что уже не ребёнок, а взрослый человек, самостоятельный и ответственный; на эмоциональном уровне проявляется радость, весёлое настроение, лёгкость в общении с отцом; на поведенческом уровне наблюдается ответное объятие, что символизирует принятие отцовской любви и демонстрацию собственной привязанности; на диалоговом уровне фиксируется переход общения из иерархической модели «родитель – ребёнок» к коммуникативной модели «взрослый – взрослый», что выражается в использовании директивов.

Продолжим анализ перлокутивного эффекта коммуникации Н. П. Кирсанова в ситуации знакомства Николая Петровича Кирсанова с Базаровым (кейс № 2): «– Папаша, – сказал он, – позволь познакомиться тебя с моим добрым приятелем, Базаровым, о котором я тебе так часто писал. Он так любезен, что согласился погостить у нас.

Николай Петрович быстро обернулся и, подойдя к человеку высокого роста в длинном балахоне с кистями, только что вы-

лезшему из тарантаса, крепко стиснул его обнажённую красную руку, которую тот не сразу ему подал.

– Душевно рад, – начал он, – и благодарен за доброе намерение посетить нас; надеюсь... позвольте узнать ваше имя и отчество?

– Евгений Васильев, – отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом и, отвернув воротник балахона, показал Николаю Петровичу все своё лицо. Длинное и худое, с широким лбом, сверху плоским, книзу заострённым носом, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочного цвета, оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум.

– Надеюсь, любезнейший Евгений Васильич, что вы не соскучитесь у нас, – продолжал Николай Петрович.

Тонкие губы Базарова чуть тронулись; но он ничего не отвечал и только приподнял фуражку. Его тёмно-белокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупных выпуклостей просторного черепа.

– Так как же, Аркадий, – заговорил опять Николай Петрович, оборачиваясь к сыну, – сейчас закладывать лошадей, что ли? Или вы отдохнуть хотите?

– Дома отдохнём, папаша; вели закладывать.

– Сейчас, сейчас, – подхватил отец. – Эй, Пётр, слышишь? Распорядись, братец, поживее.

Пётр, который в качестве усовершенствованного слуги не подошёл к ручке барича, а только издала поклонился ему, снова скрылся под воротами.¹

В данном эпизоде романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» представлена коммуникативная ситуация знакомства Николая Петровича Кирсанова с Евгением Базаровым, приятелем его сына Аркадия. Ситуация носит формально-вежливый характер и одновременно выявляет скрытое напряжение, обусловленное различием социальных ролей, мировоззрений и

коммуникативных стратегий участников общения.

Коммуникативное поведение Николая Петровича характеризуется подчёркнутой учтивостью, доброжелательностью и стремлением соблюсти нормы речевого этикета.

К числу невербальных средств Н. П. Кирсанова можно отнести жест протянутой руки, выполняющий функцию инициации контакта и символизирующий готовность к равноправному взаимодействию, данный жест сопровождается открытой позой и направленным взглядом, что усиливает эффект доброжелательности; характер интонации Николая Петровича можно определить как мягкий и располагающий, что соответствует его стремлению снизить возможное коммуникативное напряжение; активная моторика и хлопотливость (постоянное движение, переключение внимания на организационные действия) выступают компенсаторным невербальным средством, направленным на поддержание коммуникации в условиях сдержанной реакции собеседника.

Вербальные средства представлены преимущественно этикетными и экспрессивно-вежливыми речевыми актами. Реплика «Душевно рад... позвольте узнать ваше имя и отчество?» реализует речевой акт приветствия и знакомства, оформленный в форме косвенного директива с этикетной функцией. Обращение по имени и отчеству («любезнейший Евгений Васильич») служит маркером уважения и социального признания. Высказывание «Надеюсь, любезнейший Евгений Васильич, что вы не соскучитесь у нас» представляет собой экспрессив, сочетающийся с имплицитным директивом, направленным на формирование позитивного образа пребывания гостя в доме. Н. Е. Тлеугабылова, О. В. Попова, анализируя коммуникативное поведение Н. П. Кирсанова, пишут, что «употребление в обращении прилагательного в превосходной степени *любезнейший* и формулы «имя + отчество» *Евгений Васильич*, а также вы-формы по

¹ Тургенев И. С. Отцы и дети. М.: Эксмо, 2023. С. 11–12.

отношению к человеку, который по социальному положению, возрасту, сословию отличен от Н. П. Кирсанова, подчёркивает линию поведения Николая Петровича как человека современных взглядов» [9, с. 117]. Кроме того, дополнительно Николай Петрович использует организационно-распорядительные директивы, адресованные сыну и слуге, которые косвенно включают Базарова в сферу его заботы как хозяина.

В рассматриваемой коммуникативной ситуации Николай Петрович Кирсанов использует комплекс вербальных и невербальных средств, направленных на установление контакта, соблюдение норм речевого этикета и включение Базарова в пространство общения.

Перлокутивный эффект речевого и невербального поведения Николая Петровича Кирсанова по отношению к Базарову проявляется у последнего вербально и невербально преимущественно на поведенческом и эмоционально-прагматическом уровнях. Формально принимая участие в этикетном взаимодействии, Базаров не демонстрирует признаков эмоционального вовлечения или коммуникативного сближения.

Невербально его коммуникативное поведение оформляется посредством следующих деталей: замедленной реакции на протянутую руку, сохранения дистанции, того, что Базаров ограничивается приподниманием фуражки как заменой развёрнутого речевого ответа, что указывает на сознательное сдерживание коммуникативной активности, ленивого, но уверенного голоса, спокойной улыбки. Факт, что Базаров подаёт руку не сразу, отказывается от вербального ответа на любезность Николая Петровича («он ничего не отвечал») является знаковым, создающим перлокутивный эффект отчуждённой самодостаточности, холодного дистанцирования, подчёркнутого равнодушия к принятым нормам светского общения. Такие детали маркируют внутреннюю автономию и самодостаточность.

Вербально: краткий и редуцированный ответ при самопредставлении («Евгений Васильев») свидетельствуют о минимальном воздействии адресанта на адресата, о сдержанности, минимализме и демонстративной независимости адресата.

На эмоциональном уровне у Базарова отсутствует эксплицитная реакция, что позволяет интерпретировать перлокутивный эффект как слабый или намеренно редуцированный. Он не испытывает потребности ни в подтверждении своей социальной роли, ни в ответном выражении вежливости, поскольку не признаёт значимости установленных в данной среде коммуникативных норм. Это соотносится с его нигилистической установкой и рационально-прагматической системой взаимодействия.

На когнитивном уровне можно зафиксировать осознанное игнорирование Базаровым предложенной отцом Аркадия роли гостя, включённого в семейно-иерархическое пространство. Его поведение демонстрирует отказ от символического принятия власти хозяина дома и дистанцирование, что в дальнейшем перерастает в устойчивый коммуникативный конфликт.

Таким образом, реакция Базарова выполняет функцию коммуникативного фильтра, нейтрализующего попытки эмоционального взаимодействия со стороны Николая Петровича, перлокутивный эффект оказывается ограниченным вследствие принципиально иной коммуникативной установки адресата.

Заключение

Анализ ситуативного кейса № 1 выявил, что интенция адресанта (отца) направлена на проявление любви, нежности, заботы и радости от долгожданной встречи с сыном, его коммуникативный стиль характеризуется стремлением к сохранению гармонии и поддержанию семейных отношений. Коммуникативное поведение адресанта (отца) способствует эмоциональному настрою, установлению доверительных

отношений между поколениями, вызывает у адресата (сына) ответную положительную эмоциональную реакцию – состояние радости, тепла и душевного подъёма, вербальное и невербальное поведение подтверждает положительный эмоциональный настрой.

Вместе с тем проявляется изменение статуса Аркадия – из зависимого сына он становится равным собеседником, что отражается в переходе на более деловой, сдержанный тон его речи, диалог представляет динамику перехода Аркадия из роли сына-ребёнка в роль взрослого, сохраняющего при этом любовь и уважение к родителю.

В эпизоде знакомства Н. П. Кирсанова с Базаровым (кейс № 2) перлокутивный эффект Базарова проявляется также на поведенческом, эмоциональном, когнитивном уровнях. Перлокутивный эффект воздействия Николая Петровича на Базарова оказывается ограниченным: он не приводит ни к эмоциональному пониманию, ни к изменению коммуникативного поведения адресата несмотря на то, что Николай Петрович Кирсанов выстроил диалог с Базаровым так, чтобы подчеркнуть свои взгляды дворянина новой формации. Базаров понял вербальные и невербальные послылы адресанта, осознал его намерения и социальный подтекст общения, но не принял их, сохраняя дистанцию, холодную сдержанность в поведении, равнодушие. Реакция Базарова закрепляет его образ, основанный на дистанцировании, нигилизме. Данный фрагмент (кейс № 2) предвосхищает дальнейший идеологический и коммуникативный конфликт романа, заложенный уже в первой сцене знакомства.

А. Ю. Мелина, анализируя экстралингвистические детерминанты акта перлоку-

ции публичного извинения, сделала вывод, что «хотя лингвистические аспекты извинения и имеют реальное влияние на успех извинения в целом, существует также ряд экстралингвистических параметров, имеющих потенциал как поспособствовать положительному лингвопрагматическому воздействию извинения, так и наоборот, превратить его в резко негативное» [8, с. 179].

Перлокутивные эффекты коммуникативных действий Николая Петровича Кирсанова в ситуации встречи с сыном, затем знакомства с товарищем сына оказываются различными, что обусловлено экстралингвистическими факторами: личными, ценностными установками, социальными статусами адресатов и адресанта.

В отношении Аркадия коммуникативное поведение отца является успешным: вербальные и невербальные средства Николая Петровича вызывают у сына положительную эмоциональную реакцию, готовность к диалогу, совпадение коммуникативных ожиданий и личных установок адресата и адресанта способствуют успешному перлокутивному эффекту. В случае с Базаровым перлокутивный эффект оказывается ограниченным: доброжелательное поведение Николая Петровича воспринимается сдержанно, подчеркнута равнодушно в связи с мировоззрением Евгения Базарова.

Ситуация диалога Н. П. Кирсанова с Евгением Базаровым показывает: успешность перлокутивного эффекта зависит не только от коммуникативной корректности, выбора вербальных и невербальных средств адресанта, но и от личных установок, мировоззрения, готовности адресата воспринимать информацию, участвовать в общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1962. 169 p.
2. Джолдасбекова Б. У., Сарсекеева Н. К. Авторский дискурс Ю. О. Домбровского в контексте современной казахстанской прозы о художнике. Алматы: Казак университети, 2013. 150 с.
3. Манерко Л. А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2013. № 1. С. 100–118.

4. Фещенко В. В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики // Новый филологический вестник. 2021. №1 (56). С. 16–35. DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00001.
5. Евпраксина М. Д. Художественный дискурс и его интерпретация в современной лингвистике [Электронный ресурс] // Вестник науки: [сайт]. 2024. № 6 (75). Т. 3. С. 1118–1123. URL: <https://www.vestnik-nauki.rf/article/16033> (дата обращения: 18.12.2025).
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
7. Бигунова Н. А. Перлокутивный эффект речевых актов комплимента и лести (на материале англоязычного художественного дискурса) [Электронный ресурс] // Universum: Филология и искусствоведение: электронный научный журнал: [сайт]. 2013. № 1 (1). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/45> (дата обращения: 18.12.2025).
8. Мелина А. Ю. Взаимосвязь локуции раскаяния и перлокутивного эффекта в контексте случаев «отмены» // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2025. № 1. С. 170–183.
9. Тлеугабылова Н. Е., Попова О. В. Способы реализации коммуникативных стратегий Николая Петровича Кирсанова в литературном дискурсе романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 4 (49). С. 114–117. DOI: 10.36809/2309-9380-2025-49-114-117.

REFERENCES

1. Austin, J. L. (1962). *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press.
2. Dzholdasbekova, B. U. & Sarsekeyeva, N. K. (2013). *The Author's Discourse of Yu. O. Dombrovsky in the Context of Contemporary Kazakhstan Prose about the Artist*. Almaty: Kazakh University publ. (in Russ.).
3. Manerko, L. A. (2013). Knowledge Structures Presented in Fiction and Academic Discourses. In: *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 1, 100–118 (in Russ.).
4. Feshchenko, V. V. (2021). Fiction Discourse: Toward a Definition of the Term in the Perspective of Linguoesthetics. In: *New Philological Bulletin*, 1 (56), 16–35. DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00001 (in Russ.).
5. Evpraksina, M. D. (2024). Literary Discourse and Its Interpretation in Modern Linguistics. In: *Bulletin of Science*, 6 (75), 3, 1118–1123. URL: <https://www.vesnik-nauki.rf/article/16033> (accessed: 18.12.2025).
6. Karasik, V. I. (2002). *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena publ. (in Russ.).
7. Bigunova, N. A. (2013). Perlocutionary Effect of Speech Acts of Compliment and Flattery (Based on English-Language Artistic Discourse). In: *Universum: Philology and Art Studies*. 2013. No. 1 (1). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/45> (accessed: 12/18/2025).
8. Melina, A. Yu. (2025). The Relationship Between the Locution of Remorse and the Perlocutionary Effect in the Context of Cases of “Cancellation.” In: *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, 1, 170–183 (in Russ.).
9. Tleugabylova, N. E. & Popova, O. V. (2025). Methods of Implementing Communicative Strategies of Nikolai Petrovich Kirsanov in the Literary Discourse of the Novel “Fathers and Sons” by I. S. Turgenev. In: *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies*, 4 (49), 114–117. DOI: 10.36809/2309-9380-2025-49-114-117 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тлеугабылова Назгуль Ермековна (г. Павлодар) – магистр гуманитарных наук, учитель русского языка и литературы Средней общеобразовательной школы-гимназии имени Шапык Шөкин города Павлодара, аспирант кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций Омской гуманитарной академии;

ORCID: 0000-0001-9050-2255; e-mail: nazgul_tleugabilova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nazgul E. Tleugabylova (Pavlodar) – Master (Philology), Teacher of Russian Language and Literature, Shapyk Shokin Secondary General Education School-Gymnasium of Pavlodar; Postgraduate Student, Department of Philology, Journalism, and Mass Communication, Omsk Humanitarian Academy;

ORCID: 0000-0001-9050-2255; e-mail: nazgul_tleugabilova@mail.ru

Научная статья

УДК 811.581

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-81-93

РЕДУПЛИКАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Чжао Т., Попова Л. В.*

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор, e-mail: plarisa20@mail.ru*

Поступила в редакцию 18.11.2025

Принята к публикации 28.11.2025

Аннотация

Цель. Сопоставление функций и значения удвоенного повтора существительных в русском и китайском языках на лексическом уровне.

Процедура и методы. Методом выборки из корпусов русского и китайского языков был получен языковой материал – существительные с полной редупликацией. Анализ осуществлялся с применением лексико-семантического, контекстуального метода и метода интерпретации. Исследование проводилось в сопоставительном аспекте.

Результаты. Продемонстрирована языковая универсальность и национальная специфика редупликации существительных, описаны основные значения и функции удвоенного повтора существительных.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные данные расширяют представление о редупликации существительных в русском и китайском языках. Материалы могут применяться для дальнейших работ в области сравнительно-сопоставительной лингвистики, лингвокультурологии, преподавания китайского или русского языков.

Ключевые слова: китайский язык, повтор, редупликация существительных, русский язык, словообразование, тавтология, удвоение

Для цитирования:

Чжао Т., Попова Л. В. Редупликация существительных в русском и китайском языках: лексический аспект // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 81–93. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-81-93>.

Original research article

REDUPLICATION OF NOUNS IN RUSSIAN AND CHINESE: A LEXICAL ASPECT

Zhao T., L. Popova*

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: plarisa20@mail.ru*

Received by the editorial office 18.11.2025

Accepted for publication 28.11.2025

Abstract

Aim. To compare the functions and meaning of doubled repetition of nouns in Russian and Chinese at the lexical level.

Methodology. The linguistic material – nouns with full reduplication – was obtained by sampling from the Russian and Chinese language corpora. The analysis was carried out using the lexical-semantic, contextual, and interpretation methods. The study was conducted in a comparative aspect.

Results. The linguistic universality and national specificity of noun reduplication were demonstrated, and the main meanings and functions of doubled noun repetition were described.

Research implications. The obtained data expand the understanding of noun reduplication in Russian and Chinese. The materials can be used for further research in the field of comparative linguistics, linguoculturology, and teaching Chinese or Russian.

Keywords: Chinese, repetition, noun reduplication, Russian, word formation, tautology, doubling

For citation:

Zhao T. & Popova, L. V. (2026). Reduplication of Nouns in Russian and Chinese: A Lexical Aspect. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 81–93. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-81-93>.

Введение

Языковой повтор в его разных лексических, грамматических и комбинаторных разновидностях продолжает привлекать внимание исследователей, в том числе в контексте новых направлений лингвистики – дискурсивном, коммуникативном, прагматическом, лингводидактическом. Учёные относят повтор к языковой универсалии [1]; отмечается, что он отражает заложенную в сознании и мышлении человека склонность к двоичности, бинарным оппозициям. Это явление представлено в языках различной типологии, что вызывает вопрос о его национальной специфике.

Актуальность обращения, казалось бы, к глубоко изученной теме повтора обусловлена необходимостью интерпретации новейших фактов языка в функционально-семантическом и сопоставительном аспектах. Выбранный в качестве предмета исследования удвоенный повтор имени существительного не относится к частотным явлениям словообразования и словоизменения как в русском, так и в китайском языке, однако в современной речи субстантивная редупликация активно используется для реализации новых смыслов и образования экспрессивных высказываний, в том числе тавтологических фразеосхем. Кроме того, ярко выраженная в интернет-коммуникации лингвокреатив-

ная функция удвоения существительных вызывает вопрос о том, является такое словоупотребление национальным или интернациональным, отражающим общие тенденции языковой моды.

В лингвистике для описания повтора однокоренных существительных используются различные термины: *повторение* (*повтор*), *тавтология*, *редупликация*, *удвоение*. Не затрагивая вопрос дифференциации терминов, будем использовать *повтор* как родовое понятие – неоднократное воспроизведение в определённом отрезке речи языковой единицы любого языкового уровня, а *редупликацию* – как удвоение слова или части слова (морфемы, звука) при слитном или дефисном написании. В данной статье рассматривается полная редупликация имени существительного в форме И. п., интонационно объединённая в синтагму (дефисное написание). Такие слова русского языка сравниваются с редупликацией существительного в китайском языке. В зависимости от количества компонентов слова (один – А или два – АВ) слово может удваиваться по моделям АА, ААВВ, АВВ, ААВ.

Цель исследования состоит в сопоставлении семантики и функций редупликации существительных в русском и китайском языках на лексическом уровне. Иллюстративный материал представлен данными корпусов русского языка

(ГИКРЯ)¹ и китайского языка (CCL² и ВСС³).

В русистике полный повтор существительного рассматривают как 1) способ словообразования (крайне непродуктивный) (В. В. Виноградов, Е. А. Земская, О. Ю. Крючкова); 2) способ образования тавтологических фразеологизмов (Н. А. Янко-Триницкая, А. Г. Ломов, Н. М. Шанский, В. М. Мокиенко, В. М. Бурмако, А. М. Бушуй, Г. А. Селиванова, Т. Г. Крапотина) *глаза в глаза, друг друга, год от года*; 3) способ образования фразеологических высказываний (Д. Н. Шмелёв) *Дом как дом; Работа есть работа, Жизнь – это жизнь*; 4) фигуру речи (В. П. Москвин) *По Смоленской дороге – леса, леса, леса* (Б. Окуджава); 5) характерный показатель экспрессивного синтаксиса разговорной речи (Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Шириев).

В исследованиях конца XX – начала XXI века был выявлен потенциал повтора существительных как средства формирования тавтологических фразеосхем (А. В. Величко, Н. А. Николина, В. Ю. Меликян, М. Х. Иевлева, Е. Л. Вилинбахова); детально проанализирована структура и семантика тавтологии (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв), соотношение истинной тавтологии и псевдотавтологии (Ю. Д. Апресян), охарактеризована лингвокреативная функция редупликации существительных в разных стилях и жанрах речи (Л. А. Козлова, М. Л. Лаптева). Научный интерес к повтору существительного ничуть не ослабевает [2], в частности, зафиксирована и описана новая модель фразеосхемы на основе тавтологического повтора существительных и местоимения

такой [3]. Актуальность изучения повтора подтверждается многочисленными работами, в которых выявляется многообразие и специфика редупликации и тавтологии в разных языках. Так, например, сопоставлен повтор существительных в русском и чешском (Д. В. Андрианова), русском и английском языках (М. И. Мехеда), восточнославянских языках (Ф. Р. Минлос), английском и турецких языках (А. М. Зарипова) и др. Рассмотрены форма и семантика конструкций с редупликацией глаголов в русском и китайском языках [4].

Все указанные выше функции повтора существительного отмечаются и в китайском языке, что доказывает универсальность явления. Но различие в типологической устроенности русского и китайского языков не может не отразиться на структуре и семантике редупликации существительного, особенно в словоизменительном и словообразовательном аспекте.

В китаистике широкое явление повтора существительных разграничивается терминологически. Редупликация 重叠 *chóngdié* обычно относится к лингвистическому механизму, при котором повторение слова, морфемы или слога образует новую форму, отличающуюся от исходной фонетически, грамматически и семантически. В широком смысле редупликация рассматривается как вид морфологического изменения. В работах китайских лингвистов (Лу Цзунд, Юй Минь) редупликация определяется как средство формообразования, аналогичное флексии во флективных синтетических языках. В узком смысле редупликация понимается как способ образования слов, а редупликат (удвоенное слово) расценивается как самостоятельная лексическая единица [5, с. 25]. На основе такого традиционного понимания редупликация исследуется в функциональном и когнитивном аспектах. Ши Юйчжи выдвинул положение, что общее грамматическое значение редупликации – «квантификация» [6, с. 112]. Чжан Минь предположил, что редупликация отражает увеличение количества в концептуальной сфере [7, с. 37].

¹ Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <https://int.webcorpora.ru/drake> (дата обращения 20.10.2025).

² Корпус современного китайского языка Пекинского университета (CCL) [Электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus (дата обращения 20.10.2025).

³ Корпус Пекинского университета языка и культуры (ВСС) [Электронный ресурс]. URL: <https://bcc.blcu.edu.cn> (дата обращения 20.10.2025).

Редупликация существительных 名词重叠 *míngcíchóngdié* расценивается как высокопродуктивная грамматическая категория, обычно образуемая полным повтором односложного существительного или повтором с использованием определённых элементов [5, с. 25–26].

Редупликация существительных как способ словообразования в русском языке

В русском языке полная редупликация существительных как способ образования нового слова или передачи дополнительных значений встречается крайне редко и относится к экспрессивному словообразованию. Существительные с дефисным повтором типа *агар-агар*, *иланг-иланг*, *чау-чау* – это слова, пришедшие из других языков, они воспринимаются как чужеродные элементы и склонны утрачивать повторяемую часть (например, в словаре Т. Ф. Ефремовой зафиксирован вариант *агар*)¹.

Полная редупликация фиксируется, в основном, в обращениях, вокативах фольклорных текстов *девица-девица*, *колобок-колобок*, *речка-речка*; в разговорной речи в эмфатических и экспрессивных высказываниях *Ложку-ложку давай!* *Ну телефон и телефон!* *Эх, Петя-Петя!* или в обращениях *Тань-Тань*, *иди сюда!* и др. Как способ экспрессивного словообразования повтор существительного реализуется в разговорной речи, в том числе в просторечии («повтор-отзвучие», или «фокус-покус-приём», м-повтор, шм-повтор, ху-повтор и др.) *танцы-шманцы*, *фигли-мигли*, *навлин-мавлин*, *кафель-мафель*.

Яркой чертой языка новейшего времени, преимущественно языка интернета, являются удвоенные существительные *девочка-девочка*, *лето-лето*, *праздник-праздник* и др. Рост числа таких словоупотреблений заслуживает пристального

внимания и оценки в структурно-синтаксическом, семантическом, прагматическом, жанрово-стилистическом аспектах [8]. М. Л. Лаптева пишет, что выполнение лингвокреативной функции «полными редуplikатами априори отрицается», однако замечает, что «при этом для них, безусловно, характерны номинативная, экспрессивная, прагматическая, стилистическая, когнитивная, статусная и некоторые другие функции» [9, с. 97]. По нашим наблюдениям, удвоенные существительные, несомненно, относятся к лингвокреативным явлениям языка; их появление и рост активности обусловлены поиском новых форм для выражения известных значений.

Креативность, основанная на нарушении нормы, служит для привлечения внимания адресата. Примечательно использование редуplikатов в качестве современных онимов. Например, официальное название пермского театра звучит так: «Пермский академический театр-театр», сокращённое название «Театр-Театр». Редуplikаты используются в качестве названий музыкальных групп (*Снег-Снег*), сообществ (*Лето Лето*), никнеймов (*Ник Ник*, *Наташа Наташа*) заголовков текстов (*Питер Питер*), подписей к фото (*собака-собака*, *море-море*) и др.

Появление таких словоупотреблений ставит вопрос об их статусе (слово, сочетание слов) и о характере их значения (лексическое, словообразовательное или грамматическое). О. Ю. Крючкова отмечает, что удвоенные существительные «существуют, по всей видимости, в языковом сознании не как инвентарные единицы, а как единицы конструктивные, как своеобразные речевые производные слова, свободно (подобно синтаксическим структурам) производимые носителями языка в процессе речевой деятельности» [10, с. 80].

Между тем заметим, что некоторые из таких удвоений приобретают признаки слова – новое лексическое значение и/или синтаксическую свободу употребления. Заслуживает внимания тот факт, что удвоение *девочка-девочка* Викисловарь фиксирует как слово с самостоятельным

¹ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/word/agar.html> (дата обращения 20.10.2025).

значением: «разг. девочка или девушка, обладающая женственной внешностью; ведущая себя подчёркнуто женственно».¹

Такое слово обнаруживает определённую устойчивость, воспроизводимость, извлекается из памяти в готовом виде; оно имеет полную падежную парадигму и способно выполнять различные синтаксические функции: А как поймать в себе и почувствовать женщину? **Девочку-девочку** внутреннюю... (О. Савельева. Девочка-девочка)

Рассмотрим некоторые значения редуцированных существительных.

– Значение прототипа определено как «наиболее часто встречающееся значение редупликации» [8, с. 92]. Данное значение может актуализироваться словами *настоящий, прямо (прям)* совсем уж, такой:

Пальмы-Пальмы, Море-Море, Пляжи-Пляжи и Природа такая-при-такая, – меня вводили в транс!; Комментарий к фото собаки породы зенненхунд: это собака породы «**Собака-Собака**»!!!); Други, посоветуйте мне кино чтобы **Америка-Америка** и чтобы **80-е-80-е**; Не то что бы Майна совсем «**деревня-деревня**», но куры у бабушки есть, да и коров многие держат.²

Значение типичного, стереотипного представления об объекте обнаруживает и при повторении имён собственных:

Такой **Париж-Париж**, очень всё понравилось.

Pas d'action из Щелкунчика, хор. В. Вайнонена Мария Ширинкина и Максим Зюзин Самое оно для Ширинкиной. Вот прямо **Маша-Маша**. Подходит ей.

Значение прототипа часто совмещается с оценкой – от положительной (*самый, лучший, настоящий*) до иронической.

– Значение усиления при повторе существительных с оценочной семантикой или процессным значением (длительность, ин-

тенсивность, качественность), семы «большой, очень, сильно, долго» и пр.:

И у неё сегодня день рождения (**праздник-праздник!!**); Я вообще смотрю сериалы из-за одежды. :)) Поэтому для меня было **горе-горе**, когда закончилась Сплетница; А завтра пойду на ночные сеансы в Художественный. Прямо **кино-кино** повсюду)); Погодите спешить, еще совсем не осень, еще очень даже **лето-лето**:); Максим Викторович, искренний и обаятельный – совсем не «**звезда-звезда**»; Над учебниками целый выходной, чтобы вечером придаться разговорам – разговорам и **кофе-кофе**.

Во многих случаях редупликат проявляет новое значение, в том числе опирающееся на метафорический, метонимический или коннотативный потенциал исходного слова:

...а свою комнату хочу сделать в восточном (ну слегка в восточном) стиле... такую «**любовь-любовь**»)).

У меня в последнее время недели были без вечеров (утро-работа-ночь) и без суббот (**дача-дача**).

В последнем примере значение интенсивности осложняет не предметное значение слова, а пропозициональное содержание (работа, хлопоты, связанные с дачей).

Отдельные удвоенные существительные демонстрируют активность в современной речи. Так, например, слово *ужас-ужас* активно используется в интернет-коммуникации (134 примера в ГИКРЯ).

Как у вас там в Англии, всё нормально? Тут показали Шотландию, **ужас-ужас**. Надеюсь до вас не дойдёт такое!

А. М. Ключина рассматривает редупликацию существительного *ужас* как средство выражения семантики крайности [11, с. 11]. Семантика интенсивности служит основой для дальнейшего повторения (геминации, или «тройного повтора»). См., например, примеры употребления *ужас, ужас-ужас* и *ужас-ужас-ужас* в конструкциях противопоставления или разделения: Александр Пиперски выступил на фестивале «Умный Владимир» с лекцией «Ужас или ужас-ужас-ужас: что происходит сейчас с русским языком?»

¹ Викисловарь: [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/девочка-девочка> (дата обращения 20.10.2025).

² В примерах из ГИКРЯ, преимущественно из сегмента «Живой Журнал – Кассандра», здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация.

Значение интенсивности рассматривается как одно из универсальных значений редупликации во многих языках. Вопрос о статусе данного значения (лексическое или грамматическое) является спорным. По мнению О. Ю. Крючковой, «значение степени интенсивности признака, характеризующее словные удвоения в русском языке, – не грамматическое, а словообразовательное; русские редулицированные слова – не формы слов, а производные слова; русская словная редупликация – не способ выражения грамматических значений, а разновидность сложения» [10, с. 72].

Оценочно-коннотативное значение имеют имена собственные, обычно precedентные. При редупликации имён собственных «эксплицируется коннотативный потенциал опорных существительных» [12, с. 166], понимание повтора происходит на более субъективной основе:

Главное, страсти кругом кипят, такие шикарные, олдскульные, такой Шекспир-Шекспир чистейшего оклахомского разлива;

Обзор электроинструментов: Урал, Карпаты и ещё десяток подобных – это все то, что я называю «китай-китай». Эти вещи можно приобретать, если надо сделать маленькую разовую работу, выбросить и забыть.

Рассмотренные примеры демонстрируют тенденцию к активизации редупликации существительного в современном русском языке как средства формирования актуального смысла.

Основные значения редупликации существительных в китайском языке как средства формо- и словообразования

В китайском языке, при том что удваиваться могут почти все части речи [13], редупликация существительных не является частым явлением, однако более распространена по сравнению с русским языком. В отличие от русского языка, полный повтор существительных или повтор с участием служебных морфем приводит

к появлению в слове нового лексического значения, хотя внутренне и связанного со значением исходного слова. Редупликация рассматривается как 1) способ формообразования (вариант слова с новым грамматическим значением) и 2) способ словообразования (слово с новым лексическим значением).

Рассмотрим основные случаи редупликации существительных.

– Значение всеобщности с оттенком дистрибутивности является одним из основных значений полного удвоения существительного: 人人 rén rén (каждый человек, все), 家家 jiā jiā (каждая семья), 村村 cūn cūn (каждая деревня).

五月节了, 家家门上挂起葫芦。(萧红《生死场》)

Уже наступил Праздник пятой луны, и на каждой двери появились тыквы-горлянки (Сяо Хун «Поле жизни и смерти»).

人人学识字, 村村有剧团。(人民日报, 报刊)

Все учатся грамоте, в каждой деревне есть своя театральная труппа (газ. «Жэньминь жибао»).

Обычно односложные существительные, способные к редупликации по модели АА, являются исчисляемыми. Рассматривая такой повтор с позиций когнитивистики, Чжан Минь отмечал, что формальное удвоение существительных моделирует концептуальную «плюрализацию» или «пространственное / логическое распределение», схематически представляет «совокупность, составленную из индивидуумов», что естественным образом порождает семантику «всеобщности» и «дистрибутивности» [7, с. 39]. Исследователи относят такой повтор к формообразованию, поскольку в значении слова происходят грамматические изменения. Редулицированная форма с семой 'каждый' стала устоявшейся языковой нормой, превратившись в экономичный и эффективный инструмент китайского языка. Отметим, что в удвоенном существительном обнаруживается оттенок категоричности, особенно в устном общении.

В зависимости от значения исходного существительного значение всеобщности может осложняться другими значениями, в том числе метафорическими. Далее опишем некоторые из них.

– Если существительное обозначает отрезок времени, то повтор по моделям АА, ААВВ передаёт значение непрерывной последовательности (синонимия с русскими фразеосочетаниями *час за часом, год за годом, день за днём* и под.), например:

他一夜夜地睡不着觉…… (人民日报, 报刊)

Ночь за ночью он не мог сомкнуть глаз... (газ. «Жэньминь жибао»).

Удвоенное слово 夜 yè (ночь) в сочетании со служебным словом 地 de выполняет в предложении функцию обстоятельства. Подчёркивая длительность состояния, повтор существительного расчленяет долгий и мучительный процесс отсутствия сна на конкретные единицы времени – ночи, что позволяет эмоционально передать, как каждую ночь повторяется мука бессонницы и как эта боль усугубляется с накоплением этих ночей.

关心, 不需要甜言蜜语, 真诚就好; 友谊, 不需要朝朝暮暮, 记得就好…… (网络语料\微信公众号)

Забота, тебе не нужны сладкие слова, просто будь искренней; дружба, тебе не нужно каждое мгновение дня и ночи, просто помни... (WeChat).

В данном предложении используется сочетание двух редуцированных существительных 朝 zhāo (утро) и 暮 mù (вечер), обозначающих две крайние точки дня. Объединённая форма 朝朝暮暮 zhāozhāomùmù может быть переведена на русский язык сочетаниями *с утра до вечера, каждый день, всё время*. В художественном стиле, в том числе в поэзии, значение такого сочетания вышло за рамки буквального временного значения и стало символом глубоких чувств, означающим неразлучность:

两情若是久长时, 又岂在朝朝暮暮。 (秦观)

Когда любовь сильна в сердцах у нас, Разлука страсти не убавит час (Цинь Гуань, пер. Л. Меньшикова).

Повтор двусложных существительных по модели ААВВ проявляет значение полноты охвата, изобилия явлений; в целом такие варианты редупликации связаны с множественностью предмета. Особенностью повтора существительных является возможность превращения редуликата в другую часть речи (глагол, наречие, прилагательное), что проявляется синтаксически, поскольку китайский язык относится к изолирующим языкам.

他用了7天多的时间, 跑遍了香港的角角落落, 追寻历史足迹, 实地写生。 (人民日报, 报刊)

Потратив более семи дней, он исходил Гонконг вдоль и поперёк, следуя по следам истории и создавая этюды с натуры (газ. «Жэньминь жибао»).

Двусложное существительное 角落 jiǎoluò имеет значения 1) вогнутый угол; 2) безлюдное, укромное место. Редуцированная форма по модели ААВВ – 角角落落 jiǎojiǎoluòluò – приобретает буквальное значение «каждый уголок, все места». Повтор преобразует представление о локальном периферийном пространстве в собирательное понятие, целостное пространство, предполагающее полный охват. В предложении редуликат выступает в функции обстоятельства при глаголе (*исходил / изъездил вдоль и поперёк*), подчёркивает предельную степень охвата действия.

接连下了两天大雪, 天气好了些, 但还是零零碎碎飘着雪花。施工局蒋部长来看我, 问我有什么安排。我说: “去看看王相牛的墓地吧。” (人民日报, 报刊)

Снегопад шёл два дня подряд, погода немного улучшилась, но изредка падали отдельные снежинки (газ. «Жэньминь жибао»).

零碎 língsuì – двусложное прилагательное/ существительное со значениями: 1) (прил.) дробный, мелкий; 2) (сущ.) мелочи, обрывки. Редуцированная форма по модели ААВВ – 零零碎碎 línglíngsuìsuì – в данном контексте описывает уже не конкретные мелкие предметы, а признак, определяющий глагол (*кружились, падали*). В предложении слово функциониру-

ет как обстоятельство, изображая способ падения снежинок: редкий, прерывистый, время от времени в виде отдельных хлопьев. Это точно схватывает типичную картину после сильного снегопада, когда снег вот-вот должен прекратиться.

– Изменение частеречного статуса нередко сопровождается редупликацией существительных. По наблюдениям А. П. Кошкина, «редуплицированные существительные могут приобретать отдельные черты наречий, указывая на образ или частоту действия, степень и т. д.» [14, с. 73]. Приведём ещё один пример:

偌大的县域，局促在黄河西岸，只因东岸毛素沙地步步侵蚀。（人民日报，报刊）

Обширный уезд теснится на западном берегу Хуанхэ, в то время как с восточного берега на его земли постепенно наступают пески Маусуй (газ. «Жэньминь жибао»).

Редуплицированная форма существительного 步 *bù* (со значением «шаг» или «этап, ступень») актуализирует не семантику всеобщности («каждый шаг»), а признак действия («шаг за шагом, постепенно»). Из пространственного существительного 步 *bù* образуется наречие 步步 *bùbù*, обозначающее способ и частоту действия. Посредством созданного редупликацией образа абстрактный процесс географических изменений изображается как конкретно осязаемая динамическая картина, что придаёт языку новостного репортажа как точность, так и напряжённость.

Подобные примеры показывают, что редупликация существительных в китайском языке – это не только средство словообразования или выражения эмоций, но и мощный синтаксический инструмент, способный гибко создавать выразительные обстоятельства для характеристики действий, значительно повышая изобразительные возможности языка.

– Повтор может быть средством словообразования, если приводит к появлению у слова нового значения. Кроме того, такие слова могут приобретать эмоционально-оценочную (ласкательность) или стили-

стически окрашенную (разговорность, детскость) семы, например:

油…拌凉菜专用。各种草草儿。（网络语料\微博/ weibo）

Специально для заправки холодных салатов. Всевозможные душистые травки (сайт Weibo).

Редупликация односложного слова 草 *cǎo* значением общего названия для травянистых растений в сочетании с эризацией (снабжением слога или слова ретрофлексным суффиксом 儿 *er*), образует слово 草草儿 *cǎocǎo*, обозначающее приправы. Редупликация и суффикс – это два часто сочетающихся средства, служащих для передачи разговорного оттенка. В приведённом примере автор сообщает о знакомых и любимых им вещах, а не просто перечисляет ингредиенты. Оттенок разговорности заставляет коммерческое описание продукта звучать как дружеский совет, сокращая дистанцию с читателем. Разговорное слово 草草儿 *cǎocǎo* несёт в себе насыщенный оттенок городской культуры и диалектного колорита (распространено в северных диалектах). Такое слово идеально подходит для современной интернет-платформы Weibo, делая язык официальных СМИ живым, динамичным и близким пользователям сети. В русском языке подобное изменение значения может происходить с помощью аффиксации: *трав*a – *травки* (в значении «приправы»): *Я люблю всякие травки в мясо добавлять.*

В китайском языке слова, называющие родителей, являются односложными: 妈 *mā* (мама, мать) и 爸 *bà* (папа, отец). Редуплицированные формы 爸爸 *bàba* и 妈妈 *māma* стали широко употребительны в современной китайской речи и, по сути, заменили односложные формы. Такие слова рассматриваются уже не как грамматические формы; их семантическая определённость и специфичность значительно выше, чем у исходных односложных слов. К тому же в удвоенных существительных ярко выражена эмоциональная окраска. Когда ребёнок говорит 让爸爸妈妈看 *Ràng bàba māma kànkàn* (Покажу папе и маме), это передаёт естественное и глубокое чувство

близости, являясь самым прямым проявлением родственной связи.

Объединение двух редуцированных слов имеет значение «родители», однако оно обладает стилистической и коннотативной окраской: более разговорное и ласковое, чем 父母 fùmǔ (родители), и более универсальное и современное, чем 爹娘 diēniáng.

Он十分骄傲地说, 要把剪好的“春”字带回家, 让爸爸妈妈看看自己的劳动成果。(人民日报, 报刊)

Он с большой гордостью сказал, что отнесёт домой вырезанную из бумаги надпись «Весна», чтобы показать **папе и маме** плоды своего труда (газ. «Жэньминь жибао»).

Заметим, что в русском языке фонетическое объединение слов, называющих родителей, возможно только в разговорном стиле, в близком общении: **Пап-мам**, я пришёл!

– Удвоенные односложные и двусложные существительные могут приобретать диминутивное значение, которое, в целом, нельзя отнести к продуктивным результатам редупликации. По наблюдениям исследователей, повтор в диминутивах – диалектно окрашенное явление, «например, в диалекте сюйчжоу провинции Цзянсу: 洞洞 dòngdong (дырочка), 板板 bǎnbǎn (пластинка), 墩墩 dūndun (холмик)» [15, с. 148].

Такой повтор рассматривается как морфолого-стилистический приём, придающий высказыванию ярко-выраженный разговорный, непринуждённый характер: 勺勺 sháoshao (ложечка), 刀刀 dāodao (ножик, нож для фруктов). Эта конструкция характерна для северных диалектов китайского языка, часто используется в речи, обращённой к детям, или для описания привычных бытовых предметов.

Отдельные слова с удвоением, формирующим уменьшительно-ласкательное значение, активно используются в путунхуа (официальном языке Китая). Одно из таких слов 宝宝 bǎobao (малыш) употребляется как ласковое обращение, проявляя при этом оттенок вежливости, некаatego-

ричности, дружелюбия, расположенности к общению.

Слово 宝 bǎo является односложным существительным со значением «ценность, сокровище». В современном китайском языке редуцированная форма 宝宝 bǎobao полностью лексикализовалась и специализируется для обозначения младенцев или детёнышей животных.

熊猫宝宝在具备一定免疫力后才能与公众见面。(人民日报, 报刊)

Детёныш панды сможет встретиться с публикой только тогда, когда у него сформируется достаточный иммунитет (газ. «Жэньминь жибао»).

В данном контексте слово 宝宝 bǎobao привносит интенсивную эмоциональную окраску ласки, заботы и нежности (по сравнению с нейтральными 幼崽 yòuzǎi (детёныш). Использование слова с повтором в объявлении зоопарка делает тон официального сообщения более сердечным, мягким, наполненным человеческим теплом. Это отражает стремление официальных учреждений создавать дружелюбный и тёплый образ при общении с общественностью, выполняя важную прагматическую функцию для усиления коммуникативного эффекта.

– В некоторых случаях соединение двух редуцированных существительных приводит к смысловым преобразованиям, например:

最怕猫猫狗狗上沙洲破坏鸟巢。(人民日报, 报刊)

Специалисты по охране природы больше всего опасаются, когда на отмели попадают **бродячие кошки и собаки** и разоряют птичьи гнезда (газ. «Жэньминь жибао»).

Устойчивое четырёхсложное сочетание образовано соединением двух редуцированных слов: 猫猫狗狗 māomaogǒugou.

Удвоенные формы односложных слов 猫 māo (кошка), 狗 gǒu (собака) в повседневной разговорной речи часто используются как ласкательные обращения, однако в данном контексте их объединение приобретает иное значение, в котором исчезает диминутивный оттенок. Здесь 猫猫狗狗 māomaogǒugou указывает не на милых

домашних животных, а на всех бездомных или бесконтрольно гуляющих котов и собак. Такая редуплицированная форма служит для обобщения всей категории, эквивалентной по смыслу «*всякие кошки и собаки*».

Заметим, что в русском языке похожее значение также передаётся повтором слов суммарной семантики («конструкция двандва»), интонационно объединённым в одно слово, например:

Море (которое я забыла сфоткать), ласковое солнце, сосны-ели, кошки-собаки, ласточкино гнездо с голодными птенцами... Что еще нужно для получения удовольствия?!

А вот иду по улице каждый день... Цветочки, птички, люди, кошки-собаки, музыка несётся из окон...небо голубое...

Эмоционально-оценочное значение таких существительных не является фиксированным; оно в высокой степени зависит от контекста.

– В художественном тексте или в образной речи редупликация существительных может создавать метафорическое или метонимическое переносное значение. Например, повтор по модели AABV.

风风雨雨。爸妈，我爱你千般苦，万般苦，为了儿女苦多年，不舍吃，不舍穿（网络语料\微博）

*Мама, папа, я вижу, сколько тягот вы перенесли. Ради детей вы годами себе во всём отказывали, не жалели сил, проходя через **ливни и бури** (сайт Weibo).*

Базовой формой для редупликации является сложное существительное 风雨 fēngyǔ, в котором соединяются слова 风 fēng (ветер) и 雨 yǔ (дождь, ливень). Такое слово имеет буквальное значение «ветер и дождь» или «непогода, шторм».

В предложении конструкция 风风雨雨 fēngfēngyǔyǔ занимает позицию подлежащего и полностью отходит от буквального значения. Посредством механизма метафоры оно обозначает все тяготы и лишения, жизненные невзгоды и трудности, взлёты и падения, пережитые родителями на протяжении всей жизни. Это высококонцентрированный символический знак.

Повторение и совмещение образов «ветра» и «дождя», олицетворяющих непогоду, когнитивно значительно усиливает представление о многочисленных трудностях, их частоте и длительности.

– В интернет-общении также встречаются случаи редупликации, в том числе и существительных, которые обладают креативностью и эмоциональной выразительностью, однако в отличие от рассмотренных выше примеров из русского языка (девочка-девочка), удвоение слова в разговорном китайском языке приводит к появлению уменьшительно-ласкательного значения и коннотативного оттенка дружеского общения.

Рассмотрим несколько примеров из раздела диалогов корпуса ВСС Пекинского университета языка и культуры, который включает данные микроблогов и комментариев к фильмам и сериалам: существительное 东东 dōngdōng (вещички) от сущ. 东西 dōngxī (вещь); 饭饭 fànfàn (кушать, ням-ням) от сущ. 饭 fàn (еда); 票票 piàopiào (билетики, банкнотики) от сущ. 票 piào (билет, банкнота), часто используется по отношению к транспортным билетам, билетам на мероприятия, а в разговорной речи для обозначения денег. Такая языковая мода на диминутивы характерна и для русского языка, в котором уменьшительно-ласкательное значение передаётся суффиксами (печалька, любимки, вкусняшки, утречко, печенюшки и под.). По мнению исследователей, использование диминутивов обусловлено стремлением к установлению ситуации дружественного общения и позволяет участникам интернет-коммуникации «погружаться в мир красивый и сказочный, который отвлекает от трудностей, неприятностей и настраивает на позитивное восприятие окружающей действительности» [16, с. 987].

Другое распространённое значение повтора в языке интернета – это усиление экспрессии, передачи сильных эмоций или создания шуточного, ироничного тона, например: 囧囧 jiǒngjiǒng (крайне смущённо, неловко); 神神叨叨 shénshēndāodao (ведущий себя загадочно, с чудинкой);

憨憨 hānhān (милашка-простачка; человек, который глуповат, но мил, простодушен и прямолинеен) – повторение усиливает значение слова 憨 hān (дурачок, глупышка) и придаёт оттенок фамильярной шутки.

Некоторые повторения выражают интенсивную эмоцию, означающую «нечто, достигшее предела» как в положительном, так и в отрицательном смысле, например: 绝绝子 juéjuézǐ (абсолютно). Конструкция представляет собой повтор прилагательного 绝 (предельный) в соединении с суффиксом существительного 子 zǐ. Это яркий пример тенденции современной редупликации.

Повтор используется для обсуждения сложных социальных тем в более лёгкой, непринуждённой форме, например: 卷卷 juǎnjuǎn и 躺躺 tǎngtāng (выкладываться и расслабляться) – это редупликация глаголов, превращённая в существительные, от 内卷 nèijuǎn (социальное соревнование, «гонка на выживание») и 躺平 tǎngpíng (отказ от борьбы, «философия покоя»). Данный повтор можно рассматривать как интернет-мем, очень популярный среди современной китайской молодёжи, который стал своего рода коллективным эмоциональным выходом, способом с юмором, самоиронией и умом выразить себя перед лицом огромного социального давления. Это не просто слова, а зеркало, отражающее сложные взаимоотношения между социальной структурой, экономической ситуацией и личным счастьем.

Таким образом, редупликация имён существительных в китайском языке имеет специфические черты, отличающие её от редупликации других частей речи, а также от удвоения русских существительных.

Заключение

В лексическом аспекте редупликация существительных в русском и китайском языках при некоторой общности стилистической окрашенности (разговорный язык), семантики (множественность, длительность, усиление) демонстрирует принципиальные отличия.

В русском языке повтор не является средством образования существительных, он характерен для разговорной речи, не приводит к изменению морфологического статуса слова. Важно отметить, что в последнее время в языке интернета наблюдается тенденция к усилению словообразовательной роли повтора, специализирующегося на выражении значения прототипа, оценочной коннотации, усиления, положительной оценки.

В китайском языке редупликация существительных носит более выраженный системный характер. Она является средством выражения лексико-грамматического значения всеобщности и дистрибутивности, а также способом образования отдельных групп слов (диминутивов, интенсивов, существительных со значением родства, названием животных и растений и др.) с возможностью изменения частеречного статуса. Многие продуктивные модели повтора существительного синонимичны по значению русским предложно-падежным фразеологическим сочетаниям, что объясняется спецификой грамматической устроенности рассматриваемых языков.

Новейшие языковые материалы демонстрируют рост активности данного явления в обоих языках, что проявляется в расширении семантического потенциала, прагматических и экспрессивных задач субстантивной редупликации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рожанский Ф. И. Редупликация: опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. 256 с.
2. Сатретдинова А. Х. Семантико-функциональные особенности лексической редупликации в русском языке // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 75–80. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-75-80.
3. Марьянчик В. А., Попова Л. В. *Блогеры такие блогеры*, или О новой фразеосхеме в русском языке // Русская речь. 2023. № 2. С. 70–82. DOI: 10.31857/S013161170025485-2.
4. Ли Юйхань. Сопоставительный анализ конструкций с удвоением глаголов в русском и китай-

- ском языках // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 22–29. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.003.
5. 朱德熙. 语法讲义. 北京: 商务印书馆, 1982. 231页.
 6. 石毓智. 语法的认知语义基础. 江西教育出版社, 2000. 112页.
 7. 张敏. 从类型学和认知语法的角度看汉语重叠现象 (博士学位论文). — 香港科技大学, 1997.
 8. Гилярова К. А. *Такая девочка-девочка*. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке интернета // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог – 2010» (Бекасово, 26–30 мая 2010 года). Т. 9 (16). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2010. С. 90–96.
 9. Лаптева М. Л. Реализация лингвокреативной функции редупликатов в русской разговорной речи // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования: сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции (Астрахань, 12–13 октября 2023 г.). Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2023. С. 96–99.
 10. Крючкова О. Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 63–83.
 11. Ключина А. М. Редупликация лексемы УЖАС как средство выражения семантики крайности в современном русском дискурсе // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2022. С. 10–16.
 12. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 156–177.
 13. Рахимбекова Л. Ш. Дивергентные повторы в современном китайском языке путунхуа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 22 (682). С. 40–44.
 14. Кошкин А. П. Особенности редупликации некоторых знаменательных частей речи в китайском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 10 (721). С. 72–81.
 15. Ван Ц. Сопоставление диминутивов в русском и китайском языках на фоне лингвистической типологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 9 (152). С. 147–151.
 16. Григорян А. А., Стрельчук Е. Н. Русскоязычные диминутивы в социальной сети «Инстаграм» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 981–995. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-981-995.

REFERENCES

1. Rozhansky, F. I. (2011). *Reduplication: An Experiment in Typological Research*. Moscow: Znak publ. (in Russ.).
2. Satretdinova, A. Kh. (2024). Semantic and Functional Features of Lexical Reduplication in Russian. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 75–80. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-75-80 (in Russ.).
3. Maryanchik, V. A. & Popova, L. V. (2023). *Bloggers Are Such Bloggers, or On a New Phraseological Scheme in Russian*. In: *Russian Speech*, 2, 70–82. DOI: 10.31857/S013161170025485-2 (in Russ.).
4. Li Yuhan (2024). Comparative Analysis of Constructions with Verb Doubling in Russian and Chinese. In: *Foreign Languages in Tertiary Education*, 3 (70), 22–29. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.003 (in Russ.).
5. 朱德熙 (1982). 语法讲义. 北京: 商务印书馆.
6. 石毓智 (2000). 语法的认知语义基础. 江西教育出版社.
7. 张敏 (1997). 从类型学和认知语法的角度看汉语重叠现象 (博士学位论文). 香港科技大学.
8. Gilyarova, K. A. (2010). “Takaya devochka-devochka” (“Such a Girl-Girl”). Semantics of Noun Reduplication in Colloquial Russian and the Language of the Internet. In: *Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue – 2010”* (Bekasovo, May 26–30, 2010). Vol. 9 (16). Moscow: Russian State Humanitarian University, pp. 90–96 (in Russ.).
9. Lapteva, M. L. (2023). Implementation of the Linguo-Creative Function of Reduplicates in Colloquial Russian. In: *Vectors of Development of Russian Studies and Linguodidactics in the Context of Modern Philological Education: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the III International Scientific and Practical Conference (Astrakhan, October 12–13, 2023)*. Astrakhan: Tatishchev Astrakhan State University publ., pp. 96–99 (in Russ.).

10. Kryuchkova, O. Yu. (2004). Issues of Linguistic Interpretation of Lexical Reduplication in Russian. In: *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (8), 63–83 (in Russ.).
11. Klyushina, A. M. (2022). Reduplication of the Lexeme “Uzhas” (“Horror”) as a Means of Expressing the Semantics of Extremes in Modern Russian Discourse. In: *Semantics. Functioning. Text: Interuniversity collection of scientific papers*. Kirov: Raduga-PRESS publ., pp. 10–16 (in Russ.).
12. Apresyan, Yu. D. (1995). Connotations as a Part of Word Pragmatics. In: Apresyan, Yu. D. *Selected Works. Vol. 2: Integral Description of Language and Systemic Lexicography*. Moscow: Languages of Russian Culture publ., 156–177 (in Russ.).
13. Rakhimbekova, L. Sh. (2013). Divergent Repetitions in Modern Standard Chinese. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 22 (682), 40–44 (in Russ.).
14. Koshkin, A. P. (2015). Features of Reduplication of Some Significant Parts of Speech in Chinese. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 10 (721), 72–81 (in Russ.).
15. Wang Q. (2020). Comparison of Diminutives in Russian and Chinese in Terms of the Background of Linguistic Typology. In: *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 9 (152), 147–151 (in Russ.).
16. Grigoryan, A. A. & Strelchuk, E. N. (2021). Russian-Language Diminutives in the Social Network Instagram. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12 (4), 981–995. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-981-995 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чжао Тин (г. Архангельск) – аспирант кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова;
ORCID: 0009-0006-3455-4054; e-mail: zhaoting910@163.com

Попова Лариса Владиславовна (г. Архангельск) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова

ORCID: 0000-0002-8254-8787; e-mail: plarisa20@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhao Ting (Arkhangelsk) – Postgraduate Student, Department of Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov;
ORCID: 0009-0006-3455-4054; e-mail: zhaoting910@163.com

Larisa V. Popova (Arkhangelsk) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
ORCID: 0000-0002-8254-8787; e-mail: plarisa20@mail.ru

Научная статья

УДК 821

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-94-106

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В КНИГЕ Н. В. ГОГОЛЯ «ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»

Джанумов С. А.

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: djanumovsa@mail.ru

Поступила в редакцию 07.12.2025

Принята к публикации 30.12.2025

Аннотация

Цель. Статья посвящена исследованию вопроса о роли и значении народных пословиц и поговорок в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя.

Процедура и методы. В статье на многочисленных примерах показано, что Гоголь высоко ценил меткое народное слово, многогранное богатство русской разговорной речи. Именно в «Выбранных местах...» Гоголь даёт своё определение пословицы, даёт как знаток, как вдумчивый фольклорист, как писатель, который в своём творчестве и сам не раз отдал дань этому фольклорному жанру. Чтобы доказать аутентичность использованных в книге Гоголя пословиц и поговорок, мы приводим их варианты по известным сборникам русских пословиц: И. М. Снегирёва, В. И. Даля, М. И. Михельсона и некоторым другим.

Результаты. На основании рассмотренного в настоящей статье материала можно сделать вывод, что связь книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» с устным народным творчеством проявилась в широком и функционально разнообразном использовании русского афористического фольклора: в первую очередь, пословиц и поговорок. Возможно, это позволит нынешним и будущим исследователям раскрыть своеобразие склада фольклорного мышления Гоголя, расширить наши представления о писателе как ценителе и знатке русского народного поэтического творчества. Можно с уверенностью сказать, что ни в одном другом произведении Гоголя не приводится столько пословиц и поговорок для подтверждения той или иной мысли писателя, как в «Выбранных местах...».

Теоретическая и / или практическая значимость. Наблюдения и результаты, полученные в процессе исследования роли и значения народных пословиц и поговорок в статьях Н. В. Гоголя, могут быть привлечены при историко-литературном, текстуальном изучении и комментировании литературно-публицистического наследия писателя, его книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

Ключевые слова: народные пословицы, поговорки, фольклорные традиции, художественные функции

Для цитирования: Джанумов С. А. Пословицы и поговорки в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 94–106. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-94-106>.

Original research article

PROVERBS AND SAYINGS IN N. V. GOGOL'S BOOK "SELECTED PASSAGES FROM CORRESPONDENCE WITH FRIENDS"

S. Dzhanumov

Moscow City University, Moscow, Russian Federation
e-mail: djanumovsa@mail.ru

Received by editorial office 07.12.2025

Accepted for publication 30.12.2025

Abstract

Aim. To examine the role and significance of folk proverbs and sayings in N. V. Gogol's "Selected Passages from Correspondence with Friends."

Methodology. The article demonstrates by way of numerous examples Gogol's high regard for apt folk expressions and the multifaceted richness of Russian colloquial speech. In "Selected Passages..." Gogol provides his definition of proverbs as an expert, a thoughtful folklorist, and a writer who has repeatedly paid tribute to this folklore genre in his own work. To demonstrate the authenticity of the proverbs and sayings used in Gogol's book, their versions from well-known collections of Russian proverbs by I. M. Snegirev, V. I. Dahl, M. I. Mikhelson, and several others are presented.

Results. Based on the material reviewed in this article, it can be concluded that Gogol's "Selected Passages from Correspondence with Friends" is connected to verbal folklore through its broad and functionally diverse use of Russian aphoristic folklore – primarily proverbs and sayings. Perhaps this will help current and future researchers to uncover the unique nature of Gogol's folkloric thinking and expand our understanding of the writer as an appreciator and connoisseur of Russian folk artistic creativity. It is safe to say that no other Gogol's work cites as many proverbs and sayings to support the writer's ideas as "Selected Passages..."

Research implications. Observations and results obtained during the study of the role and significance of folk proverbs and sayings in N. V. Gogol's articles can be used in the historical, literary, and textual study and commentary of the writer's literary and journalistic legacy, including his book "Selected Passages from Correspondence with Friends."

Keywords: folk proverbs, sayings, their artistic functions, folklore traditions

For citation:

Dzhanumov, S. A. (2026). Proverbs and Sayings in N. V. Gogol's Book "Selected Passages from Correspondence with Friends." In: *Russian Studies in Philology*, 3, 94–106. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-94-106>.

Введение

В дидактической поэме «О буквах, слогах и размерах» древнеримского грамматика Теренциана Мавра (жившего предположительно в конце II в. н. э.) есть фраза, ставшая крылатым выражением: "Pro capto lectoris habent sua fata libelli" («Смотря по тому, как их принимает читатель, имеют свою судьбу книги»). Эти слова можно применить к многострадальной книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из пере-

писки с друзьями» (1847), которая после её появления, за редким исключением, подверглась резкому осуждению не только со стороны западников, но и славянофилов, в том числе и друзей писателя.

О причинах неприятия современниками этой книги Гоголя написано немало монографий и статей. Но прошло время, и настала пора для более взвешенных, спокойных и объективных суждений об этом сочинении великого писателя. Основы такого вдумчивого, беспристрастного прочтения и пересмотра «Выбранных мест...

были заложены сначала представителями первой волны русской эмиграции В. В. Зеньковским, П. И. Новгородцевым, А. Л. Погодиным, Д. И. Чижевским, а затем и современными литературоведами: Ю. В. Манном, И. П. Золотусским, Е. И. Анненковой, В. А. Воропаевым, И. А. Виноградовым, А. Х. Гольденбергом, Е. Г. Падериной и другими ведущими исследователями творчества Гоголя.

В своей книге «Духовный путь Гоголя» (первое издание: Париж, YMCA-Press, 1934) русский критик и литературовед К. В. Мочульский (1892–1948) писал о «Выбранных местах...»: «В свободной форме писем на самые разнообразные темы Гоголь создаёт стройную и полную систему религиозно-нравственного мировоззрения. Её можно принимать или отвергать, но нельзя отрицать её значительности» [1, с. 37].

Русский философ, правовед, публицист И. А. Ильин (1883–1954) в своей лекции «Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни», прочитанной в Цюрихе в 1944 г., отмечал: «В этих письмах находим мы поистине кладёз выстраданной жизнью мудрости, с конкретно применимой этикой, со здоровыми органически, консервативно политически воззрениями, с великолепной, тонко выраженной литературной этикой касательно русского языка и изящной словесности» [2, с. 275].

Общеизвестно, какое большое место занимает тема христианства, духовно-религиозных исканий Гоголя в его книге. Но вопрос о роли и значении народных пословиц и поговорок в «Выбранных местах из переписки с друзьями» не был в поле зрения исследователей. Этой проблеме и посвящена настоящая статья.

Функции пословиц в статье «В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность»

Гоголь всегда проявлял пристальный интерес к устному народному поэтическому творчеству, русскому и украинскому. В первую очередь это касается народных пе-

сен, сказок, преданий, обрядового фольклора. Так же высоко, как песни и обряды, Гоголь ценил меткое народное слово, многогранное богатство русской разговорной речи. Вспомним одно из лирических отступлений – в конце пятой главы первого тома «Мёртвых душ»: «Выражается сильно российской народ! и если наградит кого словом, то пойдёт оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. ... Произнесённое метко, всё равно что писанное, не вырубляется топором (здесь Гоголь к месту вспоминает хорошо известную народную пословицу: «Что написано пером, то не вырубишь топором».¹ – С. Д.) ... , но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово».²

Развивая свои мысли об образном народном языке и, в частности, о народных пословицах и поговорках, Гоголь в статье «В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность» («Выбранные места из переписки с друзьями») обращается к творчеству И. А. Крылова, который не только широко использовал меткость и лаконизм народной речи, но и не менее щедро отдавал народу взятое у него. Не случайно многие обороты и выражения из басен Крылова стали народными пословицами и поговорками, вошли в сокровищницу русского языка. В указанной статье Гоголь высоко оценил народность и великолепное мастерство великого русского баснописца, прежде всего за тесную связь его творчества с афористическим фольклором: «Выбрал он себе форму басни, всеми пренебрежённую, как вещь старую, негодную для употребления и почти детскую игрушку – и в сей басне умел сделаться народным поэтом. Это наша креп-

¹ Снегирёв И. М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Индрик, 1999. С. 284.

² Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 7. Кн. 1. М.: Наука, 2012. С. 103. Все цитаты из поэмы «Мёртвые души» даются по этому изданию.

кая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым *крепок русской человек*, ум выводов, так называемый *задний ум* (курсив мой. – С. Д.).¹

Гоголь и ранее использовал эту поговорку в первом томе «Мёртвых душ», когда почтмейстер вдруг заподозрил, что Чичиков «...не кто другой, как капитан Копейкин!» Но после того, как почтмейстер усомнился в этом («ведь капитан Копейкин, ты сам сказал, без руки и ноги, а у Чичикова...»), почтмейстер «...вскрикнул и хлопнул со всего размаха рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всех телятиной. Он не мог понять, как подобное обстоятельство не пришло ему в самом начале рассказа, и сознался, что совершенно справедлива поговорка: русский человек задним умом крепок» (Т. 7. Кн. 1. С. 193) (ср. в сборнике пословиц В. И. Даля: «Русак задом (*задним умом*) крепок (курсив В. И. Даля. – С. Д.)»²).

И сразу же вслед за этой лапидарной и чёткой характеристикой басен Крылова, которые, по меткому выражению Гоголя, «составляют книгу мудрости самого народа», автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» даёт своё определение пословицы, даёт как знаток, как вдумчивый фольклорист, как писатель, который в своём творчестве и сам не раз отдал дань этому фольклорному жанру: «Пословица не есть какое-нибудь вперёд поданное мнение или предположение о деле, но уже подведённый итог делу, отсед, отстой уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное извлечение силы дела из всех сторон его, а не из одной. Это выражается и в поговорке: «Одна речь не пословица»» (Т. 8. С. 392).

В этом гоголевском определении прежде всего обращают на себя внимание точно

подмеченное писателем обобщение в пословицах житейского и социально-исторического коллективного опыта народа, выражение в этих фольклорных изречениях не только глубоких мыслей и народной мудрости (и в этом отношении пословицы и поговорки как нельзя более соответствуют точному значению английского слова “folklore” – «народная мудрость», «народное знание»), но и завершённости, законченности суждения. Поясняя своё определение, Гоголь к месту приводит и пословицу о пословицах: «Одна речь не пословица» (ср. то же в сборнике И. М. Снегирёва: «Одна речь не пословица»³).

Чтобы быть правильно понятым современниками и читателями «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь несколько раз возвращается к мысли о своеобразии ума русского человека, по настойчивому выражению писателя, «ума выводов», так называемого «заднего ума», отразившегося как в баснях И. А. Крылова, так и в народных пословицах и поговорках: «Вследствие этого заднего ума, или ума окончательных выводов, которым преимущественно наделён перед другими русской человек, наши пословицы значительнее пословиц всех других народов» (Т. 8. С. 392).

И, чтобы не быть причисленным к «квасным патриотам» (это меткое и остроумное выражение поэта и критика П. А. Вяземского, впервые употреблённое им в «Письмах из Парижа» (1827), также встречается в статье Гоголя, в самом её конце (Т. 8. С. 409), писатель тут же поясняет своё понимание русских пословиц и их отличие от пословиц других народов: «Сверх полноты мыслей, уже в самом образе выраженья в них отразилось много народных свойств наших, в них всё есть: издёвка, насмешка, попрёк, словом – всё шевелящее и задирающее за живое; как стоглазый Аргус, глядит из них каждая на человека. Все великие люди, от Пушкина до Суворова и Петра, благоговели перед нашими пословицами. Уваженье к ним

¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. Статьи. Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 392. Все цитаты из произведений (за исключением поэмы «Мёртвые души») и писем Гоголя даются по этому изданию.

² Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 433.

³ Снегирёв И. М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Индрик, 1999. С. 204.

выразилось многими поговорками». И далее, в подтверждение своей мысли, как и чуть выше, Гоголь опять-таки приводит, но уже не одну, а две пословицы о пословицах: «“Пословица недаром молвится” или “Пословица вовек не сломится”» (все они зафиксированы в указанных выше сборниках И. М. Снегирёва и В. И. Даля, но Гоголь, возможно, цитирует их по памяти, как это принято в народе, «к слову». – С. Д.). «Известно, что если сумеешь замкнуть речь ловко прибранной пословицей, то сим объяснишь её вдруг народу, как бы сама по себе ни была она свыше его понятия» (Т. 8. С. 392).

Показательно, что Гоголь начинает рассматриваемую нами статью «В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность» с упоминания трёх глубинных источников, «самородных ключей», «струй», изначально бьющих «...в груди народа тогда, как самое имя ещё не было ни на чьих устах» (Т. 8. С. 369). Первый источник – народные песни, «...в которых мало привязанности к жизни и её предметам, но много привязанности к какому-то безграничному разгулу, к стремлению как бы унести куда-то вместе с звуками». Третий источник самобытности русской поэзии, по мнению Гоголя, можно обнаружить в «слове церковных пастырей, слове простом, некрасноречивом, но замечательном по стремлению стать на высоту того святого бесстрастия, на которую определено взойти христианину...» Причём, как подчёркивает писатель, говоря об этом же источнике в конце статьи, «необыкновенный лиризм ..., который исходит от наших церковных песней и канонов и покуда так же безотчётно возносит дух поэта, как безотчётно подмывают его сердце родные звуки нашей песни» (Т. 8. С. 408), т. е. третий источник – слово церковных пастырей – тесно и органически связан с первым «самородным ключом» – с народными песнями.

Второй источник русской поэзии – «пословицы наши», «...в которых видна необыкновенная полнота народного ума, умевшего сделать всё своим орудием: иро-

нию, насмешку, наглядность, меткость живописного соображения, чтобы составить животрепещущее слово, которое пронимает насквозь природу русского человека, задирая за всё её живое» (Т. 8. С. 369) (ср. приведённые выше слова Гоголя о том, что в русских пословицах можно найти «всё шевелящее и задирающее за живое»).

Об иронии как об одной из отличительных черт русских пословиц и песен Гоголь скажет ещё раз в середине статьи, в связи с творчеством И. А. Крылова и – шире – «поэзии сатирической»: «У нас у всех много иронии. Она видна в наших пословицах и песнях и, что всего изумительней, часто там, где видимо страдает душа и не расположена вовсе к весёлости» (Т. 8. С. 395).

И, наконец, строго выдерживая заданную кольцевую композицию статьи, в заключение её Гоголь почти теми же словами, что и в начале, скажет ещё раз о пословицах: «Ещё ни в ком не отразилась вполне та многосторонняя поэтическая полнота ума нашего, которая заключена в наших многоочитых (здесь и далее орфография Гоголя. Ср. слово «многоочитых» применительно к пословицам с приведёнными выше словами писателя о пословице, которая, «...как стоглазый Аргус, глядит из них каждая на человека». – С. Д.) пословицах, умевших сделать такие великие выводы из бедного, ничтожного своего времени, где в таких тесных пределах и в такой мутной луже изворачивался русский человек, и которые говорят только о том, какие огромные выводы может сделать нынешний русский человек из нынешнего широкого времени, в которое нанесены итоги всех веков и, как не разобранный товар, сброшены в одну беспорядочную кучу» (Т. 8. С. 408).

Суммируя основные теоретические положения и тезисы статьи Гоголя, отметим настойчивое повторение в связи с пословицами и поговорками слов о «необыкновенной полноте народного ума», «ума выводов», «полноте мыслей», «многосторонней поэтической полноте ума нашего», об «иронии», «насмешке», «наглядности», «меткости живописного соображения» как отличительных свойствах и качествах

русского афористического фольклора, об «окончательных», «великих», «огромных выводах», которые можно сделать из пословиц, о необычайной широте и многогранности «многоочитых» пословиц, о сравнении их со «стоглазым Аргусом», наконец, и то, что пословицы глубже и шире других жанров фольклора выразили и отображали «природу русского человека». Все эти суждения писателя о пословицах, об особенностях «природы русского человека» перекликаются с мыслями Пушкина, высказанными в его рецензии «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825): «...отличительная черта в наших нравах есть какое-то весёлое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться...».¹

Остановимся пристальнее на втором источнике «самородного ключа» русской поэзии – народных пословицах и поговорок. Гоголь подходит к ним не только как исследователь, как фольклорист, но и часто ссылается на них в своей статье, рассматривая творчество того или иного писателя. Так, в связи с одной из ранних басен И. А. Крылова – «Музыканты» (1808) – Гоголь вспоминает её пословичную концовку: «По мне уж лучше пей, да дело разумеи!» (Т. 8. С. 394) (ср. у И. М. Снегирёва: «Пей, да дело разумеи!»)². Не довольствуясь этим, Гоголь поясняет мораль басни и смысл этого пословичного изречения: «Не потому он (Крылов. – С. Д.) это сказал, чтобы хотел похвалить пьянство, но потому, что заболела его душа при виде, как некоторые, набравши к себе, наместо мастеров дела, людей бог весть каких, ещё и хвастаются тем, говоря, что хоть мастерства они и не смыслят, но зато отличнейшего поведенья» (Т. 8. С. 394).

Приводя в пример другую пословицу, Гоголь предваряет её кратким рассуждением о понимании Крыловым ума и глупости, понимании совершенно народном (вспомним ещё раз гоголевское афори-

стическое определение басен Крылова – «книга мудрости самого народа»): «Он (Крылов. – С. Д.) знал, что с умным человеком всё можно сделать и не трудно обратить его к хорошему поведенью, если сумеешь умно говорить с ним, но дурака трудно сделать умным, как ни говори с ним». Прекрасно осознавая, что одна пословица может вполне заменить все эти нравоучительные рассуждения, Гоголь тут же её и приводит: «В воре – что в море, а в дураке, что в пресном молоке», говорит наша пословица» (Т. 8. С. 394) (ср. в сборнике Д. М. Княжевича: «В воре, что в море: а в дураке, что в пресном молоке»³).

В той же статье Гоголь большое внимание уделяет комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». И опять-таки, рассматривая последовательно грибоедовские типы, автор статьи иногда обрисовывает их через народные поговорки, заменяя ими психологическую характеристику того или иного персонажа. Так, говоря об откровенном стремлении Скалозуба к генеральству, Гоголь замечает: «Не меньше замечателен четвёртый тип: глупый фрунтовик Скалозуб, понявший службу единственно в уменьи различать форменные отлички, но, при всём том, удержавший какой-то свой особенный философски-либеральный взгляд на чины, признающий откровенно, что он их считает как необходимые каналы к тому, чтобы попасть в генералы, а там ему *хоть трава не расти...* (здесь и ниже курсив мой. – С. Д.)» (Т. 8. С. 399).

Подчёркивая грубость и бесцеремонность ещё одного персонажа комедии Грибоедова – важной московской барыни Хлёстовой, Гоголь опять-таки к месту и совершенно оправданно приводит поговорку: «Не меньше замечательный также тип и старуха Хлёстова, жалкая смесь пошлости двух веков, ... с требованиями почтения к себе от тех самых людей, которых сама презирает, готовая выбрать вслух и *встречного и поперечного...*» (Т. 8. С. 399).

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 34.

² Снегирёв И. М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Индрик, 1999. С. 211.

³ Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку / сост. Д. М. Княжевич. СПб.: В тип. Карла Крайя, 1822. С. 28.

Гоголь и ранее использовал эту поговорку в письме к матери от 17 марта 1834 г. из Санкт-Петербурга: «Но когда фабрика утвердится, усилится и укрепится, тогда другое дело; тогда можно объявлять о её успехах *и встречному и поперечному*»¹ (ср. у В. И. Даля: «Не любить встречного, не любить и поперечного (*т. е. того, кто перечит*)»² (курсив В. И. Даля. – С. Д.).

Гоголь не случайно через пословицы и поговорки, народные фразеологизмы характеризует литературные типы. Ведь именно в афористическом фольклоре частное, конкретное становится обобщающим, применимым ко многим типичным, однородным, часто встречающимся сторонам народной жизни. Как писал в своей книге «Н. В. Гоголь» (первое издание: Париж: YMCA-Press, 1961) русский религиозный философ, богослов, культуролог В. В. Зеньковский (1881–1962), «Гоголь же, как никто другой в русской литературе, имел дар улавливать типичное в людях» [3, с. 180]. А немного ниже, говоря о языке и стиле Гоголя, В. В. Зеньковский отмечает: «Он (Гоголь. – С. Д.) любил меткое слово, искал его, любил словесные эффекты, не боясь преувеличений, нагромождения однородных по смыслу слов, – лишь бы достигнуть известной силы и яркости выражения» [3, с. 184]. И затем, характеризуя художественное мастерство Гоголя, В. В. Зеньковский ещё раз повторит: «Да, великий мастер слова был Гоголь. Он любил стихию слова, можно сказать, упивался ею. В подборе слов он был неутомим, разыскивал, расспрашивал, всё записывал. Особое мастерство проявлял Гоголь в том, что зовётся “меткостью”...» [3, с. 185].

Гоголь не только отмечал в других писателях эту черту – умение кратко и ёмко охарактеризовать своих персонажей одним запоминающимся словом, выражением, пословицей или поговоркой, но и сам часто пользовался этим литературным

приёмом. Вспомним хотя бы «Мёртвые души»: Манилов («Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы» (Т. 7. Кн. 1. С. 24) (ср. у В. И. Даля: «Ни в городе порука, ни в дороге товарищ, ни в деревне сосед», «Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан»³)), Коробочка («”Эк её, дубинноголовая какая!” – сказал про себя Чичиков...» (Т. 7. Кн. 1. С. 51); «Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворянжка, что лежит на сене: и сама не ест сена и другим не даёт» (Т. 7. Кн. 1. С. 52–53) (ср. у В. И. Даля: «Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не даёт»⁴)), Ноздрев («Свеж он был, как кровь с молоком; здоровье, казалось, так и прыскало с лица его» (Т. 7. Кн. 1. С. 61) (ср. у В. И. Даля: «Кровь с молоком. Чуть не лопнет»⁵)).

В своём учебном пособии «Творчество Гоголя в мифологическом и литературном контексте» (Волгоград, 2019) А. Х. Гольденберг справедливо замечает, что «эту статью («В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность». – С. Д.) можно рассматривать как своего рода эстетический манифест писателя, в котором нашёл отражение и собственный художественный опыт автора «Мёртвых душ», сумевшего органично соединить в своей поэтике традиции фольклора и древнерусской литературы...» [4, с. 51]

Роль пословиц и поговорок в других статьях «Выбранных мест...»

В «Выбранных местах из переписки с друзьями», в статье «О лиризме наших поэтов (Письмо к В. А. Ж.....му) (Жуковскому. – С. Д.)», Гоголь, говоря о значении монархии в России и противопоставляя российский государственный строй государственному строю Соединённых Штатов Америки, чтобы усилить свою аргументацию, воспомина-

¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 10. Письма. Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 304.

² Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 262.

³ Там же. С. 256–257.

⁴ Там же. С. 678.

⁵ Там же. С. 397.

ет поговорку: «А что такое Соединённые Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и *выведенного яйца не стоит* (курсив мой. – С. Д.)» (Т. 8. С. 253). Гоголь и ранее использовал эту полюбившуюся ему поговорку в первом томе «Мёртвых душ», когда Чичиков, убеждая «дубинноголовую» Коробочку продать ему умерших крестьян, в сердцах восклицает: «– Есть из чего сердиться! Дело яйца выеденного не стоит, а я стану из-за него сердиться!» (Т. 7. Кн. 1. С. 53).

В той же статье «О лиризме наших поэтов...», рассуждая о том, что «поэты наши прозревали значение высшее монархии» (Т. 8. С. 255), Гоголь, тем не менее, вспоминая об Иване Грозном и говоря о том, какой ужас вселял этот царь в своих подданных, приводит народную поговорку: «...не только им (Иваном IV. – С. Д.) притесняемые и казнимые бояре, но даже и самый народ, который почти ничего не потерпел от него, долго повторял поговорку: “Добра была голова, да слава Богу, что земля прибрала”» (Т. 8. С. 258) (ср. то же у И. М. Снегирёва: «Добра была голова, да слава Богу, что земля прибрала»¹).

В главе «Споры» «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь, сравнивая идейные позиции западников и славянофилов и констатируя, что «...с обеих сторон наговаривается весьма много дичи», тем не менее, признаёт, что «кичливости больше на стороне славянистов». И в подтверждение приводит довольно редкую поговорку: «...они (славянофилы. – С. Д.) хвастуны: из них каждый воображает о себе, что он открыл Америку, и *найденное* им *зёрнышко раздувает в репу* (курсив мой. – С. Д.)» (Т. 8. С. 262) (точного соответствия в сборнике В. И. Даля нет, но есть близкая по смыслу поговорка: «Сидит на овчинах (на рогоже), а кричит, что с соболей» и поговорка: «Из мухи (Из комара) делает слона»²).

В той же главе, обосновывая свою независимую и беспристрастную позицию в споре славянофилов и западников (хотя в душе и по своему мировоззрению он, безусловно, тяготел к первым), Гоголь ссылается на пословицу: «К спорам прислушивайся, но в них не вмешивайся» (Т. 8. С. 263) (ср. у В. И. Даля: «Свой со своим бранится, сам помирится, а чужой пристаёт – век постылым станет»; «Свои собаки грызутся, чужая не суйся!»³).

В статье «Карамзин» (Из письма к Н. М. Я...ву) (Языкову. – С. Д.) из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь приводит в пример современным писателям Карамзина как человека, который никогда не скрывал «никаких своих мнений и мыслей». И здесь же, сославшись на известную пословицу, Гоголь восклицает: «Какой урок нашему брату писателю! И как смешны после этого из нас те, которые утверждают, что в России нельзя сказать полной *правды* и что она у нас *колет глаза!* (курсив мой. – С. Д.)» (Т. 8. С. 267) (ср. у В. И. Даля: «Правда глаза колет. Правда уши дерёт»⁴). Показательно, что это мнение Гоголя о знаменитом писателе и историке вполне согласуется со словами А. С. Пушкина: «*История Государства Российского* (курсив Пушкина. – С. Д.) есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека».⁵

В статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности (Письмо к гр. А. П. Т...му) (Толстому. – С. Д.)» после широко известных слов о высоком предназначении театра («Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра») Гоголь утверждает, что нужно отделить «...собственно называемый высший театр от всяких балетных скаканий, водевилей, мелодрам...» И опять-таки в подтверждение своего суждения ссылается на пословицу: «Странно и соединить Шекспира с плясунями или с плясунами в лайковых штанах. Что за

¹ Снегирёв И. М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Индрик, 1999. С. 93.

² Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 731; С. 734.

³ Там же. С. 267.

⁴ Там же. С. 198.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 47.

сближение? *Ноги – ногами, а голова – головой* (курсив мой. – С. Д.)» (Т. 8. С. 268) (ср. у В. И. Даля: «То само по себе, а это само по себе»; «Лес лесом, а бес бесом»¹).

В той же статье Гоголь выступает за то, чтобы театрами управлял или соответствующий комитет или толковый начальник, но без посредника в лице простого писаря-секретаря, который «мало-помалу» становится «даже вершителем в деле искусства». Обосновывая это своё глубокое и выстраданное убеждение, Гоголь приводит меткую и выразительную пословицу: «Часто удивляются, как такой-то человек, будучи всегда умным человеком, мог выпустить преглупую бумагу, а в ней он и душой не виноват: бумага вышла из такого угла, откуда и подозревать никто не мог, по пословице: *“Писал писачка, а имя ему собачка”*» (курсив мой. – С. Д.)» (Т. 8. С. 272) (ср. то же у И. М. Снегирёва: «Писал писачка, а имя ему собачка»²).

Развивая далее эту свою мысль, Гоголь говорит о том, что нельзя извращать замысел автора пьесы и ратует за то, чтобы в театре, как и во всяком деле, «главная ответственность... падала на человека, уже известного всем до единого в обществе». И автор заключает эту часть своей статьи довольно редкой пословицей: «Много есть таких предметов, которые страдают из-за того, что извратили смысл их; а так как вообще на свете есть много охотников действовать сгоряча, по пословице: *“рассердясь на вши, да шубу в печь”*» (курсив мой. – С. Д.), то через это уничтожается много того, что послужило бы всем на пользу» (Т. 8. С. 274).

Гоголь и ранее (в письме к Н. М. Языкову от 26 декабря 1844 г. из Франкфурта) вспоминал эту полюбившуюся ему пословицу. Предостерегая людей от гордости, кичливости и призывая их к смирению, Гоголь писал: «Здесь особенный упрёк упадёт на тех гордецов, которые... осердясь на вши,

да шубу в печь».³ В письме к С.П. Шевырёву от 18 декабря 1847 года из Неаполя Гоголь, рассуждая о курсе лекций – втором томе «Истории русской словесности, преимущественно древней» Шевырёва и о критиках этой книги, ещё раз сошлётся на эту пословицу: «А человек так всегда готов, выражаясь не совсем опрятной поспловицей: *“рассердясь на вши, да всю шубу в печь!”*»⁴ (ср. у И. М. Снегирёва: «Осердясь на блох, да и шубу в печь»⁵).

Главу «Советы» «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь посвящает тому, как следует наставлять иных на путь истинный. И, как и в других главах книги, а также во многих художественных произведениях, он советует начинать с себя: «...всякой совет и наставление, какое бы ни случилось кому дать, ... обрати в то же время к самому себе, и то же самое, что посоветовал другому, посоветуй себе самому...» (Т. 8. С. 282). Поэтому не случайно начинает он эту главу пословицей, в которой все его нижеследующие пространственные суждения, все его мысли по поводу поучения и наставления других людей выражены в чёткой, простой и лапидарной форме: «Уча других, также учишься» (Т. 8. С. 281) (ср. у В. И. Даля: «Учи других – и сам поймёшь»⁶).

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» часто встречаются не только русские народные пословицы, но и поговорки. Например, в главе «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мёртвых душ”», говоря об ответственности писателя за свои сочинения, Гоголь самокритично замечает: «Ни в коем случае не следовало выдавать сочинения, которое, хотя выкроено было не дурно, но *сшито кое-как белыми нитками* (здесь и ниже курсив мой. – С. Д.), подобно платью, приносимо-

¹ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 731; С. 859.

² Снегирёв И. М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Индрик, 1999. С. 212.

³ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 12. Письма. Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 422.

⁴ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 13. Письма. Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 412.

⁵ Снегирёв И. М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Индрик, 1999. С. 206.

⁶ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 422.

му портным только для примерки» (Т. 8. С. 288) (ср. у М. И. Михельсона: «Шито белыми нитками»¹).

В главе «Нужно проездиться по России (Из письма к графу А. П. Т.му) (Толстому. – С. Д.)», где Гоголь выражает неудовлетворение «великим незнанием» своего адресата и многих других людей «России посреди России», укоряет их (да и самого себя) в этом, а для усиления аргументации использует широко известную поговорку: «Куриная слепота на глазах ваших!» (Т. 8. С. 308) (ср. у М. И. Михельсона: «Как бельмо на глазу»²).

По существу, эта же мысль выражена другой поговоркой в главе «Что такое губернаторша (Письмо к А. О. С.ой) (Смирновой. – С. Д.)», где Гоголь, в частности, пишет своей корреспондентке: «Вы понадеялись на то, что я *знаю* Россию, как *пять моих пальцев*; а я в ней ровно не знаю ничего» (Т. 8. С. 311) (ср. у М. И. Михельсона: «Знать, как свои пять пальцев»³).

В той же главе Гоголь, рассуждая о такой застарелой (и до сих пор не излечимой) болезни в России, как взяточничество среди чиновников, вспоминает ещё одну известную поговорку (которую он использовал в том же контексте в третьей главе второго тома «Мёртвых душ»): «Капитан-исправник и заседатели часто уже потому должны *кривить душой* и брать, что с них берут, и что им нужны деньги для того, чтобы заплатить за своё место» (Т. 8. С. 313) (ср. во втором томе «Мёртвых душ»: «В большом зале генерал-губернаторского дома собралось всё чиновное сословие города, начиная от губернатора до титулярного советника. Правители канцелярий и дел. Советники, асессоры Кислородов, Красноносов, Самосвистов, небравшие, бравшие, кривившие душой, полукривившие и вовсе не кривившие...» (Т. 8. С. 123)).

¹ Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое. Опыт русской фразеологии: в 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1994. С. 536.

² Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое. Опыт русской фразеологии: в 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1994. С. 396.

³ Там же. С. 347.

В письме к А. О. Смирновой-Россет Гоголь советует ей и её мужу Н. М. Смирнову – губернатору Калуги – не просто предавать проворовавшегося чиновника суду, но непременно отстранять (или, как пишет Гоголь, «отрешать») от дел, иначе «...он (чиновник. – С. Д.) ещё долго станет юлить и найдёт средства так всё запутать, что никогда не доберётся до истины»: «Но как только он будет предан суду *с отрешением от дел* (курсив Гоголя. – С. Д.), он повесит вдруг нос, сделается никому не страшен, на него пойдут со всех сторон улики, всё *выйдет на чистую воду* (курсив мой. – С. Д.) и вдруг узнается всё дело» (Т. 8. С. 315) (ср. у М. И. Михельсона: «Вывести на чистую (свежую) воду»⁴).

Иногда Гоголь трансформирует в пословицы и поговорки поэтические формулы календарно-обрядовых песен. Так, в главе «Русской помещик (письмо к Б. Н. Б.му)» (адресат письма не известен) автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» известную подблюдную песню «У Спаса в Чигасах / За Язую, / Слава! / Живут мужики / Все богатые, / Гребут золото, / Все лопатами, / Чисто серебро / Лукошками...»⁵, означающую богатство (спетой пожилому человеку песня предвещала смерть, а незамужним – вступление в брак) употребляет как пословицу в её первом, буквальном значении (не случайно Гоголь намеренно разрушает строфику и ритмику песни): «И в которую деревню заглянула только христианская жизнь, *там мужики лопатами гребут серебро* (курсив мой. – С. Д.)» (Т. 8. С. 324) (ср. у В. И. Даля: «Мужик богатый, гребёт деньги лопатой»⁶).

В той же главе Гоголь в качестве пословицы использует фольклорное сравнение (фактически даже два сравнения): «После стольких работ никакая книжонка не полезет в голову, и, пришедши домой, он (му-

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Поэзия крестьянских праздников / сост. И. И. Земцовский. Л.: Советский писатель, 1970. С. 223.

⁶ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 80.

жик. – С. Д.) заснёт, как убитый, богатырским сном» (Т. 8. С. 325) (ср. у В. И. Даля: «Спит, как мёртвый (мертвецким сном)»¹).

В главе «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России» Гоголь призывает мужа и жену для укрепления воли и лада в семье «во все часы дня» молиться, и при этом вспоминает довольно редкую пословицу: «Поступите только умно. “Молись и к берегу гребись”, говорит пословица» (Т. 8. С. 338) (ср. у М. И. Михельсона: «Молись, а к берегу гребись». Здесь же Михельсон разъясняет и смысл этой пословицы: «Недостаточно только молиться, а самому сидеть, сложа руки: без труда нет спасения: не будешь грести к берегу, утонешь»²).

В главе «Сельской суд и расправа (Из письма к М.)» (адресат письма не известен) Гоголь, касаясь отношений между помещиками и крестьянами, призывает первых судить «всякого человека двойным судом» и ссылается на поговорку: «Один суд должен быть человеческий. На нём оправдайте правого и осудите виноватого... Другой же суд сделайте божеский. И на нём осудите и правого и виноватого (курсив мой. – С. Д.)» (Т. 8. С. 342) (ср. у В. И. Даля: «Перед судом все равны: все без окупа виноваты»³). Примерно в том же смысле использовал до Гоголя эту поговорку и А. С. Пушкин в «Капитанской дочке», где жена капитана Миронова – Василиса Егоровна – приказывает Ивану Игнатьичу: «Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи»⁴.

О том, что Гоголю эта поговорка пришла на ум в связи со скорым «судом» и безапелляционным «приговором» Василисы Егоровны, свидетельствует окончание

главы «Сельской суд и расправа», где мы читаем: «Мы только спорим из-за того, кто прав, кто виноват; а если разобрать каждое из дел наших, придёшь к тому же знаменателю, то есть – оба виноваты. И видишь, что весьма здраво поступила комендантша в повести Пушкина “Капитанская дочь” (так у Гоголя. – С. Д.), которая, пославши поручика рассудить городского солдата с бабой, подравшихся в бане за деревянную шайку, снабдила его такой инструкцией: “Разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи”» (Т. 8. С. 342–343). Почти теми же словами Гоголь пишет об этом и в письме к своему другу – критику и мемуаристу П. В. Анненкову от 10 февраля 1844 года из Ниццы: «Помните также, что человек никогда не бывает ни совершенно прав, ни совершенно виноват. По моему мнению, капитанская жена в повести у Пушкина совершенно права, когда послала поручика рассудить драку за шайку в бане с таковой инструкцией: “Разбери хорошенько, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи”»⁵.

Иногда Гоголь в связи с идейным замыслом той или иной статьи «Выбранных мест из переписки с друзьями» на свой лад переиначивает известную поговорку, наполняет её новым смыслом, новым содержанием. Так, в главе «Страхи и ужасы России (письмо к графинеой) (графине Л. К. Виельгорской. – С. Д.)» рисует перед адресатом своего письма картину грядущих «страхов и ужасов», от которой впору «убежать из России». И, как утопающий хватается за соломинку, так и, по Гоголю, один из путей спасения «не бежать на корабле из земли своей», а «...теперь же вступить на службу и ухватиться за свою должность, как *утопающий хватается за доску*, без чего не спастись никому» (Т. 8. С. 344) (ср. у М. И. Михельсона: «Кто тонет (утопающий) – за соломинку хватается»⁶).

Гоголь и ранее приводил другой вариант этой поговорки в письме к матери от

¹ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 518.

² Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: в 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1994. С. 565.

³ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 173.

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 296.

⁵ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 12. Письма. Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 255.

⁶ Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: в 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1994. С. 484.

2 февраля 1830 г. из Санкт-Петербурга, где он признаётся ей в том, как ему страшно и одиноко в «пустой и мёртвой, как могила» душевной летней столице: «...я был утопающий, хватившийся за первую попавшуюся ему ветку»¹, а также в перефразированном виде в первом томе «Мёртвых душ»: «Утопающий, говорят, хватается и за маленькую щепку... Так и господа наши ухватились наконец и за Ноздрева» (Т. 7. Кн. 1. С. 195). Да и позднее, в конце письма к С. М. Соллогуб (жене писателя В. А. Соллогуба) от 24 мая 1849 г. из Москвы, передавая привет А. В. Веневитинову (брату поэта Д. В. Веневитинова) и его жене, Гоголь ещё раз вспомнил эту поговорку: «Обнимите Веневитиновых. Я их смутил неуместным письмом (о чём шла речь в письме, неизвестно, так как письмо до нас не дошло. – С. Д.). Что ж делать, *утопающий хватается за всё*».²

В главе «Занимающему важное место» Гоголь говорит об ответственности и круге обязанностей генерал-губернатора, о том, что первейшей задачей любого человека, занимающего это важную должность, являются не хлопоты о строительстве «дорог, мостов и всяких сообщений», а забота о нравственном здоровье «русского человека», т. е. умение отделить главное от второстепенного. В связи с этим наставлением Гоголю приходит на память одна из любимых пословиц А. С. Пушкина: «Пушкин, когда видел заботу не о главном, но о том, что уже исходит из главного, обыкновенно выражался пословицей: “Было бы корыто, а свиньи будут”. Мосты дороги и все сообщения суть свиньи, а не что-либо другое. Были бы города, а они сами собой прибегут» (Т. 8. С. 352) (ср. у М. И. Михельсона: «Было бы корыто (в корыте), а свиньи найдутся» и варианты этой пословицы: «Было бы болото, черти будут», «Было бы пиво, а гости будут», «Был бы хлеб, а зубы сыщутся», «Были бы крошки, а мышки будут»³).

Действительно, упоминаемая Гоголем в «Выбранных местах...» пословица дважды встречается у Пушкина: сначала в романе «Дубровский» (1833), где она вложена в уста старого кучера Антона: «Господа съезжаются к нему (к Троекурову. – С. Д.) на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будут»⁴, а затем в письме поэта к жене Наталье Николаевне от 30 октября 1833 г. из Болдина: «*Было бы корыто, а свиньи будут*» (курсив Пушкина. – С. Д.). К чему тебе принимать мужчин, которые за тобою ухаживают? не знаешь, на кого нападёшь».⁵

В главе «Светлое Воскресенье», написанной не в форме письма, а в виде специальной и, возможно, самой главной для писателя статьи, Гоголь, в частности, развивает свою любимую мысль о том, что все люди – братья (вспомним знаменитые «проникающие слова» из «Шинели»: «я брат твой») и что особенно это надо помнить всякому человеку в день великого праздника Светлого Воскресенья: «Увы! позабыл бедный человек девятнадцатого века, что в этот день нет ни подлых, ни презренных людей, но все люди – братья той же семьи, и всякому человеку имя брат, а не какое-либо другое» (Т. 8. С. 412). И, как всегда, для наилучшего пояснения и истолкования этой важной для него мысли Гоголь ссылается на пословицу: «Позабыто, что он сам (человек. – С. Д.) может на всяком шагу, даже не приметив того сам, сделать то же подлое дело, хотя в другом только виде, – в виде, не поражённом публичным позором, но которое, однако же, выражаясь пословицей, есть тот же блин, только на другом блюде» (Т. 8. С. 413) (ср. у М. И. Михельсона: «Тот же блин, да подмазан», «Тот же блин, да на другом блюде»⁶).

чужое. Опыт русской фразеологии: в 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1994. С. 83.

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 174.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 15. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 89.

⁶ Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое. Опыт русской фразеологии: в 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1994. С. 379.

¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 10. Письма. Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 167.

² Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 14. Письма. Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 127.

³ Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Своё и

Таким образом, до самой своей кончины великий русский писатель жил и творил, до глубины души проникнутый немеркнущим светом христианской религии, сознанием своей высокой миссии художника слова, постоянно припадая к неиссякаемому роднику народной поэзии.

Заключение

На основании рассмотренного в настоящей статье материала можно сделать вывод, что связь книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» с устным народным творчеством проявилась в широком и функционально разнообразном использовании русского афористического фольклора: в первую очередь, пословиц и поговорок. Возможно, это позволит нынешним и будущим исследователям полнее

раскрыть своеобразие склада фольклорного мышления Гоголя, расширить наши представления о писателе как ценителе и знатоке русского народного поэтического творчества. Можно с уверенностью сказать, что ни в одном другом произведении Гоголя не приводится столько пословиц и поговорок для подтверждения той или иной мысли писателя, как в «Выбранных местах...»

Наблюдения и результаты, полученные в процессе исследования роли и значения народных пословиц и поговорок в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», могут быть привлечены при историко-литературном, текстуальном изучении и комментировании литературно-публицистического наследия писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьёв. Достоевский / сост., послесл. В. М. Толмачёва. М.: Республика, 1995. 607 с.
2. Ильин И. А. Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Кн. III / сост., комм. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1997. С. 240–276.
3. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа / сост. П. В. Алексеева. М.: Республика, 1997. 368 с.
4. Гольденберг А. Х. Творчество Гоголя в мифологическом и литературном контексте: учебное пособие. Волгоград: Перемена, 2019. 108 с.

REFERENCES

1. Mochulsky, K. V. (1995). *Gogol. Solovyov. Dostoevsky*. Moscow: Respublika publ.
2. Ilyin, I. A. (1997). Gogol – the Great Russian Satirist, Romantic, Philosopher of Life. In: Ilyin, I. A. *Collected Works. Vol. 6. Bk. III*. Moscow: Russkaya kniga publ., pp. 240–276 (in Russ.).
3. Zenkovsky, V. V. (1997). *Russian Thinkers and Europe*. Moscow: Respublika publ. (in Russ.).
4. Goldenberg, A. Kh. (2019). *Gogol's Works in the Mythological and Literary Context*. Volgograd: Peremena publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джанумов Сейран Акопович (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; ORCID: 0000-0003-0847-5484; e-mail: DjanumovSA@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Seyran A. Dzhanumov (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Philology, Institute of the Humanities, Moscow City University; ORCID: 0000-0003-0847-5484; e-mail: DjanumovSA@mail.ru

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-107-112

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРОФЫ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА О НАПОЛЕОНЕ

Кива М.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва,

Российская Федерация

e-mail: kiva-1999@mail.ru

Поступила в редакцию 20.10.2025

После доработки 10.12.2025

Принята к публикации 19.12.2025

Аннотация

Цель. Ввести в научный оборот неопубликованные строфы из поэмы В. К. Кюхельбекера «Семь спящих отроков», дополнить представления о личности Наполеона Бонапарта в русской литературной традиции.

Процедура и методы. В исследовании мы опирались на принципы текстологического и культурно-исторического методов.

Результаты. Результатом исследования являются публикация и введение в научный оборот двух строф из ранней редакции поэмы В. К. Кюхельбекера «Семь спящих отроков». В анализируемых строфах речь идёт о Наполеоне. Появление французского императора в конце второй части поэмы позволяет сделать вывод о том, зачем автору потребовалось изменить время действия в поэме. В основе сюжета произведения лежит предание о семи спящих отроках эфесских, которое традиционно относится ко времени правления императора Деция. Кюхельбекер поместил главных героев в другую историческую эпоху и заменил Деция Диоклетианом. Личность Диоклетиана представляла особый интерес для автора, что обусловлено её близостью образу Наполеона, распространённому в русской поэзии этого периода. Сближение автором двух императоров неслучайно. В их образах обнаруживается ряд сходств. Кроме биографических совпадений героев объединяет авторское отношение. В поэме они становятся символами временной земной власти, противопоставленной вечности, носителями которой выступают отроки.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты позволяют дополнить представление о наполеоновской теме в русской литературе. Материалы могут быть использованы в курсах истории русской литературы.

Ключевые слова: рукопись, русская литературная традиция, русская поэзия, поэма, образ Наполеона

Для цитирования:

Кива М. Неизвестные строфы В. К. Кюхельбекера о Наполеоне // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 107–112. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-107-112>.

Original research article

V. K. KUCHELBECKER'S UNKNOWN STANZAS ABOUT NAPOLEON

M. Kiva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

e-mail: kiva-1999@mail.ru

Received by editorial office 20.10.2025

Revised by the author 10.12.2025

Accepted for publication 19.12.2025

Abstract

Aim. To analyse the image of Napoleon in the early unpublished edition of V. K. Kuchelbecker's poem "The Seven Sleeping Youths."

Methodology. The subject of the study is an early version of the poem, the autograph of which is kept in the Department of Manuscripts of the Russian State Library. The research uses textual and comparative methods.

Results. The result of the article is the publication of two stanzas from an early edition of V. K. Kuchelbecker's poem "Seven Sleepers," which had not been published before. These two stanzas are about Napoleon. The appearance of the French emperor at the end of the second part of the poem helps us to assume about why the author needed to change the time of action in the poem. The plot of the poem is based on the legend of the seven sleeping youths of Ephesus, which traditionally dates to the reign of Emperor Decius. Kuchelbecker changed the time period and replaced Emperor Decius with Diocletian. The figure of Diocletian was of particular interest to the author, as he was close to the image of Napoleon in Russian poetry of that time. Several similarities can be found between the two emperors' images, they become symbols of temporal earthly power opposed to eternity, the bearers of which are youths.

Research implications. The materials can be used in courses on the history of Russian literature.

Keywords: manuscript, Russian literary tradition, Russian poetry, poem, image of Napoleon

For citation:

Kiva, M. (2026). V. K. Kuchelbecker's Unknown Stanzas about Napoleon. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 107–112. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-107-112>.

Введение

Творческое наследие В. К. Кюхельбекера долгое время оставалось неопубликованным. В связи с тем, что основная часть произведений была издана поздно, спустя много лет после смерти поэта, изучение его творчества также началось сравнительно недавно. К числу наименее исследованных текстов поэта относится поэма «Семь спящих отроков», которая была написана в первой половине 1830-х гг. в Свеаборгской крепости и позднее неоднократно редактировалась. Первая публикация поэмы состоялась лишь в 1939 г. в издании под редакцией Ю. Н. Тынянова¹, она же остаётся единственной на сегодняшний день. Поэма редко попадала в поле зрения исследователей. О тексте писали лишь попутно, упоминали его при

анализе творчества Кюхельбекера, однако она практически никогда не становилась предметом специального исследования. В качестве исключений можно назвать работу, посвящённую источникам текста поэмы [1], статью о житийных мотивах [2], а также работу, в которой рассматривались текстологические проблемы и творческая история текста [3]. Цель статьи связана с дополнением представления о личности Наполеона Бонапарта в русской литературной традиции. Объектом исследования является неопубликованная ранняя редакция поэмы В. К. Кюхельбекера, автограф которой хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, а именно две строфы, посвящённые Наполеону. Исследование опирается на принципы текстологического и культурно-исторического методов.

¹ Кюхельбекер В. К. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / вступ. ст., ред., прим. Ю. Н. Тынянова. Л.: Советский писатель, 1939. С. 416–446.

Легенда о семи спящих отроках и поэма В. К. Кюхельбекера: основные отличия

Легенда о семи спящих отроках эфесских, положенная в основу сюжета поэмы, была изложена в «Четых-Минях» свт. Димитрия Ростовского (Память святых семи отроков, иже во Ефесе, 4 августа). В поэме, как и в легенде, речь идёт о семи юношах-христианах, которых преследовал император за отказ принести жертву идолам. Юноши, скрывшись в пещере, уснули на несколько веков и чудесным образом проснулись в эпоху торжества христианства.

Кюхельбекер несколько видоизменил контур поэмы, поместив героев в другую историческую эпоху. Изменения коснулись временных и пространственных рамок произведения. В первой части поэмы, где речь идёт о гонениях на христиан, вместо императора Деция, во времена которого происходит действие в легенде, Кюхельбекер ввёл императора Диоклетиана. Кроме того, изменилось место действия: отроки живут в Никее, а не в Эфесе, с которым традиционно связывается легенда об отроках. Во второй части поэмы, действие которой происходит после чудесного пробуждения, отроки также оказываются в иной исторической эпохе: отроки просыпаются не во времена Феодосия Младшего, а гораздо позднее, в эпоху первых крестовых походов во время правления Алексея I Комнина.

Вопрос о том, что заставило Кюхельбекера изменить время действия, интересовал исследователей. Изменения во второй части поэмы связаны с авторским замыслом: Кюхельбекер намеренно переносит отроков в эпоху после раскола христианской церкви на западную и восточную. Отроки свидетельствуют о едином христианстве разделённому христианскому миру.¹

Говоря об изменении времени действия в первой части поэмы, М. П. Алексеев

предположил, что здесь могла быть вольность или случайная ошибка. Кюхельбекер, находясь в крепости, не имел возможности обратиться к историческим источникам и мог ошибиться в имени императора из-за схожести звучания двух имён: Деция, с именем которого традиционно связывается сюжет о семи спящих отроках, и Диоклетиана, который оказывается героем поэмы Кюхельбекера [1, с. 356].

Предположение о допущенной случайной ошибке Кюхельбекера в отношении двух императоров не кажется нам правдоподобным. Кюхельбекер, как правило, стремился к соответствию своих текстов историческим фактам. Присылая отрывки из поэмы Н. Г. Глинке, он подробно описывал исторический фон поэмы и просил проверить правильность сведений о Диоклетиане и описываемой эпохе.² При таком внимательном отношении к историческим фактам маловероятно, что Кюхельбекер мог случайно допустить ошибку. В таком случае возникает вопрос: зачем нужно было обратиться к образу другого императора и почему император-гонитель христиан занимает большое место в поэме о христианских мучениках?

Наполеон и Диоклетиан в поэме: точки соприкосновения

Чтобы понять, для чего Кюхельбекер изменил время действия, особый интерес представляют строфы о Наполеоне, неожиданно появляющиеся в конце поэмы. Строфы не вошли в окончательную редакцию поэмы и не публиковались, их источником служит черновой автограф, хранящийся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

О черновом автографе, на который впервые обратила внимание Е. П. Мстиславская [4, с. 253], мы писали ранее [3]. В ранней редакции второй части поэмы после по-

¹ Коровин В. Л. Кюхельбекер Вильгельм Карлович // Православная энциклопедия. Т. 39. М.: Православная энциклопедия, 2015. С. 542.

² Кюхельбекер В. К. Из неизданной переписки. Письма В. К. Кюхельбекера из крепостей и ссылки (1829–1846) // Литературное наследство. Т. 59: Декабристы-литераторы. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 441.

следней опубликованной строфы следовало ещё 11 строф. Эти строфы были вычеркнуты автором в 1834 г.: «Есть у меня некоторые сочинения, от которых, так сказать, не могу отстать, которые то и дело выправляю: когда-то я каждый год или через год переделывал “Святополка”; теперь его сменили “Семь спящих отроков”. Я их пересмотрел сегодня и кое-что сократил и выбросил, напр. весь эпилог второй части».¹

Вычеркнутый эпилог был посвящён императору Диоклетиану, который, удалившись от государственных дел, проводил остаток жизни в уединении. В Империи начались междоусобицы, и Сенат, столкнувшись с необходимостью восстановить порядок в стране, обратился к нему с просьбой вернуться и снова занять престол, однако император отказался.

После описания этих событий в поэме следует две строфы, в которых появляется образ Наполеона, чьё имя прямо не названо в тексте:

96

Восстал и в наши лета муж подобный:
Весь мир его мечтам казался мал;
Вскормил гиганта свар междоусобный;
Шагал и царства пред собой сметал –
И ужас в памятник избрал надгробный
И превращенье трепетной земли...

Куда ж его планеты привели? –

97

Погасла медленно его лампада
На одиноком камне в поле волн.
Он там стоял (сколь горькая отрада!)
Немой, неизреченных мыслей полн<,>
Стоял и летом дерзостного взгляда,
Сложив на персях руки, с чёрных скал
Бессмертную стихию обнимал!²

К образу Наполеона Кюхельбекер уже обращался ранее. В лице его были написаны его стихотворения «Бессмертие есть цель жизни человеческой» (1814)³,

«Бессмертный дух» (1815)⁴, в которых отражено общее настроение лицейцев: Наполеон представлен как «злодей», «изверг» и «тиран».

Позднее, в конце 1810-х – начале 1820-х гг., тон описания Наполеона в русской романтической традиции изменился. Французский император стал восприниматься не только как изверг и тиран, но и как «поверженный гений» [5, с. 176], потерявший власть и славу и вынужденный окончить жизнь в одиночестве. В творчестве Кюхельбекера также произошло переосмысление образа Наполеона (стихотворения «День святого Александра Невского» (1832)⁵ и «...Ты сидишь, но только трубы...» (1846)⁶). К прежней однозначно отрицательной оценке императора добавляется восхищение его качествами: «Отважный, грозный вождь, Европы повелитель, / Её властителей властитель».⁷

В позднем творчестве Кюхельбекера с образом Наполеона связан и замысел поэмы «Агасвер». В третьем отрывке поэмы Кюхельбекер хотел изобразить Агасвера на поле Бородинского или Лейпцигского сражения, о чём он оставляет заметку в своём дневнике 16 мая 1834 г.: «... В воображении моём означились уже четыре главные момента различных появлений Агасвера: первым будет разрушение Иерусалима, вторым падение Рима, третьим поле битвы после Бородинского или Лейпцигского побоища, четвёртым смерть его последнего потомка, которого мне вместе хотелось бы представить и вообще последним человеком».⁸ Таким образом, личность Наполеона привлекала внимание Кюхельбекера, к его образу он неоднократно

Т. 1. М.; Л.: Советский писатель, 1967. С. 65–68.

⁴ Амфион: Ежемесячное издание. М.: В Университетской типографии, 1815. Сентябрь. С. 21–24.

⁵ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 178–181.

⁶ Кюхельбекер В. К. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Советский писатель, 1967. С. 318–319.

⁷ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 179.

⁸ Там же. С. 309–310.

¹ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 331.

² НИОР РГБ. Ф. 449. Карт. 1. Ед. хр. 4. 15 об.

³ Кюхельбекер В. К. Избранные произведения: в 2 т.

но обращался или планировал обратиться не только в стихотворениях, но и в поэмах.

В поэме «Семь спящих отроков» Наполеон возникает в связи с образом Диоклетиана. Французский император в тексте назван «мужем подобным». Два императора имеют схожие биографические черты. Они начинали карьеру с низших чинов и не были императорами по праву рождения, но добились этого титула. Оба императора прославились военными успехами: Диоклетиан – усмирением междоусобиц и укреплением империи, а Наполеон – завоевательными походами. И, наконец, они окончили жизнь в уединении, не принимая участия в государственных делах, хотя и произошло это по разным причинам.

Первая из анализируемых строф начинается с описания завоевательных походов Наполеона. Использование старославянизмов, в целом характерное для творчества Кюхельбекера, создаёт возвышенный образ Наполеона: вместо «тирана», каким Наполеон представлялся в раннем творчестве, возникает «гигант», который был готов покорить весь мир. Несмотря на величественное изображение императора, подчёркивается и его разрушительная роль: «Шагал и царства под собой сметал».

Оценка деятельности Наполеона появляется в трёх последних строках строфы. Итогом его жизни, «надгробным памятником» становится «ужас», на который обрёл себя Наполеон своими завоеваниями. Ответ на риторический вопрос в конце этой строфы («Куда ж его планеты привели?») приводится в следующей строфе.

В 97 строфе изображён поверженный французский император, лишённый власти и отбывающий наказание вдали от людей. В этом отрывке очевидны переклички со стихотворением А. С. Пушкина «К морю». Описание фигуры Наполеона, возвышающегося на «одинокое камне» со сложенными на груди руками, на фоне морского пейзажа подчёркивает связь с пушкинской традицией.

Кроме того, Наполеон у Пушкина всегда ассоциируется с образами «блеска, пламе-

ни, сияния» [6, с. 23], а для обозначения окончания его жизни используется традиционная метафора угасания. Кюхельбекер также обращается к подобной метафоре: «Погасла медленно его лампада».

Наполеон взглядом «обнимает» море, что, с одной стороны, свидетельствует о близости Наполеона этой стихии, их родстве. С другой стороны, здесь имеет место быть противопоставление Наполеона как смертного человека и моря как «бессмертной стихии». Признавая величие императора и при этом не отрицая его разрушительной роли, Кюхельбекер делает акцент на другом: на противопоставлении временного величия и вечности. В этой связи появление Наполеона в конце поэмы о семи спящих отроках не кажется случайным. Наполеон, который, как и Диоклетиан, является воплощением временной славы, противопоставлен не только морю как вечной стихии, но и отрокам.

Заключение

Таким образом, анализ двух строф позволил выявить характерные черты образа Наполеона в творческом восприятии Кюхельбекера, а также определить его роль в поэме «Семь спящих отроков». Образ французского императора в поэме не только имеет самостоятельную ценность, но и дополняет представление о развитии наполеоновской темы в русской литературе. Наполеон в поэме предстаёт поверженным «гигантом». Его былое величие было утрачено; лишившись власти, он обречён на угасание. Попытка осмысления его образа предпринята через сравнение с образом Диоклетиана, с которым его сближают как общие биографические черты, так и авторское отношение. Кюхельбекер видит в них, с одной стороны, тиранов, властных правителей, а с другой – великих людей, которые смогли достичь успеха благодаря своим талантам и личностным качествам.

Выбор Диоклетиана в качестве героя поэмы не случаен и не объясняется одной лишь ошибкой или вольностью. Его

личность интересовала Кюхельбекера, он оказывается более близок Наполеону, чем Деций, о котором речь шла в легенде. И Диоклетиан, и Наполеон, хотя и не лишены авторских симпатий, всё же являются носителями временной власти, которая

не способна устоять перед вечностью. Носителями же бессмертия, вечности, в тексте поэмы являются отроки, по молитвам которых возможно духовное возрождение и приход к истине императора Диоклетиана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Поэма В. К. Кюхельбекера «Семь спящих отроков» и её источники // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение / отв. ред. Г. В. Степанов. Л.: Наука, 1983. С. 351–362.
2. Горбунова Л. Г. Житийные мотивы в поэме В. К. Кюхельбекера «Семь спящих отроков» // Национальный стиль русской литературной классики: материалы V Межвузовской с международным участием научно-практической конференции (Москва, 12 апреля 2019 г.). М.: Московский городской педагогический университет, 2020. С. 106–115.
3. Кива М. Поэма В. К. Кюхельбекера «Семь спящих отроков»: история текста // Два века русской классики. 2025. Т. 7. № 1. С. 336–351. DOI: 10.22455/2686-7494-2025-7-1-336-351.
4. Мстиславская Е. П. Творческая биография В. К. Кюхельбекера 1826–1846: дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 253 с.
5. Немировский В. И. Генезис стихотворения Пушкина «Наполеон» (1821) // Пушкин: исследования и материалы. Т. 15. СПб.: Наука, 1995. С. 176–183.
6. Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон: Пушкинский вариант «наполеоновской легенды» // Пушкин: исследования и материалы. Т. 14. Л.: Наука, 1991. С. 5–32.

REFERENCES

1. Alekseev, M. P. (1983). V. K. Kuchelbecker's Poem "The Seven Sleeping Youths" and Its Sources. In: Alekseev, M. P. *Comparative Literary Criticism*. Leningrad: Nauka publ., pp. 351–362 (in Russ.).
2. Gorbunova, L. G. (2020). Hagiographic Motifs in V. K. Kuchelbecker's Poem "The Seven Sleeping Youths." In: *National Style of Russian Literary Classics: Proceedings of the V Inter-University Scientific and Practical Conference with International Participation (Moscow, April 12, 2019)*. Moscow: Moscow City University publ., pp. 106–115 (in Russ.).
3. Kiva, M. (2025). V. K. Kuchelbecker's Poem "The Seven Sleeping Youths": History of the Text. In: *Two Centuries of the Russian Classics*, 7 (1), 336–351. DOI: 10.22455/2686-7494-2025-7-1-336-351 (in Russ.).
4. Mstislavskaya, E. P. (1977). *The Creative Biography of V. K. Kuchelbecker 1826–1846*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
5. Nemirovsky, V. I. (1995). The Genesis of Pushkin's Poem "Napoleon" (1821). In: *Pushkin: Research and Materials. Vol. 15*. St. Petersburg: Nauka publ., pp. 176–183 (in Russ.).
6. Muravyova, O. S. (1991). Pushkin and Napoleon: Pushkin's Version of the "Napoleonic Legend." In: *Pushkin: Research and Materials. Vol. 14*. Leningrad: Nauka publ., pp. 5–32 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кива Мария (Москва) – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: kiva-1999@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariya Kiva (Moscow) – Postgraduate Student, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: kiva-1999@mail.ru

Научная статья

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-113-123

ЛИРИЧЕСКИЙ УНИВЕРСУМ Н. И. ГНЕДИЧА В ОЦЕНКАХ Ю. Н. ТЫНЯНОВА, В. Ф. ХОДАСЕВИЧА, В. В. ВЕРЕСАЕВА

Поташова К. А.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.02.2026

Принята к публикации 02.03.2026

Аннотация

Цель. Выявление основных стратегий анализа поэзии Гнедича в литературной мысли 1930-х гг.

Процедуры и методы. Материалом для настоящей статьи стали работы Ю. Н. Тынянова «Пушкин и его современники» (1929), В. Ф. Ходасевича «Пушкин и поэты его времени» (1933), В. В. Вересаева «Современники Пушкина» (1937). Посредством систематизации суждений о литературном даровании Гнедича, эмоциональном звучании его поэтического слова, роли в обновлении им поэтического языка уточняется понимание мирообраза поэта. Методология работы связана с использованием историко-функционального, биографического, эстетического методов и подходов, позволяющих выявить три основных направления, составивших основу для объединения оценок и суждений критиков и литературоведов в группы.

Результаты. В статье конкретизировано значение художественной системы Гнедича в историко-литературном процессе первой трети XIX в. Проанализированы и систематизированы стратегии оценки художественной системы Гнедича в работах Тынянова, Ходасевича, Вересаева. Установлено, что в литературной мысли 1930-х гг. сложилось три основных вектора оценки художественной системы Гнедича, а именно: определение места поэта в развитии эстетики романтизма, вопрос о принадлежности его к элегической школе, выявление роли поэта для формирования литературного языка. Тынянов рассматривает влияние Гнедича на Пушкина, акцентируя пограничье поэта между архаистами и новаторами. Вересаев хотя и отмечает особенности художественного восприятия мира Гнедичем, но не раскрывает онтологического смысла его поэтических образов, при этом ставит вопрос о выборе авторитетного источника для оценки литературной позиции Гнедича. Наиболее близким к воссозданию романтического типа мышления поэта оказывается Ходасевич, методологические посылы которого созвучны ценностному подходу в литературоведении. Доказано, что исследование мирообраза Гнедича не носило системного характера.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования связана с выявлением новаторства поэтической системы Гнедича по отношению к предшествующей классицистической поэзии, а также определяется отсутствием исследований, в которых были бы сведены воедино рассеянные в различных литературно-критических и литературоведческих трудах наблюдения над поэзией Гнедича.

Ключевые слова: литературная критика, мировидение, онтология, романтизм, русская элегия

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 25-78-00038, «Становление принципов художественной изобразительности в лирике Н. И. Гнедича».

Для цитирования:

Поташова К. А. Лирический универсум Н. И. Гнедича в оценках Ю. Н. Тынянова, В. Ф. Ходасевича, В. В. Вересаева // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 113–123. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-113-123>.

Original research article

N. I. GNEDICH'S LYRICAL UNIVERSE IN THE ASSESSMENTS OF YU. N. TYNANOV, V. F. KHODASEVICH, AND V. V. VERESAEV

K. Potashova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Received by the editorial office 18.02.2026

Accepted for publication 02.03.2026

Abstract

Aim. To identify the main strategies for analysing Gnedich's poetry in the literary research of the 1930s.

Methodology. Yu. N. Tynyanov's "Pushkin and His Contemporaries" (1929), V. F. Khodasevich's "Pushkin and the Poets of His Time" (1933), and V. V. Veresaev "Pushkin's Contemporaries" (1937) were used as a material for the research. By systematising judgments about Gnedich's literary talent, the emotional sound of his poetic words, and his role in updating the poetic language, the understanding of the poet's worldview is clarified. The methodology of the work is associated with the use of historical, functional, biographical, aesthetic methods and approaches that identify three main areas which formed the basis for combining the assessments and judgments of critics and literary critics into groups.

Results. The article concretises the importance of Gnedich's artistic system in the historical and literary process of the first third of the 19th century. The strategies for evaluating Gnedich's artistic system in the works of Tynyanov, Khodasevich, and Veresaev are analysed and systematized. It is established that in the literary thought of the 1930s there were three main vectors for evaluating Gnedich's artistic system that are determining the poet's place in the development of the aesthetics of Romanticism, the question of his belonging to the elegiac school, and identifying the poet's role in the formation of literary language. Tynyanov examines Gnedich's influence on Pushkin, emphasising the poet's borderline between archaists and innovators. Veresaev, although he notes the peculiarities of Gnedich's artistic perception of the world, does not reveal the ontological meaning of his poetic images, while raising the question of choosing an authoritative source to evaluate Gnedich's literary position. Khodasevich turns out to be the closest to recreating the romantic type of thinking of the poet, whose methodological messages are consonant with the value approach in literary criticism. It is proved that the study of the Gnedich worldview was not systematic.

Research implications. The theoretical significance of the study consists in the fact that the innovation of Gnedich's poetic system in relation to previous classical poetry was identified, and it is also determined by the lack of research bringing together observations of Gnedich's poetry scattered in various literary, critical, and literary works.

Keywords: literary criticism, worldview, ontology, romanticism, Russian elegy

Acknowledgements: the research was carried out within the framework of a grant from the Russian Science Foundation, project no. 25-78-00038, "The formation of the principles of artistic depiction in the lyrics of N. I. Gnedich."

For citation:

Potashova, K. A. (2026). N. I. Gnedich's Lyrical Universe in the Assessments of Yu. N. Tynyanov, V. F. Khodasevich, and V. V. Veresaev. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 113–123. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-113-123>.

Введение

Единичные суждения о художественной системе Н. И. Гнедича впервые появились в мемуарных записях современников. Как указал П. А. Вяземский, Гнедич смешал возвышенный стиль и простое слово: «Он [Гнедич] величав, речь его звучала несколько декламаторски. Он как-то говорил гекзаметрами. Впрочем, это не мешало ему быть метким на острое слово».¹ Ф. Ф. Вигель отмечал присущее для Гнедича искусное сочетание «приятностей европейской жизни с простотой, с обычаями русской старины»², что нашло своё отражение в его романтической поэзии. В 1810-х гг. стихотворения Гнедича были включены как «образцовые произведения» в сборники по русской словесности и привлекли внимание молодых поэтов. Так, воспитанник Царскосельского лицея А. Д. Илличевский в 1814 г. писал: «Мы хотим наслаждаться светлым днём нашей литературы, удивляться цветущим гениям Жуковского, Батюшкова, Крылова, Гнедича».³

В литературной критике фигура Н. И. Гнедича оказалась в забвении. Значимые суждения о философском и эстетическом содержании поэзии Гнедича, высокие оценки его как поэта, обратившегося, по мысли критика Н. И. Надеждина, «наперекор невежеству к мощному лону отечественной старины»⁴ были высказаны в романтической критике первой трети XIX в. Место Гнедича в окружении «трёх маэстро»⁵ русской поэзии первых двух десятилетий XIX в. (Г. Р. Державин, К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский) попробовал определить В. Г. Белинский, акцентировавший самобытность поэта.

Дальнейшие обращения к нему были связаны с юбилейными датами. К 70-летию со дня рождения поэта А. Ф. Смирдиным было выпущено издание «Сочинений Гнедича» (1854). В 1884 г. к столетию со дня рождения поэта Н. П. Изволенским, отечественным педагогом, была подготовлена основательная речь «Н. И. Гнедич как оратор, филолог и патриот», квинтэссенцией которой стало заключение о нём как о поэте «высокообразованном, истинном классике и защитнике русского языка».⁶

В XX в. ситуация мало изменилась – фигура Н. И. Гнедича потерялась на фоне блестящей плеяды поэтов своего времени. По справедливому замечанию В. Н. Касаткиной (Аношкиной), малая изученность литературной деятельности Н. И. Гнедича «отражает недооценку поэта-романтика» [1, с. 52]. Оттого внимание к появившимся в 1930-е гг. исследованиям, посвящённым изучению окружения А. С. Пушкина, могут дополнить суждения о важных тенденциях в становлении художественного метода и стиля Гнедича. Материалом для настоящей статьи стали работы Ю. Н. Тынянова «Пушкин и его современники» (1929), В. Ф. Ходасевича «Пушкин и поэты его времени» (1933), В. В. Вересаева «Современники Пушкина» (1937). Данные работы достойны внимания пушкинистов благодаря приведению в систематический порядок общественных, культурных, исторических фактов и свидетельств, которые монтируются в уникальный портретный ряд современников поэта, создают портрет эпохи, на фоне которого Пушкин, словами В. В. Вересаева, «предстает совершенно как живой».⁷ В этих работах творческий портрет Н. И. Гнедича, к которому сам А. С. Пушкин относился с бесконечным уважением и теплотой, о чём явственно свидетельствует переписка двух поэтов (к примеру, 24 марта 1821 г. А. С. Пушкин пишет Н. И. Гнедичу:

¹ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 8. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1883. С. 454.

² Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 т. Т. 2. М.: Круг, 1928. С. 47.

³ Грот К. Я. Пушкинский лицей (1811–1817). Бумаги 1 курса. СПб.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1911. С. 44.

⁴ Надеждин Н. И. Илиада Гомера, переведённая Н. Гнедичем. Ч. I и II, в Санкт-Петербурге, 1829. // Вестник Европы. 1830. № 2. С. 151.

⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 223.

⁶ Изволенский Н. П. Гнедич как оратор-филолог и патриот: историко-литературный и критический этюд. Полтава: тип. Н. Пигуренко, 1883. С. 107.

⁷ Вересаев В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. Т. 1. М.: Советский спорт, 1993. С. 4.

«Благодарю за воспоминание, за дружбы, за хвалу, за упрёки, за формат этого письма – всё показывает участие, которое принимает живая душа ваша во всём, что касается до меня»¹), занял видное место в галерее современников.

Целью настоящей статьи явилось выявление основных стратегий анализа поэзии Гнедича в литературной мысли 1930-х гг. Для достижения поставленной цели в статье систематизируются суждения Ю. Н. Тынянова, В. Ф. Ходасевича, В. В. Вересаева о литературном даровании Н. И. Гнедича, эмоциональном звучании его поэтического слова, роли в обновлении им поэтического языка; даётся оценка откликам критиков об особенностях склада мировидения поэта и его художественного метода.

Роль Н. И. Гнедича в формировании русской элегической школы

Работа Ю. Н. Тынянова «Пушкин и его современники» стала значительным этапом в изучении русской поэзии 1800–1810-х гг. и проясняет вопрос о значении тех или иных фигур для развития русской романтической поэзии, стилевые тенденции которых достигнут наивысшего расцвета в творчестве А. С. Пушкина. Одной из таких фигур у Ю. Н. Тынянова явился Н. И. Гнедич, творчество которого стало объектом анализа в главе «Архаисты и Пушкин». Ю. Н. Тынянов избегает каких-либо суждений о личности Н. И. Гнедича, обращение к поэту связано с проблемой стилевой традиции русской лирики начала XIX в., воспринятой А. С. Пушкиным, в частности, материалом для размышления исследователя стал роман «Евгений Онегин».

Тынянов связывает с Н. И. Гнедичем развитие русской элегии, называет его «романтиком-элегиком».² Это беглое суждение, хотя и не продолженное далее рас-

крытием особенностей элегии поэта, тем не менее оказывается важным для определения роли Н. И. Гнедича в развитии элегии. Зачастую имя поэта связывают с выражением гражданственных идей, тогда как его камерная лирика, объединившая «чувства природного мира и чувства человека» [2, с. 128], не получала должных оценок. У Ю. Н. Тынянова же Н. И. Гнедич отнесён именно к элегической школе.

Если в комментариях к первым главам «Евгения Онегина» не раз подчёркивали значение элегии, созданной К. Н. Батюшковым в духе «лёгкой поэзии», отмечая, что его элегия «непосредственно подготовила романтическую элегию Пушкина и Баратынского» [3, с. 110], то указание Ю. Н. Тынянова на элегию Н. И. Гнедича с её эмоционально-философским звучанием расширяет представление о «школе гармонической точности» и принадлежности к ней А. С. Пушкина. Примечательны и суждения Ю. Н. Тынянова о выведенном А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине» «высоком элэгике»³ Ленском. Ю. Н. Тынянов в Ленском-поэте не видит конкретного прототипа, но справедливо называет героя «комбинированным поэтом»⁴, имея в виду и Н. И. Гнедича, и В. К. Кюхельбекера, и Н. М. Языкова. Такие тональности личности Ленского, как грусть и самоотречение, его возвышенное понимание дружбы, преклонение перед природой, стремление к уединённости и тишине действительно позволяют усматривать черты романтика-элегика, и, в частности, при характеристике Ленского-поэта А. С. Пушкиным названы и те черты, которые присущи именно элегии Н. И. Гнедича.

Слова «В пустынях неба безмятежных / Он пел разлуку и печаль»⁵ можно интерпретировать как отсылку к ассоциативному ряду «пустыня – пустынный» Н. И. Гнедича, посредством которого он представляет свои размышления о поэте и необходимой для

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 27.

² Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. С. 132.

³ Там же. С. 132.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 35.

него аскетичной жизни (ср.: «один, уединён, в час ночи молчаливой»¹, «уединение для сердца не пустыня»²). В словах «Он рощи полюбил густые, / Уединенье, тишину, / И Ночь, и Звезды, и Луну, / Луну, небесную лампаду»³ совмещено два типа «элегического хронотопа» [4, с. 98], соотносимых с двумя поэтами-романтиками – Н. И. Гнедичем и В. А. Жуковским. Рощи – пейзажная прерогатива Н. И. Гнедича, именно им был введён в русскую элегию локус леса («долины мирные, лесов уединенья»⁴). В сопоставлении с черновым вариантом этой пейзажной зарисовки у А. С. Пушкина аллюзия к элегиям Гнедича ещё явственнее просматривается, ср.: «Беспечный сын свободы, / Лелеявший мечты дубрав твоих в тиши»⁵ (Н. И. Гнедич) и «И сень дубрав, где <он> встречал // Свой верный милый Идеал»⁶ (А. С. Пушкин). Звёздное и лунное небо – знаковые черты элегических пейзажей В. А. Жуковского, для которого сравнение луны или звезды с лампадой стало знаковым примером «отождествления влияния производимого от них света с райской благодатью» [5, с. 1183]. В пушкинском противопоставлении – «Они сошлись. Волна и камень, / Стихи и проза, лёд и пламень» – угадываются противостояние романтической элегической линии (стихи) и скептицизм и пресыщенность жизнью разочарованного героя позднего романтизма. Трагический финал жизни Ленского может быть прочитан через судьбу элегии, в которой обнажённость души, поток эмоциональных излияний стали, по точному определению В. С. Непомнящего, для холодного света «малопонятными стихами» [6, с. 17].

Определяя место Н. И. Гнедича в литературном процессе 1810–1820-х гг., можно усматривать гармоничный син-

тез идей романтизма, оформленных под влиянием философии Ф. В. Й. Шеллинга, и русской линии, выразившейся в необходимости «уважения к самим себе и к языку своему, которое одно составляет истинное достоинство народа»⁷. Элегию Н. И. Гнедича в сравнении с «лёгкой» элегией К. Н. Батюшкова и переводной элегией В. А. Жуковского отличает русскость как «ценностный вектор» [7, с. 46], выразившийся во внимании к национальной самобытности с её высоким нравственным идеалом, в привнесении в элегию исконно русской лексики из древней житийной и исторической литературы.

Место Н. И. Гнедича в споре «архаистов» и «карамзинистов»

В оценках художественной системы Н. И. Гнедича, поставившего «отечественный язык в подчинительное отношение к древним»⁸, литературные критики 1930-х гг. сходились во мнении о присущей ему тяжеловесности. Ходасевич к недостаткам поэзии Н. И. Гнедича относит «тяжёлый, напыщенный, избыточный архаизмами стиль»⁹, схож с ним и В. В. Вересаев, указывающий на «отягчённость» языка «архаическими оборотами и славянизмами»¹⁰. И здесь, скорее, следует говорить не о непонимании Гнедича-поэта, тем более, что и В. Ф. Ходасевич, и В. В. Вересаев разделяли романтическую установку на исповедальность лирики, но о несоответствии его стиля новым художественным системам. Язык поэзии

¹ Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 118.

² Там же.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 35.

⁴ Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 117.

⁵ Там же. С. 110.

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 273.

⁷ Гнедич Н. И. Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности, читанное в торжественном собрании Помощником Библиотекаря, Коллежским Ассессором и Кавалером Гнедичем // Описание торжественного открытия Императорской Публичной библиотеки, бывшего генваря 2 дня 1814 года. СПб.: В типографии Императорского театра, 1814. С. 52.

⁸ Изволенский Н. П. Гнедич как оратор-филолог и патриот: историко-литературный и критический этюд. Полтава: тип. Н. Пигуренко, 1883. С. 106.

⁹ Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. Т. 1. Berkeley: Berkeley Slavic specialties, corp., 1999. С. 311.

¹⁰ Вересаев В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. Т. 2. М.: Советский спорт, 1993. С. 317.

символистов был ориентирован на приглушённую эмоциональность, по словам М. А. Волошина, на голос «глубокий, завуалированный, негромкий, западающий в душу»¹, тогда как в голосе Гнедича медитативные интонации сменяются страстными восклицаниями, наполненными исконно русской лексикой («Но, тщетным ропотом я року не скучая, // Как грусть бессловная, грущу наедине»²).

В специально посвящённой анализу языкового архаизма главе работы «Пушкин и его современники» Тынянов рассматривает влияние на А. С. Пушкина круга «младших архаистов»³, выразившееся «в борьбе против перифрастического стиля – наследия карамзинистов».⁴ По утверждению Ю. Н. Тынянова, А. С. Пушкин идёт вслед за младшими архаистами «в поисках нагой простоты, просторечия», при этом отвергает «вопрос о воскрешении высокой лирической поэзии».⁵ Необходимо прояснить в этой связи место Н. И. Гнедича в поэтических направлениях 1810-х гг.

Чёткого определения его литературной позиции как будто бы до сих не существует. Д. Д. Благой говорит о «промежуточной позиции Гнедича между классиками и карамзинистами».⁶ Напротив, можно обнаружить и причисление Н. И. Гнедича к кругу карамзинистов, особенно это характерно для современных исследований. Так, М. Г. Альтшуллер полагает, что «Гнедич, несмотря на успехи в кругу “беседчиков”, относился к своим чиновным покровителям с достаточной долей иронии» [8, с. 98]. Эту же позицию отстаивает А. Н. Егунов, категорично отмечая, что «Гнедич примыкал к карамзинскому направлению» [9, с. 173]. Правота этой позиции аргументиру-

ется и известной полемикой Н. И. Гнедича с архаистом П. А. Катениным и арзамасцем В. А. Жуковским о переводе баллады «Ленора», в которой поэт поддержал последнего, и положительными откликами о роли Карамзина в обновлении языка прозы («приятный слог, близкий языку общества»⁷). Фактические сведения о жизни Н. И. Гнедича в Петербурге говорят об обратном: с 1807 г. поэт стал активным участником кружка старших архаистов, «оказался желанным советчиком и слушателем Державина», находил «интересными и значительными мысли Шишкова» [10, с. 15].

И здесь следует обратиться к исследованию Ю. Н. Тынянова об архаистах, в котором Н. И. Гнедич выставлен в двойственном свете: «Гнедич близок к “Беседе” и одновременно друг карамзинистов». При этом авторитетным для Тынянова оказывается мнение поэта С. П. Жихарева, подтвердившего собственное арзамасское прозвище «Громобой» в едких напаках в сторону Н. И. Гнедича («друг наш Гнедич на гексаметре без просодии», «некий халдей из Библиотеки», «ужасные его гексаметры», «убитый им Гомер»⁸), связанных с «осквернением» Гомеровою «Илиады» переводом с греческого языка на русский. Некоторые высказанные Ю. Н. Тыняновым суждения и вовсе сместили вектор в настоящем вопросе в сторону выпадов Н. И. Гнедича против архаистов: «Критика Гнедича была направлена против стилистических особенностей баллады Катенина, против архаистической традиции».⁹ Однако суждение это видится излишне категоричным,

¹ Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. М.: Эллис Лак, 2008. С. 130.

² Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 118.

³ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. С. 132.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Там же.

⁶ Благой Д. Д. Комментарии // Батюшков К. Н. Сочинения. М.; Л.: Academia, 1934. С. 539.

⁷ Гнедич Н. И. Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности, читанное в торжественном собрании Помощником Библиотекаря, Коллежским Ассессором и Кавалером Гнедичем // Описание торжественного открытия Императорской Публичной библиотеки, бывшего 22 января 2 дня 1814 года. СПб.: В типографии Императорского театра, 1814. С. 22.

⁸ Арзамас и арзамасские протоколы / введ. ст., ред. протоколов и примеч. к ним М. С. Боровковой-Майковой. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С. 190–191.

⁹ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. С. 37.

критика Н. И. Гнедича не была направлена на всю «Беседу любителей русского слова», да и сам Н. И. Гнедич не только не был близок «арзамасцам», но подвергался ироническим комментариям с их стороны, и, как отмечает С. А. Кибальник, исходя из протоколов Арзамаса, «скептическое отношение к Гнедичу неизменно» [11, с. 5]. В этом споре следует однозначно согласиться со справедливо подведённым А. С. Пушкиным итогом развернувшейся литературной дуэли. В рецензии «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» в 1833 г., т. е. спустя уже значительное время, А. С. Пушкин указал, что предметом критики Н. И. Гнедича явилась допущенная П. А. Катениным «грубость выражений, неприятно поразившая непривычных читателей»¹, и эти частные, касающиеся одного произведения наблюдения Н. И. Гнедича никак не следует обобщать по отношению ко всему обществу «Беседы русской словесности».

Поэзия Н. И. Гнедича, явившаяся примером «причудливого переплетения» архаистов и новаторов «в пределах всех сегментов литературного пространства» [12, с. 49], стала скрепой между исконной русской словесностью и новыми литературными веяниями, что выразилось во влиянии на сложившийся в романтизме образ духовно-душевно восприимчивого человека, на понимание ценности русского пейзажа с его живописными природными богатствами. Неслучайно А. А. Ахматова обратила внимание на привнесение Н. И. Гнедичем в литературу «описания Невы, белой ночи, “невской тундры”»², усмотрев тем самым новаторство поэта в обращении не только к безусловно прекрасному, но в эстетизации природной скудности северного пейзажа. В этом отношении можно говорить о влиянии Н. И. Гнедича на А. С. Пушкина в его преодолении «наследия карамзинистов»³

и достижении той вершины, когда поэзия явилась «эхом русского народа».⁴

Категория восторга в оценках поэтической личности Н. И. Гнедича

Важнейшей составляющей литературной критики 1920–1930-х гг. явилась форма литературного портрета, утвердившаяся в 1810-х гг. благодаря Н. А. Полевому, призывавшему к рассмотрению творчества писателя в единстве с его биографией, личностными ориентирами, общественно-культурной ситуацией. Литературные портреты Н. И. Гнедича в этюдных работах В. Ф. Ходасевича «Пушкин и поэты его времени» (1933) и В. Вересаева «Современники Пушкина» (1937) воссоздают духовный и физический образ поэта, передают его жизненный и творческий стержень. Оба портрета хотя и имеют схожую структуру, основанную на приведении таких важных узлов в писательской судьбе Н. И. Гнедича, как учёба в Московском университете, поступление на службу в библиотеку под руководство А. Н. Оленина, роль в обществе «Беседы русского слова», перевод «Илиады», но при этом цели очерков и подходы к их созданию различны: реконструкция литературного фона у В. В. Вересаева дана как от литературоведа, постижение сокровенных глубин личности у Ходасевича – как от тонко чувствующего поэта, оттого и раскрытие судьбы Н. И. Гнедича в двух литературных портретах отличается.

Источником и для В. Ф. Ходасевича, и для В. В. Вересаева послужили «Записки современника» С. П. Жихарева – писателя и драматурга, принадлежащего к «Арзамасу», большого почитателя театра, с ним Н. И. Гнедич учился в Московском университете и оказался в близком окружении А. Ф. Мерзлякова. В первой части своего очерка, посвящённой представлению натуры Гнедича, Вересаев буквально следует за воспоминаниями С. П. Жихарева, приводит высказанные

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. С. 220.

² Ахматова А. А. О Пушкине: статьи и заметки. М.: Книга, 1989. С. 156.

³ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. С. 132.

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 1. С. 65.

им иронические оценки («его [Гнедича] называли ходульником»¹, «он [Гнедич] любил говорить с высока»², «всякому незначительному обстоятельству и случаю придавал какую-то важность»³), акцентирует увлечённость театром в несколько утрированной форме, создавая образ чудака, «неутомимого в прилежании»⁴, увлечённого всем, что «выходило из обыкновенного порядка вещей», прочитавшего «трижды “Телемахиду” Тредиаковского».⁵ В. Ф. Ходасевич в первом же абзаце своего очерка приводит воспоминания С. П. Жихарева о посещении им дома Д. И. Хвостова в день, когда Н. И. Гнедич прочёл перевод 7-ой главы «Илиады», и созданный им неприглядный портрет поэта: «Перевод Гнедича встречен был общими похвалами. Не совсем приятно было то, что переводчик, на один глаз кривой и весь какой-то нахохленный, читал с необыкновенным одушевлением и напряжением голоса. Ещё несколько таких вечеров – и он того и гляди начитает себе чахотку».⁶ Не разделяя иронии С. П. Жихарева, В. Ф. Ходасевич далее размышляет о природе эмоциональности поэта, задаваясь вопросом о том, что такое «необыкновенная одушевлённость».⁷ Стоит заметить, что сравнение откликов С. П. Жихарева с мнением передовых фигур в литературном процессе говорит о предвзятости первого и ставит под сомнение авторитетность его «Записок современника». Так, например, С. Т. Аксаков отметил «страстное и всегда согласное со смыслом произносимых стихов»⁸ звучание речей Н. И. Гнедича.

Если В. В. Вересаев лишь отмечает присутствующий Н. И. Гнедичу талант «превосход-

ного декламатора»⁹, то В. Ф. Ходасевич *восторженностью* видит не только в её буквальном интонационном проявлении – декламации, ставшей, как он отмечает, «модной позой молодых поэтов», «торжественной повадкой французской сцены», «подражанием актёрам»¹⁰, но в «чрезвычайном творческом подъёме»¹¹, определяет восторженность как «сильнейшее напряжение духовных своих сил».¹² Присоединяясь к этому утверждению Ходасевича, обратим внимание, что состояние восторженности, получившее в романтизме особое наполнение, явилось значимой эмоциональной тональностью лирики Н. И. Гнедича. Если в XVIII в. *восторг* трактовался как «большое удовольствие, радость, восхищение»¹³, был связан, как указывает А. И. Галич, с воспеваемым «великости идеального предмета»¹⁴, то романтический восторг имеет иной характер. В своём поэтическом ответе на послание Д. И. Хвостову Гнедич говорит о «восторгом окрылённом»¹⁵ поэте, его «восторженной душе»¹⁶, внимающей «гласу лир священных»¹⁷. Восторженность ассоциируется у поэта с «чистой душой» или «глубокой душой», озарённой «священным от небес огнём»¹⁸. И в этих контекстах восторг можно рассматривать как особое состояние поэтической души, это не отождествление этого слова с пребыванием в радости, но понятие духовного измерения, как определяет его В. И. Даль, «благое исступленье, восхищенье, забытие самого себя, временное отрешение духа от

¹ Вересаев В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. Т. 2. М.: Советский спорт, 1993. С. 316.

² Там же. С. 316.

³ Там же. С. 317.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. Т. 1. Berkeley: Berkeley Slavic specialties, cop., 1999. С. 305.

⁷ Там же. С. 306.

⁸ Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. СПб.: Просвещение, 1910. С. 23.

⁹ Вересаев В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. Т. 2. М.: Советский спорт, 1993. С. 317.

¹⁰ Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. Т. 1. Berkeley: Berkeley Slavic specialties, cop., 1999. С. 306.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 307.

¹³ Восторг // Словарь русского языка XVIII в. Вып. 4. Л.: Наука, 1984. С. 97.

¹⁴ Галич А. И. Опыт науки изящного // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. Т. 2. М.: Искусство, 1974. С. 262.

¹⁵ Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 95.

¹⁶ Там же. С. 96.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 95.

мира и сует его, воспарение духа».¹ Если у К. Н. Батюшкова ещё наблюдается восторг одописца («И гордые сердца с восторгом вспоминали // О славе юных дней»², «О пламенный восторг! О страсти упоенье!»³), то у В. А. Жуковского («Спешит, восторженный, оставя сельский кров»⁴) и ещё более у Н. И. Гнедича восторг сопрягается с состоянием душевной отрешённости, расширением жизни здесь до субстанционального начала бытия.

Воспринимая поэзию как Богом данное дело, Н. И. Гнедич связывает вдохновение не только с восторгом, поэтическим парением, но и трудом, в его лексиконе акцентируется постоянный труд, отождествлённый с подвижничеством Богом избранного поэта и противопоставленный преходящему состоянию вдохновения: «Хочу трудиться я»⁵, «Искусством, опытом, трудом усовершеншай»⁶, «Славой будь в трудах оживлена».⁷ В. Ф. Ходасевич эту поэтическую константу Н. И. Гнедича почувствовал, не только называя перевод «Илиады» «мужеством» и «по истине подвигом»⁸, но и отмечая «неудовлетворённость достигнутым»⁹ как черту характера поэта, уподобляет поэтический труд аскетизму и монашескому подвижничеству («Гнедич привык жить на таинственных вершинах поэзии и редко спускался с них. Он сжился со своим трудом»¹⁰, «Это поэт, живущий в возвышенной отчуждённости от суетного мира»¹¹). Такой отрешённости от земного мира отвечают нравственные достоин-

ства Н. И. Гнедича, для характеристики которых В. В. Вересаев приводит слова из послания Е. А. Боратынского («Муж дарованьями, душою превосходный, / В стихах возвышенный и в сердце благородный»¹²), Ходасевич о жизни поэта говорит как о «высоте подвига нравственного».¹³

Находясь у истоков литературного языка и открывая для романтической поэзии древнерусскую словесность, Н. И. Гнедич, безусловно, тонко чувствовал суть слова «восторг», связанную с воспарением в высшие пределы. Наряду с такими эмоциональными категориями, как умиление, мечтание, радость, тоска, поэт привнёс в художественную систему романтизма эмоциональную экспрессию, «сердечную религию» [13, с. 7], через которую выражает духовные смыслы в русле христианства.

Заключение

Работы Ю. Н. Тынянова, В. Ф. Ходасевича, В. В. Вересаева разные и оттого вкуче раскрывают художественную систему Н. И. Гнедича в трёх основных аспектах: место поэта в развитии эстетики романтизма, принадлежность его к элегической школе, роль для формирования литературного языка. Ю. Н. Тынянов стремится к определению места Н. И. Гнедича в историко-литературном процессе, рассматривает его влияние на поэзию А. С. Пушкина, акцентируя пограничье поэта между архаистами и новаторами. Вересаев своей монографией преследовал грандиозную задачу в наибольшей полноте представить всех лиц, с которыми соприкасался А. С. Пушкин, «окружить Пушкина живыми людьми»¹⁴ и выбрал для этого «обрисовку личности каждого спутника и его житейских отношений к Пушкину».¹⁵ Сгруппированные в отдельные рубрики

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880. С. 251.

² Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Советский писатель, 1964. С. 111.

³ Там же. С. 123.

⁴ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 78.

⁵ Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 63.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ Там же. С. 86.

⁸ Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. Т. 1. Berkeley: Berkeley Slavic specialties, cop., 1999. С. 306.

⁹ Там же. С. 307.

¹⁰ Там же. С. 309.

¹¹ Там же. С. 310.

¹² Вересаев В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. Т. 2. М.: Советский спорт, 1993. С. 317.

¹³ Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. Т. 1. Berkeley: Berkeley Slavic specialties, cop., 1999. С. 306.

¹⁴ Вересаев В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. Т. 1. М.: Советский спорт, 1993. С. 4.

¹⁵ Там же. С. 5.

портреты явственно свидетельствуют об этом, но в суть самой портретируемой личности часто оказывается вне поля зрения В. В. Вересаева, выбранные им биографические источники могут быть поставлены под сомнение.

Иного толка работа В. Ф. Ходасевича. Он не стремится к всеохватности, но выделяет те лирические голоса, которые были услышаны А. С. Пушкиным и оставили значительный след в его жизни, запечатлевает их в индивидуально-неповторимом и живом облике. Н. И. Гнедич явился ярким примером такого лирического голоса. В А. С. Пушкине, Г. Р. Державине, Н. И. Гнедиче В. Ф. Ходасевич искал «ценностные ориентиры для собственного творческого и человеческого самоопреде-

ления» [14, с. 6]. Оттого именно его этюд о Н. И. Гнедиче оказывает наиболее близким к воссозданию романтического типа мышления поэта. Методологические посылы В. Ф. Ходасевича созвучны ценностному подходу в литературоведении, основывающиеся на раскрытии «творческого мышления писателей, образно явленных их мировоззренческих позиций» [15, с. 5].

Систематизация взглядов Ю. Н. Тынянова, В. Ф. Ходасевича, В. В. Вересаева о личности и творчестве Н. И. Гнедича проясняет особенности восприятия поэтом познавательной природы искусства, специфику его художественного восприятия мира, раскрывают онтологические смыслы поэтических образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касаткина В. Н. Предромантизм в русской лирике: К. Н. Батюшков. Н. И. Гнедич. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1987. 88 с.
2. Киселева И. А., Поташова К. А. Динамическая поэтика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утёс» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 128–144. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8162.
3. Баевский В. С. Традиция «лёгкой поэзии» в «Евгении Онегине» // Пушкин: исследования и материалы. Т. 10. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1982. С. 106–120.
4. Косяков Г. В. Мотив духовного паломничества в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины» // Отечественная филология. 2024. № 5. С. 95–103. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-95-103.
5. Поташова К. А. «Небо звёздно» в поэзии Г. Р. Державина и В. А. Жуковского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 3. С. 1180–1186. DOI: 10.30853/phil20250170.
6. Непомнящий В. С. «...На перепутье...»: «Евгений Онегин» в духовной биографии Пушкина. Опыт анализа второй главы // Московский пушкинист. Вып. I. М.: Наследие, 1995. С. 14–52.
7. Киселева И. А. М. Ю. Лермонтов как духовный преемник А. С. Пушкина // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2 (117). С. 45–58. DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58.
8. Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 464 с.
9. Егунов А. Н. Гнедич и западноевропейская литература // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. № 4. С. 173–187.
10. Медведева И. Н. Н. И. Гнедич // Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. С. 5–56.
11. Кибальник С. А. К вопросу о полемике А. С. Грибоедова с Н. И. Гнедичем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. 2010. № 9–8. С. 4–10.
12. Ивинский Д. П. А. С. Шишков и В. А. Жуковский об А. Д. Кантемире // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2024. № 3 (23). С. 48–62.
13. Аношкина-Касаткина В. Н. Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. М.: Московский государственный областной университет, 2014. 400 с.
14. Сурат И. З. Пушкинист Владислав Ходасевич. М.: Лабиринт, 1994. 111 с.
15. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: к 90-летию профессор Веры Николаевны Аношкиной / отв. ред. И. А. Киселева. М.: Московский государственный областной университет, 2019. 312 с.

REFERENCES

1. Kasatkina, V. N. (1987). *Pre-Romanticism in Russian Lyrics: K. N. Batyushkov. N. I. Gnedich*. Moscow: Moscow Regional Pedagogical Institute publ. (in Russ.).
2. Kiseleva, I. A. & Potashova, K. A. (2020). Dynamic Poetics of M. Yu. Lermontov's Poem "The Cliff." In: *Problems of Historical Poetics*, 18 (2), 128–144. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8162 (in Russ.).
3. Baevsky, V. S. (1982). The Tradition of "Light Poetry" in "Eugene Onegin." In: *Pushkin: Research and Materials. Vol. 10*. Leningrad: Nauka. Leningrad Department publ., pp. 106–120 (in Russ.).
4. Kosyakov, G. V. (2024). The Motif of Spiritual Pilgrimage in M. Yu. Lermontov's Poem "A Branch of Palestine." In: *Russian Studies in Philology*, 5, 95–103. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-95-103 (in Russ.).
5. Potashova, K. A. (2025). "The Sky is Starry" in the Poetry of G. R. Derzhavin and V. A. Zhukovsky. In: *Philology. Theory & Practice*, 18 (3), 1180–1186. DOI: 10.30853/phil20250170 (in Russ.).
6. Nepomnyashchy, V. S. (1995). "...At the Crossroads...": "Eugene Onegin" in Pushkin's Spiritual Biography. An Analysis of the Second Chapter. In: *Moscow Pushkin Scholar. Iss. I*. Moscow: Nasledie publ., pp. 14–52 (in Russ.).
7. Kiseleva, I. A. (2024). M. Yu. Lermontov as the Spiritual Successor of A. S. Pushkin. In: *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, 2 (117), 45–58. DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58 (in Russ.).
8. Altshuller, M. G. (2007). *Conversation of Lovers of the Russian Word: at the Origins of Russian Slavophilism*. Moscow: Novoye literaturnoe obozreniye publ. (in Russ.).
9. Egunov, A. N. (2022). Gnedich and Western European Literature. In: *Review of Russian Christian Institute for the Humanities*, 4, 173–187 (in Russ.).
10. Medvedeva, I. N. (1956). *N. Gnedich. Gnedich. Poems*. Leningrad: Sovetsky pisatel publ., pp. 5–56 (in Russ.).
11. Kibalnik, S. A. (2010). On the Polemics between A. S. Griboyedov and N. I. Gnedich. In: *Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism*, 9 (8), 4–10 (in Russ.).
12. Ivinsky, D. P. (2024). A. S. Shishkov and V. A. Zhukovsky about A. D. Cantemir. In: *Palimpsest. A Literary Studies Journal*, 3 (23), 48–62 (in Russ.).
13. Anoshkina-Kasatkina, V. N. (2014). *Russian Romanticism. V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin*. M.: Moscow State Regional University publ. (in Russ.).
14. Surat, I. Z. (1994). *Pushkin Scholar Vladislav Khodasevich*. M.: Labyrinth publ. (in Russ.).
15. Kiseleva, I. A., ed. (2019). *The Value Foundations of the National Picture of the World in Russian Literature: On the 90th Anniversary of Prof. Vera Nikolaevna Anoshkina*. Moscow: Moscow State Regional University publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поташова Ксения Алексеевна (Москва) – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
ORCID: 0000-0002-0164-0371; e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Potashova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
ORCID: 0000-0002-0164-0371; e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Научная статья

УДК 821.161.1.09»19»

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-124-135

ВОСПИТАНИЕ, РАЗВЛЕЧЕНИЕ И ЧАСТЬ ЖИЗНИ: КРУГ ЧТЕНИЯ А. И. ЭРТЕЛЯ И ГЕРОЕВ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Смирнова И. Ю.

Костромской областной медицинский колледж имени С. А. Богомолова, г. Кострома,

Российская Федерация

e-mail: Irisbaltsan@mail.ru

Поступила в редакцию 17.09.2025

Принята к публикации 02.10.2025

Аннотация

Цель. Аналитическое изучение мотива чтения и образов, характеров и типов читающих героев в прозе А. И. Эртеля.

Процедура и методы. В статье проводится обзор художественного наследия писателя в проекции исследуемого мотива и его реализаций. Методология работы включает целостный и герменевтический анализ, онтологический и аксиологический подходы. В статье осмысливается сбор собственной библиотеки Эртелем и рассказывается о её судьбе. Показано, что с печатным словом долгое время ассоциировались надежды писателя на просвещение народа и на практическое воспитание интеллигенции. В своих прозаических произведениях Эртель изображает героев разных нравов и убеждений, показывая значение осмысленного и выборочного чтения, опасность бессистемного чтения в ситуации неустойчивой системы взглядов.

Результаты. Мотив чтения, образ книги в наследии писателя говорят о его обширном кругозоре, помогают выявить разные этапы становления и эволюции его таланта. Осмысление мотива чтения приводит к осознанию автобиографических моментов в художественных текстах, использовании Эртелем при создании миров произведений собственного опыта, причём не всегда положительного. Круг литературных интересов героев Эртеля во многом отражает предпочтения самого автора, предостерегает читателя от ошибок не только в чтении, но и в жизни. В произведениях Эртеля первого периода творчества преобладают демократические настроения, ещё не разочаровавшийся в народническом движении писатель активно противопоставляет литературу «чистого искусства» и произведения народников. Позднее на первый план выходит идея просвещения народа, автобиографический герой в романе «Гардерины», Николай Рахманный, много читает для того, чтобы разобраться в жизни. В завершающий период творчества сам Эртель обращается к публицистике и переводам, несколько отходит от чисто практической деятельности к чтению абстрактному. Однако между самим писателем и его философски настроенными эстетам есть большая разница: Эртель предпочитал систематический труд на земле и помощь народу, в то время как его герои оказались неспособны к практическим решениям.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования связана с новаторским в отечественной филологии анализом произведений писателя второго ряда – А. И. Эртеля. Практическая значимость обусловлена выявлением ценных параллелей между героями и самим автором, осмыслением его отношения к книге и чтению.

Ключевые слова: интеллигенция, круг чтения, народ, народники, образование, практический труд, чтение

Для цитирования:

Смирнова И. Ю. Воспитание, развлечение и часть жизни: круг чтения А. И. Эртеля и героев его произведений // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 124–135. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-124-135>.

Original research article

EDUCATION, ENTERTAINMENT, AND A PART OF LIFE: THE READING CIRCLE OF A. I. ERTTEL AND THE HEROES OF HIS WORKS

I. Smirnova

Kostroma Regional Medical College named after S. A. Bogomolov, Kostroma, Russian Federation
e-mail: Irisbaitsan@mail.ru

Received by the editorial office 17.09.2025

Accepted for publication 02.10.2025

Abstract

Aim. To study a motive for reading and images, characters, and types of reading heroes in the prose of A. I. Ertel.

Methodology. The article provides an overview of the writer's artistic heritage in terms of the motive under study and its implementations. The methodology of the work includes holistic and hermeneutic analysis, ontological and axiological approaches. The collection of Ertel's own library is reflected, and it is told about its fate in the article. It is shown that the writer's hopes for education of the people and the practical education of the intelligentsia have been associated with the printed word for a long time. In his prose works, Ertel depicts heroes of different morals and beliefs, showing the importance of meaningful and selective reading, the danger of unsystematic reading in a situation of an unstable system of views.

Results. The motive of reading and the image of the book in the writer's legacy testify to his broad outlook, helping to identify the different stages of the formation and evolution of his talent. Understanding the motive of reading leads to the awareness of autobiographical moments in fiction texts, Ertel's use of his own experience, that is not always positive, when creating the worlds of his works. The range of literary interests of Ertel's heroes largely reflects the author's preferences, warns the reader against mistakes not only in reading, but also in life. In the works of Ertel's first period of creativity, democratic sentiments prevail; not yet disappointed in the populist movement, the writer actively contrasts the literature of "pure art" and the works of the populists. Later, the idea of educating the people comes to the fore; the autobiographical hero in the novel "Gardeniny", Nikolai Rakhmanny, reads a lot in order to understand life. In the final period of his work, Ertel himself turns to journalism and translations, somewhat moving away from purely practical activities to abstract reading. However, there is a big difference between the writer himself and his philosophically minded aesthetes: Ertel preferred systematic work on the land and helping the people, while his heroes turned out to be incapable of practical decisions.

Research implications. The theoretical significance of the study relates to the innovative analysis of the works of the second-tier writer A. I. Ertel in Russian philology. The practical significance is determined by the identification of valuable parallels between the characters and the author himself, and the understanding of his attitude to the book and reading.

Keywords: intelligentsia, reading circle, people, populists, education, practical work, reading

For citation:

Smirnova, I. Yu. (2026). Education, Entertainment, and a Part of Life: The Reading Circle of A. I. Ertel and the Heroes of His Works. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 124–135. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-124-135>.

Введение

Невозможно представить образованного человека, избегающего или не любящего чтения, по крайней мере, не признающего его полезным для развития и становления личности. Без регулярного чтения сложно вообразить и жизнь русского дворянства. Хотя круг чтения интеллигенции в XIX в. был достаточно своеобразен и зависел часто от вкусов и предпочтений, именно чтение было одним из самых важных источников информации не только познавательного, но и общественно-политического характера, а также средством развлечения и времяпрепровождения. М. В. Скорыходов отметил, что «увлечённость чтением отразилась в произведениях отечественной словесности XIX–XX вв., в эпистолярном наследии писателей, в свидетельствах их современников» [1, с. 204]. Определённые вкусы и предпочтения литераторов, нашедшие отражение в их художественных текстах, позволяют многое сказать о языковой личности автора, его способностях и возможностях влиять на читателей и формировать читательские горизонты. К примеру, В. Г. Андреева анализирует круг усадебного чтения Л. Н. Толстого, который ярко отражён в эпистолярном наследии классика: «Бытие Толстого в усадьбе непосредственно связано с чтением: им было изучено и проанализировано огромное количество книг, журналов, статей, писем. Корреспонденты присылали Толстому множество рукописей и корректур, вышедших изданий, прося совета, мнения по поводу таланта начинающего автора или значимости произведения. ... Встречающиеся в письмах высказывания Толстого о прочитанных им произведениях часто кратки, но они позволяют оценить объём чтения Толстого, литературу, которой он отдавал предпочтение» [2, с. 82]. Безусловно, литература, как и другие виды искусства, была и остаётся основой для формирования культурной среды общества, ориентиром на пути нравственного становления личности.

Ценным и значимым для понимания позиции автора, а также точек зрения в про-

изведениях художественной литературы является мотив чтения, реализованный в текстах. Через упоминание чтения, выражение искренней симпатии к книгам или, наоборот, равнодушия к ним, к определённым жанрам, темам, проблемам, через явные или скрытые реминисценции или аллюзии писатели часто передают характер героя, его жизненную позицию, вместе с тем формируя и собственные воззрения. Целью данной статьи является аналитическое осмысление мотива чтения в произведениях А. И. Эртеля – писателя, любившего книги не только в силу профессии, но и в силу искреннего и глубинного осмысления значения чтения и образования в жизни человека. В статье проводится обзор художественного наследия писателя в проекции исследуемого мотива и его реализаций. Методология работы включает целостный и герменевтический анализ, онтологический и аксиологический подходы.

Роль книг и чтения в жизни А. И. Эртеля

Выходец из народной среды, Эртель благодаря чтению и самообразованию стал одним из самых образованных людей своего времени. В письме к М. Н. Чистякову от 25 октября 1900 г. Этель отмечал: «Помоему, при нынешних условиях жизни не хорошо, если в доме, где растут дети, нет книг и нет привычки читать их, нет картин, нет музыки – одним словом, нет способности к тому, чтобы созидались культурные привычки, образовывались любовь и уважение к знанию, к искусству».¹

У Эртеля было особое отношение к книгам. Они окружали его на протяжении всей жизни. Лишённый возможности получить образование в детстве, он с большой жадностью читал всё, что ему попадалось. Круг его литературных интересов очень неоднороден, связано это было с отсутствием систематического образования, ограниченностью семьи в средствах, территориальной удалённостью имений, в которых служил

¹ Эртель А. И. Письма А. И. Эртеля. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 387.

отец-управляющий: «Страсть к чтению у меня была пожирающая. Я читал всё, что попадалось под руку: прочитал Тургенева, когда мне было 14 лет – не всего, а только первые его произведения, Дарвина “О происхождении человека” – лет пятнадцати или шестнадцати. Рядом шли Лажечников, и Загоскин, и Зотов, и Дюма, и Поль Феваль, и Евгений Сю и какая-то “Испанская инквизиция” – и не перечислить всей дребедени и чепухи».¹ Позднее, обосновавшись с отцом в 45 верстах от города Усмани, на Плавице, писатель получил свои первые «впечатления бытия», здесь познакомился он с землевладельцем И. И. Богомоловым, который стал прототипом купца Рукодеева в романе «Гарденины», он и приучил юношу к чтению серьёзных книг. Заведуя в 1878–1880 гг. в Санкт-Петербурге библиотекой Засодимского, Эртель не только систематизировал имеющиеся в его распоряжении книги, но и привёл в порядок свои мысли, определился в литературных предпочтениях. А к 1900 г. писателем была собрана обширная личная библиотека.

Примечательно, что любовь к книгам сопровождала Эртеля на протяжении всего пути и была тесно связана с его личной жизнью и судьбой. Так, первой женой писателя стала Мария Ивановна Федотова, работавшая в момент их знакомства в библиотеке. Тогда ещё юный Эртель тянулся к будущей супруге не просто как к женщине, его влекла и сила знания, которая была в её руках в виде подведомственных ей книг. Конечно, дело не в том, что Эртель не смог бы взять книги без участия М. И. Федотовой, однако именно в ней писатель видел *собеседника и понимающего его человека*. Сложно переоценить роль М. И. Федотовой в развитии интереса Эртеля к современной ему демократической литературе. В послании будущей супруге Эртель отмечал неоценимую пользу для него библиотеки: «...я, несмотря на мою полнейшую неспособность к благодарным излияниям, принуждён, в отношении Вас, сделать это в высшей степени, потому что вы сделали в моей тёмной,

пошлой жизни то, что не смогли сделать в ней ни жалкая среда, окружающая меня, ни пошлые традиции семейства...»² Далее Эртель пишет о том, как он начал читать в библиотеке, как находил на страницах журналов дорогие для него имена, например, под впечатлением от прочитанных произведений Д. И. Писарева Эртель постепенно стал менять свои идеалы, бросил все «погоны за весёлыми рассказами».³

На протяжении жизни Эртель с большим уважением относился к книгам, хотя он не был библиофилом, к концу жизни им была собрана значительная библиотека. Литературовед О. Г. Ласунский в сборнике «Власть книги», вышедшем в свет в 1960-е гг., посвятил целую главу библиотеке Эртеля. Книга эта была даже отправлена в Лондон дочери писателя – Наталье Александровне Даддингтон. Исследователь отмечает: «Отношение к книге не только как к духовной пище, но и как к материальному предмету, который надо беречь, осталась у Эртеля на все годы. Где бы он ни жил позднее ... везде его сопровождали книги» [3, с. 71]. В доме-музее Никитина в Воронеже сохранился целый шкаф книг из личной библиотеки Эртеля. О. Ласунский выделяет среди них книги Пушкина, Байрона, Фейербаха, “Галерею Шлиссельбургских узников”, альманахи “Шиповник”, “Записки Екатерины II”, горьковские сборники “Знание”, произведения Мережковского, рассказы раннего Сергеева-Ценского и романы позднего Боборыкина, а также редкие тома сочинений Толстого с авторской правкой на полях [3, с. 71].

Библиотеку, собранную Эртелем за долгие годы, перевезла после смерти писателя из Петербурга его жена Мария Васильевна Эртель. Небольшую усадьбу в Воронежской области выбрал сам Эртель, но приобрела имение вдова писателя в 1912 г. Усадьба получила название «Эртелево». Поселившись в ней, семья Эртеля перевезла имущество и мебель из московской квартиры, в том чис-

¹ Эртель А. И. Письма А. И. Эртеля. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 11.

² А. И. Эртель – М. И. Федотовой // Литературное наследство. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 442.

³ Там же.

ле семейный архив, рабочий кабинет писателя с богатейшей библиотекой. Однако после революции имение перешло к государству. В 1953 г. часть мебели и библиотека Эртеля были переданы Дому-музею И. С. Никитина. Значительную часть библиотеки в 1930 г. вывезла в Англию вторая дочь писателя Е. А. Эртель.

Особенно трепетно хранил писатель книги, имеющие дарственные автографы: «переплетались они по особому заказу, с тиснением на корешке буквы “Э”, с отделкой форзацев атласной бумагой, с обязательной лентой-закладкой» [3, с. 72]. Из изданий с дарственными надписями в библиотеке Эртеля стоит упомянуть книгу И. А. Бунина «На край света и другие рассказы» 1897 г. (первый сборник бунинских рассказов), собранные воедино очерки Г. И. Успенского «Люди и нравы семейной деревни», «Хроники села Смурина» П. В. Засодимского. На каждой из них оставлены добрые пожелания и чувства глубокого уважения к Эртелю.

Книги для Эртеля были не только страстью, но и отдушиной на протяжении всех этапов его жизни. Замкнутое существование, невозможность длительных путешествий, планы и мечты о лучшем, об изменении агрессивной общественно-политической обстановки в России были тесно связаны с книгами. С печатным словом долгое время ассоциировались надежды писателя и на просвещение народа, и на преобразование интеллигенции. Сохранившаяся библиотека по сей день является для исследователей творчества Эртеля важным ориентиром на пути к пониманию философии и мировоззрения литератора.

Мотив чтения в прозе А. И. Эртеля

Значимое место в произведениях Эртеля занимает мотив чтения: лучшие герои наделены любовью к книгам. Писатель относился к чтению не только как к источнику удовольствия, а как к труду, позволяющему получить духовное, нравственное и интеллектуальное развитие. Идею влияния литературы на сознание людей реализует

Эртель в своих повестях и романах. Нельзя исключать, что появление в произведениях Эртеля читающих и развивающихся героев было связано и с идеей «заразительности» искусства Л. Н. Толстого. Однако не редки в прозе писателя и ситуации предостережения – иллюстрации, что литература должна не отрывать от жизни, а способствовать её осмыслению и правильному выстраиванию.

В конце XIX в. и даже начале XX в. чтение было доступно далеко не всем слоям населения пореформенной России, хотя ценность грамотности в обществе осознавалась. А. М. Белов и О. Ю. Галинская, приводя сведения о распространении грамотности по Костромской и Ярославской губерниям, отмечают: «В начале пореформенного периода в Костромской и Ярославской губерниях из-за численного превосходства сельского населения над городским общий уровень грамотности был низким. Например, в Костромской губернии в 1867 г. доля безграмотных мужчин достигала 84%, а женщин – 98%. ... К началу XX в., на протяжении пореформенного периода, уровень грамотности в обеих губерниях значительно вырос. По данным переписи 1897 г., Ярославская губерния входила в число 10 губерний Европейской России с наиболее высоким процентом грамотности среди населения (36%), а Костромская губерния была на 16-м месте среди губерний Европейской России, с уровнем грамотности населения в 24%. В среднем по России данный показатель составлял 21%» [4, с. 35–36]. Именно поэтому закономерно, что в произведениях Эртеля читающими оказываются три класса, имевшие доступ к образованию: дворянство, купцы и разночинцы.

Представителям высшего сословия были доступны любые литературные труды. А выбор книг во многом определял уровень кругозора и специфику мировоззрения дворян. Эртель изображает героев разных нравов и убеждений. Есть в его произведениях представители консервативных взглядов, истинные аристократы, литературные пристрастия которых осно-

ывались на романтических сочинениях и поэзии «чистого искусства». Таким является потомственный дворянин Карамышев в очерке «Липяга» из цикла «Записки Степняка». Стараясь произвести впечатление на юную невесту Любу, Сергей Львович увлечённо повествует ей «автобиографию “великого старца”» Гёте, приводит анализ его произведений «Герман и Доротея», «Римская элегия», «Ифигения в Тавриде», акцентируя внимание на особой ценности зарубежной литературы в формировании мировосприятия человека. Обращаясь к отечественным писателям, Карамышев выделяет творчество Лермонтова, уважая его за «роскошный перевод» Гёте. Весьма высоко оценивает он творчество Пушкина за «Каменного Гостя» и снисходительно прощает поэту его слабости в «Цыганах» и «Полтаве».¹ Избирательность Карамышева иллюстрирует его ограниченность. Не случайно Карамышев выделяет именно «Каменного гостя», ведь эта поэма представляет переосмысление легенды о Дон-Жуане, действие которой происходит в Мадриде XVII в., а главным её героем является Дон Гуан, испанский дворянин. В литературном выборе героя прослеживается интерес к культуре зарубежья, ставшей для Карамышева приоритетной, позволяющей окунуться в чувственность, которой ему не хватает в условиях России. Развёрнутый анализ «Дианы» Фета приводит жених, убеждённый, что именно этот образ соответствует идеалу Любаши: «Прелестна эта строгая простота и ясность античного идеала, и, по-моему, идеала будущего».² Однако девушка скучает и томится рядом с женихом, который совсем не понимает её духовного мира. В её позе и взгляде читалась «тоска, так несвойственная творениям “уравновешенной” Эллады», которая «нарушала иллюзию и портила сходство», но игнорировалась Карамышевым.³

Героиня изображена совсем другой, нежели её жених: представительни-

цей читающий интеллигенции. Любаша Обозинская из древнего дворянского рода, судьба её predetermined по рождению – она должна стать примерной супругой уважаемого и влиятельного человека. Однако героиня выбирает другой путь. Наперекор всем условностям дворянской среды Люба решает стать подружкой будущего врача, народника Лебедкина, ценности и убеждения которого она абсолютно разделяет. Карамышеву же несостоявшаяся невеста откровенно заявит: «Вы мне клетку золотую готовите... вы презираете народ, а я читала, я знаю, я “Miserables” читала, я читала газеты... Они – несчастные, они – голодные, а вы... про Фета распеваете... Вы меня не обманете – я уйду, я убегу к ним, я насмотрюсь на их голод, на их гнойное рубище... А вы оставайтесь с своим Фетом и любите другую!»⁴ Круг литературных интересов Любы обширен и объясняется спецификой мировоззрения героини. Обратим внимание, что современные газеты и «Отверженные» В. Гюго противопоставляются произведениям «чистого искусства». Эртель отмечает произведения демократической литературы, прочитанные Любой (и высоко оценённые самим писателем в плане воззвания к молодёжи). Люба читала роман «Шаг за шагом» И. В. Омулевского, получившего в 1870-е гг. особое признание в среде писателей революционно-демократических интересов, повесть «Мещанское счастье» Н. Г. Помяловского – видного писателя-реалиста 1860-х гг., повесть «Трудное время» В. А. Слепцова – писателя-демократа, отстаивавшего в своих работах интересы народа. Сама героиня готова идти в народ и разделить с ним его тяжёлую долю. Неудивительно, что в финале очерка Люба решается на побег с Фёдей Лебедкиным: «Мы бросим наши семьи, наших отцов и матерей и пойдём к нему, к великому страдальцу, в его ранах забыть свои раны, в его несчастьях сохранить свои».⁵ Таким образом, выбор книг и формирование двух

¹ Эртель А. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Московское книгоиздательство, 1909. С. 86.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Эртель А. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Московское книгоиздательство, 1909. С. 116.

кругов чтения героев прочно связаны с их убеждениями, кроме того, в Любе горит идейный огонь. Упоминание книг в очерке позволяет усилить конфликт поколений и классов, а также подвести действие повести к кульминации.

Большое значение имеет чтение в складывании характера и типа героя в повести «Минеральные воды». Максим Шигаев, купеческий сын, по недосмотру родителей не попадает в гимназию, остаётся «вкусать сладости беспорядочного домашнего образования», а потом получает неограниченный доступ к книгам. Эртель демонстрирует, что это и хорошо, и плохо: Максим развивается и получает знания из книг, однако «воображение его было заткано целою сетью ярких образов и фантастических представлений».¹ Всё образование героя и его опыт складывают книги. Сначала Максим мечтает о славе и известности: «Он по очереди мечтал видеть себя то великим полководцем, покоряющим мир, начитавшись истории Наполеона с картинками Гораса Верне; то великодушным разбойником на манер Кирджали или Дубровского; то таинственным и своенравным богачом подобно графу Монте-Кристо; то удалым запорожцем вроде Тараса Бульбы».² Эртель показывает, что книги способны сыграть и недобрую службу в бессистемном чтении необразованного человека, не имеющего серьёзного руководства. Впечатлительный Максим обуреваем не только размышлениями, но и чувствами, с которыми не может совладать, а такое становление не идёт на пользу герою: «Между тем, за романами пошли книги иного склада. И вот, когда пылкая проповедь Писарева и других публицистов вторглась в сознание Максима, когда явились переложённые на упрощённый лад и Бокль, и Огюст Конт, и Дарвин, и Лассаль, – всё больше задним числом и в беспорядочном сочетании, – Максим не то,

чтобы ошалел, но как-то *расплылся и жестоко затосковал*» (курсив наш. – И. С.).³

Своеобразная бессистемность чтения характерна и для героя романа «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» Николая Рахманного. Этот герой самостоятельный и упорный, пусть его чтение несколько хаотично, однако благодаря жизненной сметливости Рахманный избегает перегибов. В отличие от героев других повестей, Николай сумел применить накопленные в ходе самообразования знания в условиях меняющейся пореформенной действительности. Найти свой истинный путь, сформировать круг правильных ценностей, сохранить богатый и чистый внутренний мир во многом помогли Николаю люди, ставшие его нравственными ориентирами на разных жизненных этапах. В «Гардениных...» Эртель вновь использует также образ героя, списанный со своего тестя (образ читающего купца): «Николай в романе тянется к научным зданиям, но ему часто не хватает опыта, понимания основ, именно поэтому с большим восторгом слушает он купца Косьму Васильевича Рукодеева, рассказывающего о последних литературных журналах, необходимости посещения библиотеки» [5, с. 78], «непродолжительным окажется влияние на Николая Ильи Финогеныча Ефорова, купца демократических взглядов, видевшего путь спасения общества в лояльных мягких методах воздействия (повсеместном просвещении, беседах, книгах и т. д.)» [5, с. 78]. Но особенность ситуации Рахманного в том, что он слышит о литературе и разных книгах не от одного человека, вокруг него несколько образованных и грамотных героев, включая народного праведника Ивана Федотыча. Именно эти персонажи сформируют круг литературных интересов Рахманного, ставший мощным фундаментом для развития личности юноши.

Важным для развития сюжета мотив чтения окажется в повести «Две пары». Семейная чета интеллигентов Сергей Петрович и Марья Павловна, перебрав-

¹ Эртель А. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Волхонская барышня. Минеральные воды. М.: Московское книгоиздательство, 1909. С. 210.

² Там же.

³ Там же. С. 212.

шись жить на небольшой хутор, стараются сблизиться с народом. Это добрые и открытые люди, но особенности мировосприятия и нрава крестьян они знают только понаслышке, а ещё по не очень достоверным книгам. Это порождает бездну недопонимания между героями и народом, а попытки сближения провоцируют лишь конфликты в паре. Осенними вечерами Сергей Петрович и Марья Павловна всё больше молчат в компании друг друга: «...читали они журналы, так называемых классиков, но мало говорили по поводу прочитанного».¹ Лишь один раз предлагает Марья Павловна вместе почитать Маркса, ведь многое из мыслей и теорий писателя ей оказалось непонятным. В этом желании изучить и понять суть теории Маркса раскрывается положительное стремление героини разобраться в истинном положении дел не только экономического вопроса, волновавшего всё интеллигентное общество пореформенной России, но и острых социальных проблем. В статье «Об актуальности идей Карла Маркса» В. В. Миронов отметил целый комплекс философско-антропологических идей, изложенных Марксом, «связанных с пониманием человека как существа, преобразующего мир», а также «о ценности человеческой личности, интересы которой могут стоять выше интересов классовых» [6, с. 11]. По сей день учение Маркса является одним из самых обсуждаемых, спорных и актуальных одновременно. Однако для барышни, чей литературный кругозор складывался на основе романтической литературы XIX в., труды немецкого философа, социолога оказались непосильны. А Сергей Петрович не прилагает усилий, чтобы объяснить супруге что-либо.

Эртель прекрасно показывает, что готовые к усадебной жизни, организованной за счёт эксплуатации крестьян, эти дворяне-интеллигенты, одолеваемые прекрасными мечтами сближения с народом, терпят глубокий кризис, как только *дело доходит до любых сложностей*: «Сергей Петрович

с таким неудовольствием и с такой сбивчивостью объяснял непонятное для неё», что на третий день, по обоюдному молчаливому согласию, чтение было заброшено, и «стали читать *Дачу на Рейне* Ауэрбаха».² Не случайно Этель вводит в повествование именно этот роман немецкого писателя. Автор даёт нам своеобразную подсказку, необходимую для раскрытия характеров героев и причин их неудач на поприще решения народного вопроса. В «Даче на Рейне» Ауэрбаха граф Клодвиг, которого Д. А. Чугунов в статье «И. С. Тургенев и Б. Ауэрбах» называет «образцом дворянина» [7, с. 60], размышляет об особой социальной функции представителей дворянства: «Дворянство есть не что иное, как традиция того, что было создано силой ума и характера, и этот капитал сделался наследственным правом или, вернее, обязанностью. Дворянин – это человек, в котором природа и история соединяются в одно, и постоянно возобновляющийся человеческий род сохраняет таким образом нравственную связь с прошлым».³ Таким образом, чтение героями «Дачи на Рейне» взамен начатого и непонятого Маркса даёт нам ответ на вопрос, почему Сергей Петрович и Марья Павловна не смогут сойтись с народом. Сама их дворянская природа противится этому, одного лишь желания оказывается недостаточно, чтобы изменить мужиков. Необходимы в этой ситуации и личное самосовершенствование, и адаптация под культурные традиции и нравы крестьянства, и ежедневный систематический труд и общение с народом.

Попытки Сергея Петровича устроить личное счастье крестьянской пары Фёдора и Лизутки претерпевают полный провал, несостоявшегося свата с позором выставляет вон из избы отец невесты: «Ступай-ка, барин, по добру по здорову, – в чужие дела не вламывайся!»⁴ Для мужиков Сергей

² Там же.

³ Ауэрбах Б. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Дача на Рейне. Роман: в 3 ч. Ч. 3 / пер. под ред. И. Семенова. М.: М. В. Ключкин, 1900. С. 667.

⁴ Эртель А. И. Волхонская барышня: повести / сост. К. Ломунов. М.: Современник, 1984. С. 305.

¹ Эртель А. И. Волхонская барышня: повести / сост. К. Ломунов. М.: Современник, 1984. С. 312.

Петрович так и останется барином, привычки и взгляды на жизнь которого разительно отличаются от традиций крестьянства. Такое же разочарование ощутит Марья Павловна. Книжное представление о крестьянках, сформированное чтением поэм Н. А. Некрасова «Коробейники» и «Кому на Руси жить хорошо», будет развенчано столкновением с реальными деревенскими девками: «...всё-то в совокупности произвело на неё впечатление живейшей досады и тоски... Ей досадно было на свою “глупость”, на смешное и нелепое “сближение и с народом”».¹ Таким образом, практика контакта дворянства с представителями народа окажется намного труднее, чем теория, изложенная в книгах: реальные люди оказались гораздо приземленнее книжных образов, тщательно продуманных и художественно обработанных.

В повести «Карьера Струкова» главный герой Алексей Васильевич Струков также изучает теории Маркса и даже пишет статью, в которой пытается разобраться в тонкостях некоторых экономических теорий: «Я только хочу сказать, что у Маркса есть мысли превосходно обоснованные, и есть такие, что только намечены. Я в своей статейке хотел доказать одну из последних, – или лучше не доказать, а отметить её значение в одной маленькой области фактов – в зависимости политических идей в Англии от колебания земельной ренты».² Эртелем создаётся художественная перекличка между двумя повестями. Интересно заметить, что героиня «Карьеры Струкова» Наталья также не понимает этих сложных учений: «Ну, я ничего не смыслю в этих экономических теориях, ну, я не различу: где Маркса и где... как его там, Рикардо, что ли?»³ Эта параллель подчёркивает, с одной стороны, низкий уровень женской эмансипации, которая в конце XX в. только начала набирать свои обороты. Женщины в повестях Эртеля хотя и высоко культурны, достаточно образованы, но по-прежнему

отстранены от вопросов политики и экономики, повсеместное право заниматься которыми оставалось за мужчинами. С другой стороны, чтение Струкова показывает потенциал, который был в него заложен, способности героя и его интеллект, но неспособность к практической реализации и продвижению в жизни.

Автобиографические элементы в произведениях писателя. Сходства и различия автора и читающих героев

Анализ повестей Эртеля, осмысление мотива чтения в них приводят нас к осознанию автобиографических моментов в художественных текстах, использования Эртелем при создании миров произведений собственного опыта, причём не всегда положительного. В автобиографии Эртель честно и правдиво показал и натуру своего тестя, и сложности с первой супругой, начавшиеся фактически сразу после женитьбы. В пожилом купце Григории Шигаеве, отце Максима и герое повести «Минеральные воды», знающий историю Эртеля читатель достаточно легко узнает его тестя Ф. И. Федотова. Эртель писал, что положение и судьба Ф. И. Федотова были достаточно схожи с историей его молодости. Фигура тестя стала для писателя своеобразным предостережением и уроком. Ф. И. Федотов, как и герой Эртеля Григорий Шигаев, очень любят читать, составляют домашнюю библиотеку. Однако писатель очень точно подмечает специфическое отношение обоих к прочитанному, становящееся порою слишком категоричным. Вот что Эртель писал в автобиографии о И. В. Федотове: «Посреди грязи и пошлости торгового люда... он каким-то чудом сохранил интерес к отвлечённой мысли, страстно любил читать, и так как был богат, до страсти полюбил и покупал книги. Таким образом у него составила библиотека тысячи в две томов. ... Начитанность у него была изумительная..., и вместе детское непонимание жизни, любовь к грубым словечкам, к циническим отзывам о делах и о людях...»⁴

¹ Эртель А. И. Волхонская барышня: повести / сост. К. Ломунов. М.: Современник, 1984. С. 274.

² Там же. С. 318.

³ Там же.

⁴ Эртель А. И. Письма А. И. Эртеля. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 16.

В «Минеральных водах», создавая характер Шигаева-отца, Эртель даже гиперболизирует эти черты в пространных описаниях героя и круга его чтения.

А в отношениях Струкова и его жены Наташи, в невозможности искреннего диалога и общения между ними угадываются первые конфликты самого Эртеля и его первой супруги, которая, по словам писателя, достаточно быстро после свадьбы отошла от дел мужа, перестала вникать в его сложности, помогать бороться с ними: «Очень быстро после женитьбы М. И. не только перестала руководить мной при выборе книг и вообще влиять на меня в моем умственном и душевном развитии, но даже до слабости подчинилась мне, не находя возражений ни против моих недостатков, ни против некоторых моих прямо нехороших и несообразных с “передовыми” книгами дел. Она оказалась хорошей хозяйкой, стала стряпать, стараться, чтобы всё было прибрано, и т. д. Пока я не находился в этом дурного, но “душою” незаметно отделился от неё».¹

Дело в том, что Эртель сам много занимался изучением вопросов современной экономики. Долгие годы управляя крупными именными, он осознавал необходимость развития и совершенствования своих знаний в различных отраслях торгового дела, социологии, политологии и др. Писатель всегда желал быть в курсе последних тенденций и открытий. Во время исследования библиотеки Эртеля в Воронеже О. Г. Ласунский был потрясён обнаружением двух книг В. И. Ленина: «Экономические этюды и статьи», СПб., 1899 и «Развитие капитализма в России», изд. М. И. Водовозовой. СПб., 1899. Исследователь отмечает: «Со вниманием изучал книгу Ленина Эртель. Своё сугубо особенное отношение к ней он подчеркнул даже внешне, пометив на обложке, помимо штампа, ещё и автограф. Беспощадная ленинская критика беспочвенных утопий народничества, несомненно, пришлась по вкусу писателю» [3, с. 75]. Это наблюдение

литературоведа ещё раз подчёркивает ошибочность тех исследователей, которые слепо относили Эртеля к писателям-народникам. Подтверждает эта находка и тот факт, что Эртель был увлечён некоторыми идеями марксизма. Как мы видим, этот интерес нашёл отражение и в его художественных произведениях, в круге чтения героев.

В последнем крупном романе Эртеля «Смена» главный герой, дворянин Андрей Мансуров также наделён автобиографическими чертами, в частности, кругом литературных интересов. В статье «У истоков русской рецепции Эдвина Арнольда» Д. Н. Жаткин и В. В. Сердечная анализируют важный эпизод романа, в котором Мансуров занимается переводом поэмы Арнольда «Свет Азии»: «перед героем стоит задача прочесть поэму через стиль ветхозаветного повествования» [8, с. 255]. Важно отметить, что за два года до завершения работы над «Сменой» сам Эртель трудится над переводом жизнеописания Будды. Работа производилась на основе незавершённой статьи Л. Н. Толстого «Сиддхартха, призванный Буддой». В письме В. А. Гольцеву от 15 октября 1889 г. Эртель пишет, что для стилизации «самым подходящим казался тон Ветхого завета: великолепная наивность, пышная образность и вместе какая-то детская прозрачность мысли. Вот я и занят теперь, что поддерживаю язык Екклесиаста, Исакий и книги об Иове».² В этом же письме Эртель даёт намёк о задумке новой «небольшой повести. Название “Ночи безумные”..., содержание – секрет».³ Именно эта повесть и перерастёт впоследствии в роман «Смена», а работа Эртеля над переводом поэмы Арнольда будет отражена в труде Мансурова.

Однако если для Андрея Петровича перевод жизнеописания Будды «не путь к духовной работе, и не собственно работа, а своего рода средство эскапистского самозабвения и прокрастинации, способ занять ленивый мозг» [8, с. 255], то для Эртеля данный труд стал своего рода меди-

¹ Эртель А. И. Письма А. И. Эртеля. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 16.

² Там же. С. 176.

³ Там же.

тацией, расширением граней человеческого познания: «Я работаю с удовольствием, испытываю наслаждение в этом мире эпической мудрости и эпической красоты»¹, – пишет он Гольцеву в том же письме.

Несмотря на эти отличия, исследователи считают Мансурова героем автобиографичным «и в смысле переложения истории Будды языком Ветхого завета, и в том, что перевод так и не был дописан» [8, с. 258]. Вот только Мансуров бросит перевод неосознанно, поддавшись своей слабости, погрязнув в развлечениях «ночей безумных». Работа же Эртеля будет неоднозначно оценена Толстым. С одной стороны, он отметит, что «переделка Эртеля очень хороша», но за «библейский тон» Толстой перевод осудит, пометив, что «упростить – выиграет».² В этой цитате мы видим отражение тяги Толстого к концентрации на эпических константах жизни [9, с. 25] и реализацию важного толстовского принципа опрощения, который повсеместно распространялся на частную жизнь писателя, его литературную деятельность, язык его произведений: «В области языка, как и во всей своей художественной работе, Толстой борется за правду и простоту, за реализм, за беспощадное разоблачение словесных штампов, ходячих фраз, за точное, неприкрашенное изображение жизни в художественном и публицистическом слове», – отмечает М. Малькова [10, с. 11].

Заключение

Таким образом, мотив чтения, отражённый в произведениях Эртеля, можно признать одним из важнейших во всём его

творчестве, глубинным образом связанным с автобиографическими элементами в наследии писателя. Круг литературных интересов его героев во многом отражает предпочтения самого автора, предостерегает читателя от ошибок не только в чтении, но и в жизни. Произведения Эртеля разных периодов творчества позволяют говорить об изменении круга чтения самого писателя и смещении его ценностных ориентиров. В произведениях Эртеля первого периода творчества преобладают демократические настроения, ещё не разочаровавшийся в народническом движении писатель активно противопоставляет литературу «чистого искусства» (поэзию А. А. Фета) и произведения народников. Позднее на первый план выходит идея просвещения народа, автобиографический герой в романе «Гардерины», Николай Рахманный много читает для того, чтобы разобраться в жизни. В завершающий период творчества сам Эртель обращается к публицистике и переводам, несколько отходит от чисто практической деятельности к чтению абстрактному. В этот же период, в 1890-е гг., Эртель изображает всё больше недеятельных героев из дворян, не сумевших встроиться в новые реалии жизни. Однако между самим писателем и его философски настроенными эстетамы есть большая разница: Эртель предпочитал систематический труд на земле и помощь народу, в то время как его герои оказались неспособны к практическим решениям. Мотив чтения, образ книги в наследии писателя говорят о его обширном кругозоре, помогают выявить разные этапы становления и эволюции его таланта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скороходов М. В. Чтение и библиотека в русской литературной традиции (от помещиц усадьбы до дачи советского периода) // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 3. С. 202–217. DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-3-202-217.
2. Андреева В. Г. Эпистолярное наследие Л. Н. Толстого рубежа XIX–XX веков: мотив чтения в усадьбе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6–1. С. 80–90. DOI: 10.20339/PhS.6-21.080.

¹ Эртель А. И. Письма А. И. Эртеля. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 176.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 86. Письма к В. Г. Черткову. М.: Художественная литература, 1937. С. 275–276.

3. Ласунский О. Г. Власть книги: рассказы о книгах и книжниках: в 2 кн. Кн. 1. М.: Книга, 1980. 208 с.
4. Белов А. М., Галинская О. Ю. Об уровне грамотности населения Костромской и Ярославской губерний в кон. XIX – нач. XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 4. С. 34–40. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-4-34-40.
5. Смирнова И. Ю. Особенности архитектоники романа А. И. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Специальный выпуск. С. 71–81.
6. Миронов В. В. Об актуальности идей Карла Маркса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 9–11.
7. Чугунов Д. А. И. С. Тургенев и Б. Ауэрбах: к сравнительной характеристике двух творческих систем // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 1. С. 52–71.
8. Жаткин Д. Н., Сердечная В. В. Рецепция поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии» и идеи буддизма в творчестве Льва Толстого и «толстовского круга» // Два века русской классики. 2025. Т. 7. № 1. С. 240–263. DOI: 10.22455/2686-7494-2025-7-1-240-263.
9. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский / под науч. ред. В. Г. Андреевой. Кострома: Костромской государственный университет, 2022. 512 с. DOI: 10.34216/russian-epic-novel-2022.
10. Малькова М. Ю. Язык произведений Л. Н. Толстого // Филолог. 2009. № 9. С. 11.

REFERENCES

1. Skorokhodov, M. V. (2023). Reading and a Library in the Russian Literary Tradition (From the Landowner's Estate to the Dacha of the Soviet Period). In: *Two Centuries of the Russian Classics*, 5 (3), 202–217. DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-3-202-217 (in Russ.).
2. Andreeva, V. G. (2021). The Epistolary Legacy of L. N. Tolstoy at the Turn of the 20th Century: The Motif of Reading on the Estate. In: *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 6 (1), 80–90. DOI: 10.20339/PhS.6-21.080 (in Russ.).
3. Lasunsky, O. G. (1980). *The Power of a Book: Stories about Books and Scribes. Bk. 1*. Moscow: Kniga publ. (in Russ.).
4. Belov, A. M. & Galinskaya, O. Yu. (2023). On the Literacy Level of the Population of the Kostroma and Yaroslavl Provinces in the Late 19th – Early 20th Centuries. In: *Bulletin of Kostroma State University*, 29 (4), 34–40. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-4-34-40 (in Russ.).
5. Smirnova, I. Yu. (2024). Features of the Architectonics of A. I. Ertel's Novel "The Gardenins, Their Servants, Supporters, and Enemies." In: *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, S, 71–81 (in Russ.).
6. Mironov, V. V. (2018). On the Relevance of Karl Marx's Ideas. In: *Lomonosov Philosophy Journal*, 5, 9–11 (in Russ.).
7. Chugunov, D. A. (2004). I. S. Turgenev and B. Auerbach: Towards a Comparative Characteristic of Two Creative Systems. In: *Bulletin of Voronezh State University. Series: Humanities*. 2004. No. 1. Pp. 52–71.
8. Zhatkin, D. N. & Serdechnaya, V. V. (2025). Reception of Edwin Arnold's Poem "The Light of Asia" and the Ideas of Buddhism in the Works of Leo Tolstoy and the "Tolstoy Circle." In: *Two Centuries of the Russian Classics*, 7 (1), 240–263. DOI: 10.22455/2686-7494-2025-7-1-240-263 (in Russ.).
9. Andreeva, V. G., ed. (2022). *The Phenomenon of the Epic Novel in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky*. Kostroma: Kostroma State University publ. DOI: 10.34216/russian-epic-novel-2022 (in Russ.).
10. Malkova, M. Yu. (2009). The Language of L. N. Tolstoy's Works. In: *Philologist*, 9, 11 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Ирина Юрьевна (Кострома) – преподаватель Костромского областного медицинского колледжа имени С. А. Богомолова;

ORCID: 0009-0004-4663-0160; e-mail: Irisbaltsan@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Yu. Smirnova (Kostroma) – Teacher, Kostroma Regional Medical College named after S. A. Bogomolov, Kostroma;

ORCID: 0009-0004-4663-0160; e-mail: Irisbaltsan@mail.ru

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-136-145

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПЕРЕЛОМНУЮ ЭПОХУ ПО РОМАНУ А. Н. ТОЛСТОГО «ПЁТР ПЕРВЫЙ» (НА ПРИМЕРЕ СТОЛЬНИКА ВАСИЛИЯ ВОЛКОВА)

Червоненко С. М.

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
Мытищинский филиал, г. Мытищи, Российская Федерация
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

Поступила в редакцию 15.09.2025

После доработки 02.12.2025

Принята к публикации 16.12.2025

Аннотация

Цель. Раскрыть тему становления личности, показать внутренний психологизм перестройки мировоззрения человека под влиянием новых западноевропейских тенденций в петровскую эпоху, прояснить место конкретного образа в контексте общей композиции романа.

Процедура и методы. В центре внимания образ стольника Василия Волкова. Через поэтику раскрытия данного художественного образа сделана попытка проанализировать главные проблемы романа А. Н. Толстого «Пётр Первый». Для раскрытия темы используются аналитический и сравнительный методы исследования художественного текста. Даётся подробное и всестороннее осмысление характера героя, что помогает не только в раскрытии сложного образа, но и подводит к пониманию затрагиваемых автором глобальных нравственных вопросов изменения уклада российского государства под влиянием европейских нововведений. Используемый сравнительно-аналитический метод позволяет исследовать особенности психологической борьбы, которая происходит внутри героя. Именно они становятся прообразом внешнего столкновения между старыми устоями и новыми тенденциями.

Результаты. В ходе анализа текста романа показывается, как А. Н. Толстой через конкретные персонажи, особенности характера, психологизм, поведение, речь героев выводит читателя к пониманию глобальных духовно-нравственных аспектов жизни петровского времени, затрагивает нравственно-философские проблемы столкновения восточной и западной культур и сохранения русской самобытности. Выявлены стилистические и художественные особенности, помогающие автору раскрыть полноту социальных явлений того периода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данное исследование подтверждает, что даже образы героев второго плана несут в творчестве А. Н. Толстого особую смысловую нагрузку. Значимость работы заключается в углублённом и конкретном осмыслении пластического воплощения заявленной темы. Результаты и содержание статьи могут быть использованы в комментариях научных монографий о писателе, а также в преподавании русской литературы.

Ключевые слова: герой, европейские тенденции, идея, мировоззрение, нравственность, проблема, психологизм, уклад, характер

Для цитирования:

Червоненко С. М. Проблема становления личности в переломную эпоху по роману А. Н. Толстого «Пётр Первый» (на примере стольника Василия Волкова) // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 136–145. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-136-145>.

Original research article

THE PROBLEM OF PERSONALITY FORMATION DURING PIVOTAL ERA ON EXAMPLE OF A. N. TOLSTOY'S NOVEL "PETER THE GREAT"

S. Chervonenko

Bauman Moscow State Technical University, Mytishchi branch, Mytishchi, Russian Federation
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

Received by the editorial office 15.09.2025

Revised by the author 02.12.2025

Accepted for publication 16.12.2025

Abstract

Aim. To consider the topic of personality formation, to show the internal psychology of the restructuring of a person's worldview under the influence of new Western European trends during the Peter the Great era.

Methodology. The study is focused on Vasily Volkov, the steward. Through the poetics of revealing this artistic image, an attempt is made to analyse the main problems of A. N. Tolstoy's novel "Peter the First." Analytical and comparative methods of researching a literary text are used to consider the topic chosen. A detailed and comprehensive understanding of the hero's character is provided, which helps not only in revealing the complex image, but also leads to an understanding of the global moral issues, raised by the author, concerning the transformation of the Russian state's way of life under the influence of European innovations. Attention is paid to the psychological struggle. The overwhelming doubts that assail the hero are shown. It is these doubts that become the prototype of the external confrontation between old foundations and new trends.

Results. The analysis of the novel's text demonstrates how A. N. Tolstoy, through specific characters, their traits, psychology, behaviour, and speech, leads a reader to an understanding of the global spiritual and moral aspects of life at that time, and touches upon the moral and philosophical problems of the clash between Eastern and Western cultures and the preservation of Russian identity. The stylistic and artistic features that help the author to reveal the fullness of the social phenomena of that period are identified.

Research implications. This research confirms that even secondary characters add a special meaning in A. N. Tolstoy's work. The significance of the work lies in its in-depth and specific understanding of the plastic embodiment of the topic chosen.

Keywords: hero, European trends, idea, worldview, morality, problem, psychologism, way of life, character

For citation:

Chervonenko, S. M. (2026). The Problem of Personality Formation During Pivotal Era on Example of A. N. Tolstoy's Novel "Peter the Great". In: *Russian Studies in Philology*, 3, 136–145. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-136-145>.

Введение

Произведение А. Н. Толстого «Пётр Первый» до сих пор представляет интерес для исследователей, т. к. в нём автор затронул многие животрепещущие темы, актуальные и по сей день. «Художественная идея о самораскрытии человека ... о соборности духа и коллективизма как последней

защиты человека в эпоху разрушения и хаоса ... была, как мы знаем, одной из центральных идей художественной идеологии этого времени» [1, с. 208]. Многие исследователи обращаются к проблеме становления личности в рассматриваемом романе, акцентируя внимание в первую очередь на личности самого Петра, поэтому подробно

не обращаются к поэтике раскрытия второстепенных персонажей.

В ткань повествования автором постоянно вводятся те или иные исторические или вымышленные герои с целью раскрытия главных тем произведения и осмысления влияния нововведений петровской эпохи не только на уклад и быт, но и формирование мировоззрения личности. Одним из таких героев является Василий Волков. Потомственный боярин он так же, как и все, вынужден подстраиваться под новые порядки. На протяжении романа писателем показана трансформация характера героя.

Психологические черты характера царского стольника

Следует отметить, что стольник Волков, как и Бровкин, появляется уже в самом начале повествования. Эти два героя тесно переплетаются между собой не только по сюжетной линии: молодой герой становится зятем Бровкину, женившись на его дочери, но и тем, что Толстой показывает их глазами окружающую действительность. Мысли Ивана Артемича о бедственном положении крестьян подытоживает уже в следующей главе и Волков. «Ну, ладно... Того подай, этого подай... Тому заплати. Этому заплати... Но – прорва, – эдакое государство! – разве её напитаешь? От работы не бегаем, терпим. А в Москве бояре в золотых возках стали ездить. Подай ему и на возок, сытому дьяволу. Ну, ладно... Ты заставь, бери, что тебе надо, но не озорничай... А это, ребята, две шкуры драть – озорство» (с. 9–10).¹ В этих простых словах героя Толстой показывает то бедственное положение, в котором находился народ после правления царя Алексея Михайловича. «Государевых людей ныне развелось – плюнь, и там дьяк, али подьячий, али целовальник сидит, пишет... А мужик один... Ох, ребята, лучше я убегу. Зверь меня в лесу заломает, смерть скорее, чем это озорство... Так вы долго на нас не прокормитесь» (с. 10).

¹ Здесь и далее цит. по: Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1986. 869 с. В скобках указывается страница.

Вся система государственного управления, бюрократический аппарат (дьяки, подьячие, целовальники), поведение высшей знати (бояре в золотых возках) обрисованы несколькими штрихами, но чётко и ярко. Такое положение вещей подталкивает более слабые натуры в бега, в леса, подальше от тяжестей крестьянской жизни. В подтверждение этого внутреннего монолога Толстой приводит диалог молодых дворян, столкнувшихся с проблемами и на царской службе, и в жизни: «Тебе ... Василий, ещё многие завидуют... А ты влезь в мою шкуру. Нас у отца четырнадцать. Семеро повёрстаны в отвод, бьются на пустошах, у кого два мужика, у кого трое, – остальные в бегах. Я, восьмой, новик, завтра верстаться буду. Дадут погорелую деревеньку, болото с лягушками... Как жить? А?» (с. 13). Таким образом, Алексей Толстой уже с первых строк обрисовывает бедственное положение и крестьянства, и мелкого дворянства, а через них тяжёлое экономическое положение страны в целом: «Все народы живут в богатстве, в довольстве, одни мы нищие...» (с. 14), – рассуждает в унисон со своим мужиком и дворянин. И единственный выход оба героя видят в бегах. Бровкин в лес, а Волков на запад: «Король бы какой взял нас на службу – в Венецию, или в Рим, или в Вену... Ушёл бы я без оглядки...» (с. 14)

И, как ни странно, первые упоминания о Европе читатель слышит из уст именно Василия Волкова. Он с восторгом рассказывает о посещении немецкой слободы: «А как вошёл я за ограду, – улицы подметены, избы чистые, веселье, в огородах – цветы... Иду и робею и – дивно, ну будто во сне... Люди приветливые и ведь тут же, рядом с нами живут. И – богатство! Один Кукуй богаче всей Москвы с пригородами...» (с. 14). Но уже в середине романа, будучи женатым на Александре Бровкиной, жаждущей поехать в Европу, в Париж, герой меняет своё отношение, т. к. меняется его характер, наблюдается постепенная трансформация образа. Приём контраста, используемый автором, помогает в раскрытии этих метаморфоз.

Если в начале произведения он, с одной стороны, понимает бедственное положение крестьян и сам в нём находится, то с другой – это властный и деспотичный хозяин, который жестоко обращается с людьми, что и показано в двух сценах с семьёй Бровкиных, когда у старшего сына, Алёши, украли хозяйское снаряжение и когда Иван Артемич привёз для боярина провизию. Особенно ярко гнев и сумасбродство молодого Волкова показаны в эпизоде с наказанием Бровкина: «Перед ним стоял Василий Волков. Как и пододбает господину, – брови гневно сдвинуты, глаза строгие, пронизывающие ... – Ты чего привёз? Ты его мне привёз, пёс паршивый! – неистово закричал Волков. – Воруете! Заворовались! – Дёрнул из воза кнут и начал стегать Ивашку ... Кнут переломился в черенке. Волков, разгораясь, схватил Ивашку за волосы» (с. 126–127).

Особое место занимает сцена сватовства. Она становится неким образом-символом соединения крестьянского и дворянского миров под началом правления царя Петра.

Изменения в герое происходят постепенно. Будучи образованным и не глупым человеком, на что указывает прочтение книги, данной князем Голицыным его крестному отцу, он постепенно лишь приспособляется к жизни, к новым условиям. Толстой изображает все слои общества в романе. Наряду со сподвижниками и яркими антагонистами автор показывает и тех, кто принимает новые условия, т. к. другого способа выжить у них нет. И если среди старшего поколения бояр это особенно ярко показано в князе Романе Борисовиче Буйносове, то среди молодых – в образе Василия Волкова.

Со временем в нём просыпается русская лень; материальная сторона жизни, благодаря тестю и собственной службе, постепенно налаживается, а большего ему и не нужно, он практически безвольно плывёт по течению, подчиняясь прихотям супруги. И если в начале романа мечтает сбежать в Европу, то в книге второй для него это уже становится тяжёлой обязанностью. А

мысль ехать вместе с женой и вовсе невыносима: «Шалая какая-то стала. Вбила в башку – Париж, Париж... Только её там и ждуг... Спим теперь врозь» (с. 465).

Внутренний мир героя, его характер более широко раскрываются уже в путешествии по Европе, автор больше уделяет внимания художественному пространству для раскрытия этого образа, чтобы показать динамику внутренних изменений. Вначале это слабовольный, нерешительный человек. Писатель стущает краски, чтобы вызвать осуждение и упрёк в адрес героя, с одной стороны, но с другой – придаёт авантюрные нотки происходящему, создавая интригу, разрешение которой позволяет раскрыть основные психологические черты не только героя, но и перейти к более глубоким проблемам развития государства.

Волков находится под влиянием своей взбалмошной супруги. Понимая, что такую жизнь вести нельзя, он практически ничего не делает, чтобы остановить Александру. Толстой тонко подмечает, как неопытность простой крестьянки чуть не стала роковой. Попадая за границу, она «со всем пожаром души своей кинулась в это веселье. Только меняла платья и мокрые сорочки, обтиралась душистой водой и снова, похудевшая, высокая, вся пропитанная музыкой, гордо кланялась в мэнуге, как бешеная крутилась в польском» (с. 541). Этот эпизод становится основополагающим в понимании конфликта их семейных отношений.

Особое место из многообразия художественных средств в данном описании приобретает деталь, «которая не является реквизитом, а подчинена исторической концепции», приобретает особое значение [2, с. 239]. Сильная и волевая натура Волковой подчиняет себе супруга. Из горделивого, вспыльчивого дворянина он превращается в подкаблучника. Мужское достоинство постепенно утрачивается, на это автор указывает яркой деталью: Василий не носит при себе шпагу, а в то время любой уважающий себя дворянин не расставался с этим оружием. Шпага символизировала не только статус офице-

ра или государственного мужа, но и честь, доблесть её носителя. В критическую минуту он даже не может её найти, а обнаруживает «под ворохом Санькиных юбок...» (с. 543) Писатель явно вкладывает иронический подтекст в данную ситуацию, когда герой становится практически безвольным, его дворянское достоинство подчиняется женским прихотям. Он не может отстоять не только свою честь, но и честь супруги, запутавшейся в светских развлечениях, которые ведут к трагическим последствиям и нравственному падению.

Алексей Толстой здесь с психологической точностью обрисовывает состояние и положение неопытных героев, попавших в водоворот светских развлечений, которыми наполнена Европа. Санька не может остановиться в силу своей горячей натуры, писатель не раз в этом эпизоде указывает на пожар души героини, «глаза такие – будто пожар в доме, беда стряслась» (с. 541). Этот прямой намёк на утрату мужского достоинства, намёк на надвигающуюся беду. Ощущение трагедии постоянно присутствует благодаря активному использованию автором несобственно-прямой речи, которая «проступает в слове повествователя как попытка продлить время высказывания героя, его странственная коммуникация с другими персонажами» [3, с. 190–191]. Этот приём Толстой постоянно использует при описании завтраков, обедов и ужинов у поляков. Автор обращает внимание, что Василий понимает бедственность положения, но как муж не останавливает супругу: «Опять сидели за столом, – в смятении. И стыд и гнев. Тут – явный сговор. Обжоры эти спивают его... Бежать за шпагой, – биться? Хорошо государев посланный...» (с. 543).

Толстой вводит этот эпизод ещё и для того, чтобы показать простоту и в чём-то наивность русского народа по сравнению с европейским, в данном случае польским обществом, погрязшем в разнузданной жизни, в проведении постоянных кутежей, пиров и балов. У семьи Волковых определённая государственная миссия в Европе. Вместо того, чтобы её выполнять, оба увя-

зают в польских интригах. Писателем создаётся атмосфера неизбежной трагедии. Василий понимает, что «никуда не годится так жить» (с. 542). Мысленно уговаривает супругу: «Голубушка, Санечка, собираться надо, довольно» (с. 541), но на большее его не хватает. Александра чувствует эту неуверенность мужа и пытается его расшевелить. Но ей главное – острота ощущений, этот пожар чувств, на который несколько раз указывал Толстой. Не находя всего этого в супруге, не старясь понять его в силу молодости и неопытности, она начинает искать остроты ощущений на стороне. Их диалог становится тому подтверждением. Героиня несколько раз спрашивает супруга: «Вася, ты любишь меня? ... Скажи, как ты меня любишь?» (с. 541–542) На это герой только отмалчивается: «Что сказать на это? Вот чепуха бабья» (с. 542). Эти внутренние монологи-переживания как нельзя ярче характеризуют образ царского стольника: непросвещённый в делах амурных, он предпочитает, как и любой русский мужик, действовать, а не развлекать даму пусть и приятными, но пустыми словами, здесь нет у Толстого разграничений по социальному статусу. Этим автор обращает внимание на ещё одно существенное различие между русским и европейским менталитетом.

Этот диалог даёт возможность раскрыть понимание темы любви, а значит, и семьи. Героиня хочет быть «прекрасной дамой», постоянных доказательств пылких чувств, которых она в неограниченном количестве получает от поклонников, но не от своего супруга. Возникает вопрос: почему так происходит? Толстой вновь обращается к одной из главных проблем произведения. В Саньке очень быстро произошла подмена русских ценностей на европейские, поэтому она обращает внимание и принимает за правду внешнее проявление чувств, тогда как Василий внутри остаётся простым русским мужиком, для которого проявление галантности, нежностей и прочего не свойственно. Нет сомнения, что он искренне любит свою жену, на это указывают многочисленные внутренние монологи героя, но проявление любезностей, столь

широко распространённое в Европе, для него просто странно, «бабья чепуха», как он это называет. Для него любовь, пусть даже неосознанно, проявляется в сугубо духовном понимании по апостолу Павлу: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит» (1 Кор. 13:1–8).

Поэтому он уступает во всех спорах, исполняет любые капризы своей супруги, хоть и понимает, что во многом она не права, но перечить ей не может. «Стыдно и как будто не за что, а любил жену. В спорах – как начнёт она сыпать обидными словами – терялся» (с. 486), – описывает Толстой внутреннее смятение героя после очередной стычки Волкова с женой. Уже здесь в подобном поведении показана не только любовь к супруге, но и даются намёки на зачатки внутренних изменений, которые столь ярко проявятся уже в Европе.

Именно долготерпение, воспитанное праотцами в каждом русском человеке, помогает герою выносить все прихоти супруги. Т.е. постепенно внутренний мир героя меняется. Да, он ещё слаб, не может по достоинству ответить польским панам. Чувством унижения и стыда пронизан эпизод с подглядыванием в дверную щель, когда он видит жену с обольстителем: «Василию бы надо подступить гневно, потребовать сатисфакции у гордого поляка, но он только глядел в дверную щель, страдая от жалости...» (с. 543) С одной стороны, он ведёт себя безвольно и бесхарактерно, чем вызывает естественное осуждение. Но это лишь поверхностный взгляд на характер героя. Толстой показывает глубокое понимание сложившейся ситуации. Гнев, ярость, ревность, моментальный вызов на дуэль, так бы сделал любой европеец, но это показало бы лишь внутреннюю обиду героя от нанесённого ему оскорбления. А Волков испытывает жалость к супруге: «В её клонённой шее было что-то девичье и беззащитное: завезли за границу неопыт-

ную дурочку, бросили одну, обидят – только слёзы проглотит...» (с. 543) Вот из этого чувства жалости постепенно просыпается чувство собственной вины, понимания ответственности за происходящее. И только тогда он пускается: «А, пускай! Один конец» (с. 543). Автор в нём тонко показал одну из характерных черт русского народа, о которой точно подмечено в русской пословице: «русские долго запрягают, но быстро ездят».

Метаморфозы в характере героя

Следующая за этим эпизодом сцена дуэли помогает писателю вскрыть нравственные ориентиры западноевропейцев. Оба пана знают, что их возлюбленная замужем, но позволяют себе не только ухаживать за ней, но и драться за неё. Тем самым они ни во что не ставят её супруга, государева посланника. Подобное поведение показывает нелицеприятное отношение к русским в целом. Это не только пренебрежение, можно сказать, что Волков для них не существует, Толстой на это указывает одной фразой: «пан Владислав, налетая на него. “Не твоя, не позволим”» (с. 541). В двух этих обезумевших поляках показано нравственное и моральное разложение Европы. Писатель развенчивает романтическое представление о дуэлях за прекрасную даму, которые были столь популярны, и о «любовном романтизме», который впоследствии всё же стал «одним из краеугольных камней в системе ценностей дворянской культуры» [4, с. 24]. Им даже не сама прекрасная дама нужна, а лишь доказательство своего превосходства, и ради этого они готовы рисковать собственной жизнью, убивать соперника, хотя оба не имеют никакого права на данную особу.

И даже после этой сцены Василий проявляет терпение к супруге. Писатель лаконично описывает состояние героя: «Василий успокоился, когда отъехали вёрст с полсотни от пана Малаховского. Саньке он ни слова не поминал, ни о чём не спрашивал, но был строг» (с. 544). Подобное поведение можно трактовать не

как безразличие, а искреннее чувство любви, готовое на всепрощение и понимание.

Безусловно, метаморфоза в герое происходит под влиянием жены, её сильного и нетерпеливого характера. Из властного Волков постепенно становится спокойным, медлительным, но и более рассудительным. В нём постепенно просыпаются старозаветные устои, русская тяга к неспешной, спокойной жизни по старинке, без суеты: «Душе бы нежиться, как бывало в тихой усадьбе, под вой вьюги над занесённой крышей... Печь да сверчки, да неспешные, приятные думы» (с. 543). Здесь возникает образ родного дома, «тоска по когда-то бывшему раю, идеализация старинной дворянской усадьбы, уходящей в прошлое» [5, с. 15]. Топос *дом* здесь уже как «средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода» [6, с. 32], т. е. как *жилище* и как *микросм.* Необходимо отметить, что «усадебный идеал в художественной прозе практически всегда помещён в прошлое ... и дан как дар без всяких трудов и усилий» [5, с. 15], т. е. можно провести аллюзии с «земным раем», который был утрачен в результате петровских реформ.

Особенно актуальна тема дома, усадьбы, утраченного прошлого на стыке эпох, поэтому она приобретает особо значение в прозе и поэзии Серебряного века. К ней будут обращаться А. П. Чехов, Ф. К. Сологуб, И. А. Бунин, И. С. Шмелёв, Б. К. Зайцев и др. К ней обращается и А. Н. Толстой в своих ранних произведениях. Роман не стал исключением. В рассматриваемом эпизоде автор показывает не только тоску по дому, но и тоску по уходящей эпохе. По тем старозаветным ценностям, которые почитались на Руси. Писатель в нескольких простых штрихах даёт описание той жизни, по которой тоскует Волков. Они довольно простые, но за этой простотой стоит многовековая история с её глубоким духовным укладом, на которые указывают начальные слова из монолога героя.

Но Толстой не останавливается лишь на внутренних переживаниях персонажа. Он показывает, что такое тяготение постепен-

но развивает его, даёт внутренний толчок. Молодой дворянин не стремится изменить свою супругу, да это и невозможно, но меняется сам, посвящая себя наукам и корабельному делу.

Автор в нём показал смятение, столкновение старых устоев с европейской традицией. Это проявляется даже внешне. Мечты о Венеции, Риме и Вене, красота и внешняя гармония немецкой слободы сменяются неприглядностью, с которой встречает молодую семью европейский маленький городок: «Узкие, мрачные дома с открытыми крышами, с железными дверями – как вымершие, – разве высоко в окошке прильнёт к стеклу сердитое лицо в колпаке» (с. 553). Автор непревзойдённо создаёт особый антураж, «погружает читателя в мир Речи Посполитой, использует специальные термины и понятия, связанные с периодом магнатской “олигархии” XVII–XVIII вв.» [7, с. 279]. Радужные, романтические представления молодости сменяются холодной действительностью. На этом фоне взгляд героя обращается к Родине. Толстой вновь на контрасте изображает два полярных мира, которые начинают противоборствовать внутри героя. Тема этого внутреннего противостояния присутствует в той или иной степени в каждом персонаже. Волков не стал исключением. Писателю важно проанализировать путь изменения мировоззрения во всех слоях общества, показать, как меняется личность, в какой степени русская традиция сохранилась не только в крестьянстве, но в дворянском обществе.

И здесь основополагающим для понимания ситуации в целом становится внутренний монолог молодого дворянина: «По вечерам, отужинав, Василий сидел при свече, подперев щёку» (с. 553) – даже поза даёт намёк на что-то старинное, исконно русское: «Думал о жене, о Москве, о беспокойной службе. Как учили отцы, деда, – будь смирен, богобоязнен, чти старших, – нынче с этим далеко не уйдёшь» (с. 553). Здесь можно видеть прямое столкновение двух мировоззренческих позиций, на чём строится прежний уклад жизни и что диктует новый: «Вверх лезут – у кого когти и зубы.

Александр Меньшиков – дерзок, наглый, – давно ли был в денщиках, – губернатор, кавалер, только и ждёт случая выскочить на две головы впереди всех. Алёшка Бровкин жалован за набор войска гвардии капитаном: смело воевод за парики хватает. Яшка Бровкин – мужик толстопятый, зол и груб, – командует кораблём...» (с. 553)

Европейская система диктует свои порядки, меняются ценности, образ поведения, мысли, а как результат по службе продвигаются быстрее те, кто смог подстроиться под новое положение вещей. На первый план выходят не умственные способности, не благородство. Автор обращает внимание, что в петровскую эпоху многие талантливые и способные личности, как, например, Иван Артемич или Андрей Голиков, смогли выбиться в люди, но было и много таких, кто лишь воспользовался сложившейся ситуацией, быстрее всех приспособился, выбился на высокие посты нечестным путём. Тем самым Толстой ещё и ещё раз подчёркивает сложность петровской эпохи, её неоднозначность, и свою задачу автор видит в первую очередь в том, чтобы показать максимально точно внутренние и внешние перипетии, чтобы была возможность проанализировать пути развития России. Всё это в той или иной мере отражено в ткани повествования, и приведённый эпизод является тому примером.

Писатель несколькими набросками, но ёмко показывает петровских сподвижников не с лучшей стороны. Рассуждения Волкова продиктованы отчасти обидой и завистью, но в них есть и доля правды, и как реалист автор не может идеализировать новые тенденции в обществе. Поэтому хоть и несколькими штрихами, но даёт общую картину происходящего в придворных кругах. Толстой тонко подмечает, как должен меняться человек, чтобы достичь чего-то в жизни. В рассуждения героя вкладываются основные тенденции и направления будущего развития общества, показываются характеры и нравы приближённых к царю, каким путём они смогли выбиться. Герой здесь раскрывается по-новому. Он как будто со стороны

смотрит на происходящее, реально оценивает положение вещей и своё собственное. С его помощью автор добавляет важные психологические штрихи другим героям и эпохи в целом.

Западноевропейская традиция, особенно американская, направлена на пропаганду внешней деятельности: ценится активность, переходящая в погоню за материальными благами, достижением высоких постов и проч. Поэтому А. Толстой вводит сравнение с животными: «Вверх лезут – у кого когти и зубы» (с. 553), т. е., как у Кипплинга в «Книге джунглей», выживает сильнейший. Эта мысль и весь монолог героя созвучны мысли Н. Бердяева о том, что «историческая жизнь народов полна борьбы и движения. Принявший историю и историческую судьбу принимает и движение со всей его болью и мучительностью. Борьба народов за повышение и рост не может быть неподвижностью» [8, с. 227]. Таким образом, от нравственных идеалов, привитых в христианстве, человечество вновь обращается к первобытному в духовном плане образу жизни. Внешнее благополучие несёт внутреннюю деградацию. И несёт её именно западная традиция с культом наживы и материального благополучия.

Но древнерусские устои и быт Толстой не идеализирует, что даёт повод некоторым исследователям, например В. В. Аристову, делать упор именно на то, что «в самом поведении русских людей царит культ старины, страха и рабских порядков ... У большинства русских людей нет сознательности и тяги к знаниям, процветает жестокое отношение друг к другу, которое прикрывается внешним благочестием и православием» [9, с. 198]. Но это далеко не так. Алексей Толстой лишь всесторонне изображает быт и нравы русского народа того времени, не идеализируя, но и не сгущая краски, избегая многих натуралистических картин и эпизодов.

Вводя фразу с наказанием жены сразу после неблагоприятной характеристики нескольких видных деятелей того времени, автор данной деталью не столько стремится показать жестокость старозаветных устоев,

точнее их переделывание на свой лад народом, но внутреннюю боль, обиду героя на супругу: «Ах, Санька, Боже мой, Боже мой!.. Другой бы муж плетью ей всю спину исполосовал...» (с. 553) И то эта злость лишь в мыслях, герой уже не может поднять руку на женщину, хотя её поведение оставляет желать лучшего. Упоминание о избииении ведёт к более глубоким духовным понятиям о страхе и наказании, как их трактуют отцы церкви и как они были заложены в нравственных устоях в том же Домострое, но Толстой в них не углубляется.

Изначально, анализируя характер героя, можно было провести параллели с Онегиным, Печориным, Рудиным или Обломовым, т. к. в их «жизни нет им дела, которое бы для них было жизненной необходимостью, сердечной святыней, религией, которое бы органически срослось с ними, так что отнять его у них значило бы лишить жизни» [10, с. 211]. Особенно ярко прослеживается традиция А. С. Пушкина в данном аспекте. Но Толстой показывает благотворное влияние новых тенденций. Герой постепенно меняется. Вектор развития направлен на самоуглубление. Из вспыльчивого, амбициозного, горделивого и порой жёсткого дворянина он становится более рассудительным, о чём свидетельствует приведённый монолог, начинает пытаться понять происходящее и свою роль во всём этом: «Значит, надо чего-то ещё понять. Нынче тихие – не ко двору. Хочешь не хочешь – карабкайся...» (с. 553). Эта мысль становится основополагающей для внутренней метаморфозы героя.

Впоследствии прозаик выводит Василия Волкова из ткани повествования не только

потому, что миссия закончена, но и чтобы подчеркнуть его отстранённость от житейских интересов, которые носят сугубо светский характер. Герой погружается в мир наук, которые требуют сосредоточенности и внимания. Он начинает вести несколько отшельнический образ жизни, концентрируясь на главном, не распыляясь на внешнюю мишуру придворной жизни, которой так пленяется его супруга. Поэтому о нём мы узнаём только из рассказа сестры Гаврилы, Саньки: «Василия не всегда выпускают к гостям, да он тому и рад, – стал совсем тихий, задумчивый, постоянно с книжкой, читает даже по-латыни, ездит на корабельные верфи, по кунсткамерам и на биржу – присматривается...» (с. 658)

Заключение

Таким образом, используя разнообразные художественные средства, А. Н. Толстой показывает внутренний драматизм и сложный психологический мир персонажа, акцентирует внимание на том, что неизбежность положения толкает царского стольника на саморазвитие. При этом героем движут не тщеславие или желание занять при дворе высокий пост. В нём сохраняются и даже развиваются тихий нрав и смирение, т. е. можно говорить о том, что в Волкове соединились две традиции развития. Но если в Бровкине, например, всё ещё просыпается обычный русский мужик, то Василий идёт по пути соединения духовного и научного развития, сохраняя старое и приумножая его с лучшими достижениями европейской науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюкова А. М. А. Н. Толстой и русская литература: Творческая индивидуальность в литературном процессе. М.: Наука, 1990. 260 с.
2. Акимов А. С. «История России с древних времён» С. М. Соловьёва как исторический источник романа А. Н. Толстого «Пётр Первый» // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сборник статей. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 234–247. DOI: 10.22455/A1_T_3034-2929-4-234-247.
3. Голубков С. А. Функции комически оттенённой драматургической ремарки в прозе А. Н. Толстого // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сборник статей. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 175–194. DOI: 10.22455/A1_T_3034-2929-4-175-194.
4. Грачева А. М. О своеобразии авторской позиции в русском реалистическом романе 1910-х гг. («Две жизни» и «Хромой барин» А. Н. Толстого) // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сбор-

- ник статей. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 16–30. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-16-30.
5. Богданова О. А. Своеобразие «усадебного топоса» в произведениях А. Н. Толстого 1910-х гг. // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сборник статей. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 9–21.
 6. Полоумова П. И. Образ дома в цикле А. Н. Толстого «Заволжье» // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сборник статей. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 31–38. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-31-38.
 7. Богатырев А. В. Изображение Речи Посполитой XVII–XVIII вв. в романе А. Н. Толстого «Пётр Первый» // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сборник статей. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 278–290.
 8. Бердяев Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Париж: YMCA-Press, 1991. 342 с.
 9. Аристов В. В. Роман А. Н. Толстого «Пётр Первый»: историческая реальность и художественный вымысел // Алексей Толстой: Диалоги со временем: сборник статей. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 195–233. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-195-233.
 10. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935. 456 с.

REFERENCES

1. Kryukova, A. M. (1990). *A. N. Tolstoy and Russian Literature: Creative Individuality in the Literary Process*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
2. Akimova, A. S. (2024). S. M. Solovyov's History of Russia from Ancient Times as a Historical Source for A. N. Tolstoy's Novel "Peter the Great." In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 4*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 234–247. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-234-247 (in Russ.).
3. Golubkov, S. A. (2024). The Functions of Comically Tinted Dramatic Remarks in A. N. Tolstoy's Prose. In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 4*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 175–194. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-175-194 (in Russ.).
4. Gracheva, A. M. (2024). On the Originality of the Author's Position in the Russian Realistic Novel of the 1910s (A. N. Tolstoy's "Two Lives" and "The Lame Master"). In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 4*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 16–30. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-16-30 (in Russ.).
5. Bogdanova, O. A. (2019). The Peculiarity of the "Estate Topos" in A. N. Tolstoy's Works of the 1910s. In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 3*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 9–21 (in Russ.).
6. Poloumova, P. I. (2024). The Image of the House in A. N. Tolstoy's Cycle "Trans-Volga Region." In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 4*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 31–38. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-31-38 (in Russ.).
7. Bogatyrev, A. V. (2019). The Portrayal of the Polish Lithuanian Commonwealth of the 17th–18th Centuries in A. N. Tolstoy's Novel "Peter the Great." In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 3*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 278–290 (in Russ.).
8. Berdyaev, N. A. (1991). *Collected Works. Vol. 3*. Paris: YMCA-Press (in Russ.).
9. Aristov, V. V. (2024). Tolstoy's Novel "Peter the Great": Historical Reality and Fiction. In: *Alexey Tolstoy: Dialogues with Time: A Collection of Articles. Iss. 4*. Moscow: Gorky Institute of World Literature publ., pp. 195–233. DOI: 10.22455/Al_T_3034-2929-4-195-233 (in Russ.).
10. Dobrolyubov, N. A. (1935). *Collected Works. Vol. 2*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoi literatury publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Червоненко София Михайловна (г. Мытищи) – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал);
e-mail: sm1705@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia M. Chervonenko (Mytishchi) – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of Linguistics, Bauman Moscow State Technical University (Mytishchi Branch);
e-mail: sm1705@mail.ru

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-146-156

НОВЫЙ ИСТОРИЗМ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНОВ Г. ЯХИНОЙ

Чжан Цзясинь^{1*}, Лю Линъюй²

¹Военно-морской инженерный университет Народно-освободительной армии Китая, г. Ухань, Китайская Народная Республика

²Университет Китайской академии социальных наук, г. Пекин, Китайская Народная Республика

*Корреспондирующий автор, e-mail: 747014966@qq.com

Поступила в редакцию 20.11.2025

После доработки 02.12.2025

Принята к публикации 09.12.2025

Аннотация

Цель. Выявление тесной связи между теорией нового историзма и тремя романами Г. Яхиной. На этой основе с помощью теории нового историзма в статье объясняется, как Г. Яхина через литературные тексты восстанавливает, обогащает и дополняет художественными деталями историю Советского Союза первой половины XX в., тем самым раскрывая свои творческие намерения.

Процедура и методы. В данной статье используется теория нового историзма для анализа трёх романов Г. Яхиной. При проведении исследования применён метод текстового анализа.

Результаты. Проведённый анализ показал, что романы Г. Яхиной раскрывают «текстуальность истории». Писатель с помощью «историчности текста» достигает слияния литературы и истории. Романы Г. Яхиной разворачиваются на фоне большой истории, но начинаются с перспективы малых людей, превращая масштабную историю в повседневную жизнь, маргинализируя центральный дискурс. Таким образом, она выявляет неслышные до поры частные голоса и скрытые эпизоды. В то же время Г. Яхина сосредотачивает внимание на судьбах простых людей, истории их страданий, будит в читателях искреннее сердечное сопереживание и тем самым продолжает гуманистические традиции русской литературы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволит лучше понять романы Г. Яхиной, а также вдохновит читателей на интерпретацию произведений Г. Яхиной с новой теоретической точки зрения.

Ключевые слова: гуманистические традиции русской литературы, дискурс, историчность текста, новый историзм, судьба

Для цитирования:

Чжан Цзясинь, Лю Линъюй. Новый историзм в интерпретации романов Г. Яхиной // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 146–156. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-146-156>.

Original research article

THE INTERPRETATION OF NEO-HISTORICISM IN YAKHINA'S NOVELS

Zhang Jiaxin^{1,*}, Liu Lingyu²

¹Naval University of Engineering, Wuhan, People's Republic of China

²University of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, People's Republic of China

*Corresponding author, e-mail: 747014966@qq.com

Received by editorial office 20.11.2025

Revised by the author 02.12.2025

Accepted for publication 09.12.2025

Abstract

Aim. To reveal a connection between the theory of Neo-Historicism and the three novels by G. Yakhina; using the theory of Neo-Historicism, to explain how G. Yakhina, through literary texts, restores, enriches, and supplements the history of the Soviet Union in the first half of the 20th century, thereby revealing her creative intentions.

Methodology. This article uses the theory of Neo-Historicism to analyse the three novels by G. Yakhina. The method of text analysis was applied in the research.

Results. The analysis shows that G. Yakhina's novels reveal the "textuality of history." The writer achieves the fusion of literature and history through the "historicity of the text". The novels of G. Yakhina unfold against the backdrop of grand history, but she begins from the perspective of ordinary people, transforming the large-scale history into everyday life while marginalizing the central discourse. In this way, she brings to light previously unheard, private voices and uncovers hidden episodes. At the same time, G. Yakhina focuses on the fates of simple people, the history of their suffering, evoking sincere heartfelt sympathy in the readers, thereby continuing the humanistic traditions of Russian literature.

Research implications. The results obtained provide a better understanding of G. Yakhina's novels and inspire readers to interpret her works from a new theoretical perspective.

Keywords: humanistic traditions of Russian literature, discourse, historicity of the text, new historicism, fate

For citation:

Zhang Jiaxin & Liu Lingyu (2026). The Interpretation of Neo-Historicism in Yakhina's Novels. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 146–156. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-146-156>.

Введение

Современный российский писатель Гузель Яхина с 2015 г. выпустила три романа: «Зулейха открывает глаза» (2015), «Дети мои» (2018) и «Эшелон на Самарканд» (2021). Их можно отнести к жанру исторического романа¹, т. к. они фокусируются на истории Советского Союза первой половины XX в.: писатель стремится через изображение таких знаковых событий, как коллективизация, ликвидация кулачества, ссылка, гражданская война, Великая Отечественная

война и голод, передать историческую реальность той эпохи. Таким образом Яхина позволяет читателю ощутить глубокое влияние эпохальных перемен на судьбы отдельных людей, через литературное вмешательство в переписывание прошлого достигает слияния литературы и истории, которую считает ещё далеко не полностью обсуждённой. Можно сказать, что она, отталкиваясь от народной позиции, рассказывает историю с точки зрения малых людей, тем самым «малая» история укрупняется, а «периферийная» перемещается в центр. В этом процессе Яхина сосредотачивается на осмыслении исторической правды о стране и судьбах людей в условиях тяжёлых испытаний.

В романах Яхиной наблюдаются последовательность и единство как в выборе тем, так и в содержании. Её произведения в поиске и осмыслении истории тесно связаны с целями теории нового историзма, которая подчёркивает взаимодействие текста и истории. Согласно этой теории, литературные произведения не только отражают историю, но и участвуют в её создании, поэтому в процессе анализа не-

¹ Мы исходим из того, что исторический роман является обобщающим понятием для романов с различной структурой и композиционным строением, в которых рассказываются события более удалённого исторического времени. Главные или второстепенные персонажи могут быть историческими личностями. Исторический роман построен на историческом сюжете и воспроизводит в художественной форме какую-либо эпоху, определённый период истории. Историческая правда в нём сочетается с художественной, исторический факт – с художественным вымыслом, настоящие исторические лица – с лицами вымышленными, вымысел помещён в пределы изображаемой эпохи. Всё повествование в историческом романе ведётся на фоне исторических событий. См.: Николюкин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. Стб. 891–892.

обходимо учитывать исторические документы, культурный контекст и социальную динамику чтобы понять, как автор стремится раскрыть властные структуры и идеологии, присутствующие в его тексте. В данной статье будет использована теория нового историзма для анализа исторической темы в трёх романах Яхиной. Мы также постараемся раскрыть идейные глубины, стоящие за произведениями писателя.

Слияние литературы и истории

«Текстуальность истории» – одна из ключевых теоретических концепций нового историзма [1]. Старый историзм придерживается объективности истории: согласно нему, литературные тексты возникают в конкретном историческом контексте и воспринимаются как отражение истории. Критики старого историзма полагают, что за пределами литературных произведений существует реальная, конкретная история, и задача литературы – отражать эту историю. Согласно этой концепции, история является первичной, а литература – вторичной. Однако новый историзм придаёт одинаковое значение и истории, и литературе. С точки зрения нового историзма история является не объектом, отражающимся в литературе, а текстом, существование которого зависит от человека, и поэтому в нём сокрыта интерпретация исторических событий самим записывающим. Как сказал новый историк Хейден Уайт, «История» – это не только объект нашего исследования и сам процесс исследования, но, прежде всего, это отношение к «прошлому», которое достигается с помощью особого рода письма» [2, с. 43]. Таким образом, история, которую мы воспринимаем, – это всего лишь конструкция, созданная человеком, результат обработки хаотичных исторических событий с определённой целью и логикой, это результат того, как «люди различают, комбинируют, ищут целесообразность, устанавливают связи и формируют целое» [3, с. 6].

Представление официальной истории в трёх романах Яхиной служит примером

текстуальности истории. Все эти произведения разворачиваются на фоне важнейших исторических событий Советского Союза первой половины XX в. Роман «Зулейха открывает глаза» рассказывает о том, как в 1930-е гг. в контексте аграрной коллективизации кулаки и интеллигенция были сосланы в Сибирь, где они начали новую жизнь. Роман «Дети мои» описывает судьбы немецкого населения Поволжья в период с гражданской до Великой Отечественной войны, их перипетии на фоне крупных исторических событий. В основу сюжета романа «Эшелон на Самарканд» положено описание голода 1923 г., в нём показаны условия выживания народа в это тяжёлое время. Коллективизация сельского хозяйства в Советском Союзе 1920–1930-х гг. является одним из важных исторических фонов для романов Г. Яхиной. Она в своих произведениях не только представляет официальное описание событий, связанных с этим процессом, но и изображает судьбы обычных людей на этом фоне, создавая резкий ироничный контраст между ними. В период коллективизации кулаки воспринимались как враги государства, угроза стабильности советской власти. 27 декабря 1929 г. Сталин на научной конференции аграрных марксистов официально объявил политику ликвидации кулацкого класса. 11 января 1930 г. редакционная статья в газете «Правда» призвала «объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов смести его с лица земли»¹. Роман «Зулейха открывает глаза» описывает этот исторический момент: «В середине февраля тысяча девятьсот тридцатого года ЦИК и СНК Татарской АССР примут постановление “О ликвидации в Татарии кулачества как класса”».² В официальном историческом нарративе количество кулаков было весьма велико, и, согласно статистике, «в своей совокупности количество спецпереселенцев за 1930 и 1931 годы составило

¹ Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня // Правда. 11. 1. 1930.

² Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 131.

1803392 человека» [4, с. 143]. Но в романе «Зулейха открывает глаза» говорится, что для выполнения плановых показателей политическое управление Казанской области массово меняло статус невиновных граждан на кулаков, изымало их землю, арестовывало и ссылало их: «И Красная Татария уже к середине марта выйдет по темпам коллективизации на третье место в стране».¹ В авторитетных исторических источниках коллективизация сельского хозяйства описана как величайшее достижение социализма с сокрытием при этом обмана и насилия, связанных с этим процессом. Официальные власти превращали множество невиновных граждан во врагов народа, насильственно ссылали их в Сибирь, что приводило к катастрофическим последствиям.

Национальный вопрос является одной из важных тем, затронутых в романе «Дети мои». В истории Советского Союза национальная автономная политика привела к признанию немецкого населения Поволжья важной национальной группой. В 1924 г. была создана Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья, что стало символом высокой автономии немецкого населения Поволжья. В этот период официальная советская история обычно изображала немцев Поволжья как нацию, верную советской власти и активно участвующую в строительстве социализма. Однако с 1930-х годов с проведением таких мероприятий, как коллективизация, советское правительство начало проявлять сомнения в лояльности немцев Поволжья. Официальная история постепенно начала связывать этот *контингент* с кулацким классом, обвиняя их в негативном отношении к государственной политике в процессе коллективизации. Многие крестьяне немецкой национальности, которые были классифицированы как кулаки, были депортированы или подвергнуты репрессиям. Во время второй мировой войны недоверие советского правительства к немцам Поволжья достигло своего апогея.

¹ Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 131.

Официальное подчёркивание важности национальной безопасности и единства государства привело к маргинализации немецкой национальности, которая стала политической жертвой. В романе упоминается, что в соответствии с приказом № 00439 Н. Ежова была проведена операция против немцев. Этот приказ «призывал «добиваться исчерпывающего вскрытия не разоблачённой до сих пор агентуры германской разведки» и предписывал немедленно арестовывать «выявляемых в процессе следствия германских агентов-шпионов, диверсантов и террористов»».² Операция против немцев привела к множеству ложных обвинений и несправедливых приговоров, тысячи людей были осуждены. В романе очень выразительно изображена сцена, в которой вождь читает отчёт о результатах операции: «Осуждено в альбомном порядке по немецкой линии – 55005 человек. Три пятёрки – прекрасная рифма. Из них приговорено к высшей мере – 41898 человек³. Уж лучше бы написали – 77 процентов: две семёрки – ещё одна рифма, не менее звонкая».⁴ Этот отрывок искусно раскрывает фальшивость советской официальной истории того времени и произвольность её составления.

Голод – это ещё одна важная тема, которой Г. Яхина уделяет внимание, и она получает наиболее полное отражение в романе «Эшелон на Самарканд». Роман рассказывает о событиях 1923 г., когда в Советском Союзе произошёл жестокий голод. Главные герои во главе с Деевым везут пятьсот детей из детских домов и приютов в богатый

² Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. С. 461.

³ Эти числа в романе не были выдуманы Яхиной. Согласно архивным данным, в августе – сентябре 1937 г. по указанию Ежова начались репрессии против советских немцев, которые проводились по образцу «польской операции». Всего по «немецкой линии» были осуждены 55005 человек, из них 41898 человек к расстрелу. См.: Рогинский А. Б., Охотин Н. Г. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Рогинский А. Избранные статьи, выступления, комментарии к научным публикациям, интервью. Поздравления друзей и коллег в честь 70-летия. М.: Международный Мемориал «Звенья», 2016. С. 126.

⁴ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. С. 464.

Самарканд, стремясь спасти их от голода. В период голода миллионы людей потеряли свои жизни. Однако в то время правительство пыталось скрыть масштабы бедствия, пропагандируя справедливое распределение продовольствия и достижения социалистического строительства, обвиняя кулаков и «врагов народа» в экономических проблемах. Это привело к тому, что многие страдания жертв были игнорированы или стёрты из памяти. В романе «Эшелон на Самарканд» Яхина с трагическим подходом, с точки зрения простых людей, правдиво изображает катастрофические последствия голода для жизни народа. В романе, когда впервые представляется исторический контекст, описана катастрофа, вызванная голодом: «Свирепствовал голод: тридцать пять губерний – девяносто миллионов человек – который год стенали непрерывно “хлеба!”. И пусть газеты уже докладывали робко, что голод побеждён, в Поволжье знали – ещё нет; и на Украине знали, и на Урале, и в Крыму».¹

За историческими текстами скрывается идеология властных элит. Официально о том времени не было сказано полностью объективных и фиксированных фактов, но было представлено тщательно сконструированное, не нейтральное повествование, отражающее позиции и интересы официальной идеологии. Когда люди осознают ложность истории, они начинают искать истину. Следует отметить, что как в исторических исследованиях, так и в литературных произведениях уже существует много обсуждений истории Советского Союза первой половины XX в., но, по мнению Яхиной, этого всё ещё недостаточно. Она считает, что первые двадцать лет советской власти были наиболее важным и решающим периодом в истории государства, и все они происходят из этой эпохи, связи с которой невозможно разорвать. А «так долго советскому человеку не давали говорить о перенесённых трагедиях – о раскулачивании, о массовом голоде, о депортациях и ссылках – что одного только

“дискуссионного” десятилетия 1990-х – недостаточно. Семейные истории, полные умолчания, затаённой боли и невыплаканного горя, эхом передаются по поколениям и до сих пор корёжат людей»². В то же время Яхина считает, что «правды о трагических событиях, происходивших в прошлом веке, было сказано не так уж и много. Скорее, было сказано много неправды»³, и в интервью заявляет: «Хватит уже смотреть – хватит быть наблюдателями истории своей страны и собственной жизни. Советское – это не объект, это субъект: оно живёт в нас и управляет нами, как бы мы ни хотели это отрицать. В отношениях с советским прошлым объекты – мы»⁴. Яхина считает, что нужно максимально честно и открыто обсуждать прошлые годы, скрытые под покрывалом молчания, и что поиск истины – это проявление уважения к себе. «Если мы можем достаточно взвешенно и без ярости говорить и обсуждать наше достаточно непростое прошлое, для меня это признак силы. Если государство способно так обсуждать это прошлое и относиться к нему спокойно, не яростно, это признак сильного государства»⁵. Таким образом, воссоздание истории и снятие покрова с болезненных воспоминаний прошлого становятся для Яхиной попыткой исцелить внутренние травмы современников и восстановить связь между поколениями. Безусловно, Яхина использует

¹ Яхина Г. Ш. Эшелон на Самарканд. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 84.

² Яхина Г. Ш. «Можем себе позволить». Колонка Гузель Яхиной о советском вчера и сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://style.rbc.ru/imp/ressions/604a3d789a7947c5b4cfd743?ysclid=lp1hzcdbd iu478890596> (дата обращения: 25.05.2024).

³ Яхина Г. Ш. Нельзя строить историю, словно роту солдат [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/954057/daria-efremova/nelzia-stroit-istoriiu-slovno-rotu-soldat> (дата обращения: 25.05.2024).

⁴ Яхина Г. Ш. «Можем себе позволить». Колонка Гузель Яхиной о советском вчера и сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://style.rbc.ru/imp/ressions/604a3d789a7947c5b4cfd743?ysclid=lp1hzcdbd iu478890596> (дата обращения: 25.05.2024).

⁵ Яхина Г. Ш. «Жалко всех»: Гузель Яхина о романе «Эшелон на Самарканд», убийцах поневоле и СССР, что у каждого в анамнезе [Электронный ресурс]. URL: <http://tv2.tomsk.today.tilda.ws/yakhina> (дата обращения: 25.05.2024).

литературный текст для воссоздания, восстановления и дополнения истории.

Здесь следует упомянуть ещё одну важную теоретическую концепцию нового историзма – «историчность текста». «Историчность текста» является концепцией, взаимодополняющей «текстуальность истории». Она означает, что (литературный) текст сам по себе является частью истории: «Текст, связываясь с социальной историей, превращается в “дискурсивное событие”, и его значение не заключается в самом тексте, а в его “связях” с другими социальными и историческими текстами. Литература сама по себе не является статичным существованием с особой “внутренней сущностью”, независимой от других социальных и исторических текстов, а представляет собой “колеблющееся” эхо, которое проходит через различные области человеческой практики» [5, с. 284]. Новый историзм акцентирует внимание на взаимодействии текста и исторического контекста. Литературное творчество не только является продуктом историко-культурной ситуации, но и активно участвует в её формировании и построении. Таким образом, «когда история не может больше нести свою ответственность, текст (литература) обогащает, дополняет и реконструирует историю своим “историческим” содержанием» [6 с. 158]. Литература и история сливаются воедино. Яхина через три своих исторических романа пытается дополнить историческую правду своим собственным способом, побуждая читателей к размышлениям о первых двадцати годах после основания Советского Союза. Конечно, литературные произведения содержат множество вымышленных элементов, однако они являются косвенным отражением реальной истории. Вымышленность не ослабляет историчности текста, напротив, она позволяет читателю воспринимать и осмысливать историю с разных точек зрения.

С распадом Советского Союза трагедия депортированных постепенно стала предметом более открытого осмысления и обсуждения, и «Зулейха открывает гла-

за» появилась именно на этом фоне. Автор превращает большую историю в малую, детально изображая реальную жизнь депортированных, помещая в центр внимания те голоса, которые были игнорированы и маргинализированы. Напротив, общеизвестная великая история в романе служит лишь фоном для сюжета. Выживание в крайне жестоких условиях таких малых людей, как Зулейха, изображается в романе крупно и подробно. Их судьбы кажутся абсолютно противоположными тем достижениям в государственном строительстве, которые пропагандировались официальной идеологией, но именно в этих неизвестных уголках мира тысячи людей умирали в нечеловеческих условиях. Изображённые в романе люди старого мира не являются врагами государства, они невинные жертвы, которые любят свою страну, являются частью народа и стоят вместе с ним. Они обладают благородной душой, а в условиях жестокого исторического давления, в борьбе за выживание они проявляют самые трогательные чувства и любовь к ближнему. Роман Яхиной продолжает критические размышления целой плеяды русских прозаиков о коллективизации, которые отражены в повестях А. Платонова «Котлован» (1930), С. Залыгина «На Иртыше» (1964), трилогии В. Белова «Час шестой» (1972–2002), рассказе В. Тендрякова «Хлеб для собаки» (1969–70) и многих других.

В романе «Дети мои» Яхина подробно показывает, как немецкое население в течение нескольких веков интегрировалось в Россию, полюбило эту землю и стало неотъемлемой частью государства. Эта часть содержания сосредоточена в эссе Баха: «В сердцах же гнадентальцев живёт воспитанная детскими играми тяга к подвигу – к защите родного дома от врагов и захватчиков: не ради славы или признания, а только ради выражения своей бессловесной любви к родине...»¹ «Родиной называли уже поволжские степи».² Для романа «Дети мои» подобран уникальный материал. Яхина,

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. С. 186.

² Там же. С. 190.

опираясь на немецкую культурную традицию, представляет жизненное состояние малоизученной группы немцев Поволжья в Советском Союзе, подробно и ярко изображая их народные обычаи и традиции, которые редко попадают в поле зрения. В произведении Яхиной немцы – это не бездушные цифры, наполненные враждебностью, как в официальных исторических документах, а живые лица, полные любви к своей родине.

Роман «Эшелон на Самарканд» почти с самого начала до конца описывает голод и катастрофические последствия, которые он принёс для народа. Голод был всеобщей бедой, и Яхина использует форму романа-путешествия, чтобы показать ситуацию в разных регионах. Герои романа во главе с Деевым отправляются из Казани, проходят через Свияжск, Урмалы, Сергач, Арзамас, Бузулук, Оренбург, Аральск, Казалинск и Аресь. Везде, куда они прибывают, они сталкиваются с бездомными, иссохшими от голода и измученными беженцами. Голод забрал жизни миллионов людей, и когда он накрыл тысячи семей, люди, кажется, становятся равнодушными, и значение каждого отдельного человека теряется. Однако в романе Яхиной каждый человек, борющийся с голодом, независимо от того, насколько он мал, имеет имя, характер и одарён авторским сочувствием.

На основе обработки различных материалов Яхина представляет события этого страшного периода в форме романа. Она, углубляясь в жизнь малых людей в контексте большой истории, рисует индивидуальные судьбы тех, кто был игнорирован или забыт в историческом потоке. В её произведениях голос малых людей получает заслуженное место, становясь ключом к размышлениям об истории и пониманию человеческой природы. Таким образом, Яхина находит в литературе пространство для яркого изображения тех героев, которые были незаметны в рамках большой истории, тем самым раскрывая сложность и многогранность исторического процесса.

Любовь и милосердие в эпоху страданий как подлинный источник жизни в сюжетах романов Г. Яхиной

Конечная цель нового историзма заключается в том, чтобы «метафорически отразить состояние существования человеческой личности» [7, с. 5]. Цель Яхиной, изображающей реальную историю, заключается не только в объективном осмыслении прошлого своей страны, исцелении внутренних травм современного человека, но и, что более важно, в том, чтобы услышать голос простых людей, показать условия существования каждого обычного человека в особую историческую эпоху и призвать к вниманию к личности.

Гуманизм является ключевым словом для трёх романов Яхиной, в которых писатель выражает глубокое уважение и сочувствие к своим персонажам. В то же время между чрезвычайно тяжёлым историческим фоном и духовной силой героев, преодолевающих страдания, возникают яркое противоречие и удивительное сочетание, которые взаимно дополняют друг друга, значительно усиливая эмоциональное воздействие романов. В романе «Зулейха открывает глаза» главные герои были депортированы в Сибирь, и те бесчеловечные испытания, которые претерпела эта группа спецпереселенцев, вызывают содрогание. В официальных исторических нарративах сталинской поры ссылка часто подаётся как необходимая мера для предотвращения восстаний, расколов или проникновения враждебных сил. Её рассматривают как законный политический инструмент, направленный на сохранение целостности государства и стабильности общества. Ссылные изображаются как те, кто с помощью принудительных работ вносят свой вклад в строительство и развитие страны. Такая версия истории акцентирует внимание на целесообразности и необходимости ссылки, скрывая её репрессивный характер и жестокость. Отношение коменданта Игнатова к особым переселенцам в значительной степени отражает официальную позицию: «Долго вы пили кровь трудового

крестьянства. Пришла пора искупить свою вину».¹ В романе есть эпизод, который косвенно отражает бесчеловечное отношение к переселенцам: «Так, постепенно, Игнатов доходит до конца ленинградского списка. Несколько не то учителей, не то университетских преподавателей; типографский работник; банковский служащий; пара заводских инженеров или механиков; домохозяйка и пара людей без определённого занятия (тунеядцы – язва на теле общества) и даже невеста как затесавшаяся в это общество модистка. В общем: рухлядь, еденное молью старичье, пыль истории».² Игнатов холодным взглядом оценивает людей в списке, рассматривая их как «пыль истории», что отражает тот факт, как в советской системе происходило полное обезличивание простых людей. Репрессированные не воспринимаются как живые личности, а сгруппированы в некую субъективно сконструированную враждебную общность. Под авторитарной системой судьба индивида становится хрупкой и непредсказуемой, а холодное отношение Игнатова отражает утрату человеческого достоинства в условиях политического насилия, являясь глубокой исторической трагедией. Яхина в своём романе призывает к возвращению человечности; персонажи, которых она изображает, несмотря на тяжелейшие исторические условия, продолжают проявлять светлые черты человеческой природы. В романе «Зулейха открывает глаза» группа спецпереселенцев оказывается брошенной в диких лесах у реки Ангара в Сибири. Чтобы выжить, им приходится бороться с суровыми природными условиями. Уже почти зима, и у них нет ничего, что могло бы помочь выжить. Тем не менее, несмотря на атмосферу подавленности и отчаяния, эти люди не теряют надежды и, вместо того чтобы проявить худшие черты человеческой природы, наоборот, объединяются, помогают друг другу и борются за жизнь. Вера спецпереселенцев в жизнь,

проявленная ими любовь и теплота в крайней тьме трогают до глубины души. Роман направлен на передачу веры в жизнь и любовь между людьми. Какой бы жестокой ни была историческая эпоха, есть люди, которые верят в лучшее. В современной российской литературе есть немало произведений, похожих на «Зулейху...», наполненных авторским сочувствием, например, «Лавр» Евгения Водолазкина, «Обитель» Захара Прилепина, «Звезда и крест» Дмитрия Лиханова, «Каждые сто лет» Анны Матвеевой и другие. Эти произведения вызывают отклик у читателей прежде всего потому, что в условиях постмодернистского упадничества они позитивно говорят о человеке, дают пример положительных героев, в которых остро нуждается современная литература [см. 8].

Роман «Дети мои» также является произведением, наполненным авторским сочувствием. Главный герой, Якоб Бах, прожил двадцать лет на хуторе Гримм, расположенном на правом берегу Волги, и эта часть повествования занимает большую часть романа. Бах глубоко любил свою жену Клару, и защита её от любых опасностей была для него главным смыслом жизни. Ради Клары он отказался от жизни в деревне Гнаденталь и вместе с ней начал уединённое существование на хуторе. После смерти Клары отчаявшийся Бах на какое-то время решил полностью разорвать связь с внешним миром и остаться навсегда в леднике рядом с любимой женой. После этого дочь Анче, продолжение жизни Клары, стала новой духовной опорой Баха. Жизнь Баха и Анче на хуторе является одной из самых ярких и трогательных частей романа. С тонкостью и живостью автор описывает тревоги, страхи, усталость, боль, радость и печаль, которые переживает Бах в процессе взросления Анче, создавая яркий и многогранный образ великого отца. С момента рождения Анче Бах с особой заботой ухаживает за ней. Маленькая Анче быстро начинает управлять жизнью Баха, и он охотно подчиняется этому влиянию, обособленно воспитывая дочь на хуторе. Вся жизненная цель Баха сосредоточена

¹ Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 161.

² Там же. С. 241.

на Анче: свои сказки он пишет исключительно для неё, стремясь создать для неё прекрасный мир. Анче управляет душой Баха, как точно заметил Васька: «Девчонка была чем-то большим – ключом к стариковскому сердцу или даже каким-то куском его».¹ В. Розин считает, что любовь Баха к Кларе и своим детям «относится к лучшим страницам русской литературы; иной раз трудно удержать слёзы и захватывает дыхание от красоты. И как точно и психологически верно описывает автор действия и переживания героев романа» [9, с. 82]. Любовь Баха не ограничивается только его женой и детьми. Поборов свои страхи, он решает отдать последние силы, чтобы внести вклад в жизнь детей, полных любви и надежды. В итоге Бах превращает хутор Гримм в «Детский дом имени Третьего Интернационала», посвящая последние мгновения своей жизни и жизни хутора служению этим детям.

Сюжетная линия романа «Эшелон на Самарканд» предельно проста и ясна: группа во главе с Деевым и Белой на специальном эшелоне перевозит пятьсот беспризорных детей из Казани в Самарканд. На этой основе разворачиваются многочисленные сюжетные ответвления. На протяжении всего пути главные герои сталкивались со множеством непреодолимых трудностей, а тень смерти постоянно нависала над ними. В романе автор прямо указывает на исторический контекст: «В последнее время на просторах родины смерти было так много, будто она и была в стране хозяйка, а вовсе не советская власть. Смерть принимала разные обличья: эпидемии, голод, лютые зимы, лютая бедность, лютый бандитизм».² Однако сюжет романа развивается, как в басне: герои встречают самых разных людей, многие из которых в истории пережили насилие или совершали убийства, но все они без исключения помогают детям, и благодаря им главные герои снова и снова преодолевают кризисы. Эта басня учит нас

тому, что общество продолжает существовать благодаря доброте, скрытой даже в чёрством человеке, и милосердию. Как говорит Н. Букарева, «люди, в исторических катаклизмах способные на убийства и зверства, по отношению к сиротам проявляют гуманность, а значит, не всё человеческое в них погибло» [10, с. 60].

Помимо гуманитарного духа, проявленного героями романа в трудные времена, Яхина также тщательно одаряла героев своей заботой и сочувствием посредством некоторых сюжетных установок и творческих приёмов: писатель знает, что историческая обстановка, которую он изображает, абсолютно жестока и бесчеловечна, поэтому необходимо найти способ сбалансировать эту реальность. В романе «Зулейха открывает глаза» автор нейтрализует реальность страданий с помощью любви между Зулейхой и Игнатовым, и те же соображения учитываются в романе «Эшелон на Самарканд», где любовь и страсть вспыхивают между Деевым и Белой. А в романе «Дети мои» сказка – это подарок, который Яхина дарит Баху. Для Баха сказки были мощным средством борьбы с суровой реальностью. Яхина считает, люди начинают верить в сказки с рождения. Сказки разнообразны и полны нашей жизни. Если мы не верим в сказки, жизнь может оказаться вообще невозможной. В романе «Эшелон на Самарканд» Яхина посвящает целую главу судьбе сироты Загрейки от первого лица, а в конце своего произведения писатель перечисляет имена и прозвища всех пятисот детей, которые были отправлены в Самарканд. Этот эпизод очень сильный. Ни один ребёнок не безымянен. Даже второстепенным героям писатель оказывает полное уважение и заботу, подтверждая их ценность как людей. Яхина также приняла во внимание приём читателей. Сильные кинематографические языковые особенности делают роман полным напряжения и кульминации, что в значительной степени привлекает внимание читателя и позволяет легче принять серьёзный и трагический сюжет. Роман «Эшелон на Самарканд» написан в

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. С. 368.

² Яхина Г. Ш. Эшелон на Самарканд. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 83–84.

захватывающем и авантюрном жанре по этой же причине.

Яхина увлечена описанием истории страны в особые исторические периоды, но более важное внимание она уделяет судьбам людей в этом контексте. Внимательно описывая эпоху страданий, Яхина выделяет лучшее в людях. Деятельная любовь и милосердие становятся духовным ядром романа, его душой, заражая неисчислимое количество читателей. Именно единство между людьми, сострадание и забота позволяли народу выживать в тяжёлых исторических условиях и вместе создавать историю своей страны. Мощная духовная сила, которая проявляется в романе и рождается в эпоху страданий, является тем, что нам нужно сегодня; она помогает осознать прошлое и наполняет нас энергией. Произведения Яхиной – это не только поиск ответов на вопросы истории, но и глубокое исследование человеческой судьбы, которое побуждает нас, изучая историю, обращать внимание на лучшее в людях, на их неистребимую тягу к добру.

Заключение

Три романа Яхиной объединяют в себе литературные приёмы и исторические факты. Произведения Яхиной противопоставляют малую, периферийную историю большой, обеспечивают активное влияние художественного текста на формирование истории. Исторические романы Яхиной полны гуманистической заботы. Русская литература соблюдает гуманистическую традицию. Уникальные религиозные, культурные, исторические и географические особенности многонациональной семьи народов России придают русской литературе глубокий и весомый характер. Русская литература известна своим «могучим этическим долгом, глубокой заботой

о душе, внутренним трагическим духом и великими идеями о возвышенном» [11, с. 1]. На протяжении долгого времени русские писатели сохраняли гуманистический дух в своём литературном творчестве, и эта благородная традиция никогда не прерывалась. Даже в конце XX в., когда господствовали постмодернистские течения, практика деконструкции, всё ещё оставалась группа русских писателей, которые защищали свои позиции, продолжая традиции реалистического письма в русской литературе. Сострадание к слабым, забота о малых людях, стремление к спасению души и наследие добродетелей всегда были важными чертами русской литературы, воплощая её гуманистический дух. Как представитель нового поколения русских писателей, Яхина продолжает гуманистическую традицию русской литературы. Её глубокий интерес и чувство ответственности побуждают её сосредоточить внимание на судьбах малых людей в условиях исторических страданий. Писатель с большим сочувствием описывает их судьбы, оказывая им максимальное уважение и заботу. Это как раз подтверждает слова Н. Бердяева: «Русская литература родилась не от радостного творческого избытка, а от муки и страдальческой судьбы человека и народа, от искания всечеловеческого спасения» [12, с. 63]. Общество существует благодаря любви и милосердию – это абсолютная истина, в которую верит Яхина. По её мнению, если только любовь исчезнет, общество обречено на разрушение. В произведениях Яхиной читатель может увидеть цветок человеколюбия, расцветающий в эпоху страданий, и это является духовным ядром её творчества, придающим произведениям глубокий смысл и бесконечное очарование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Greenblatt S. J., Gunn G. Redrawing the Boundaries. New York: The Modern Language Association of America, 1992. 595 p.
2. 海登 怀特. “描绘逝去时代的性质”: 文学理论与历史写作. 拉尔夫·科恩主编《文学理论的未来》. 北京: 中国社会科学出版社, 1993. 454 页.
3. 福柯. 知识考古学. 谢强等译. 北京: 三联书店, 1998. 272页.
4. Лоов А. А. Политика большевиков по отношению к кулачеству в начальный период коллек-

- тивизации // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова. 2017. № 3. С. 140–144.
5. 张进. 新历史主义与历史诗学. 北京: 中国社会科学出版社. 2004. 355 页.
 6. 闫吉青. 《烟雾笼罩着古老的阶梯》的新历史主义解读. 俄罗斯文艺. 2012. № 4. P. 154–158.
 7. 李常磊. 威廉·福克纳家族小说的新历史主义研究. 济南: 山东人民出版社. 2022. 297 页.
 8. Матвеева И. И., Крылова С. В. Проблема положительного героя в современной литературе (11 класс) // Русская словесность. 2024. № 3. С. 68–75.
 9. Розин В. М. Художественная реальность романа Гузель Яхиной «Дети мои» // Культура и искусство. 2018. № 10. С. 79–87. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.10.26710.
 10. Букарева Н. Ю. Человек и история в романе Гузель Яхиной «Эшелон на Самарканд» // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2022. № 1. С. 57–61. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.1(40).57-61.
 11. 张建华. 俄罗斯文学的思想功能 // 欧亚人文研究. 2020. № 3. P. 1–6.
 12. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1955. 158 с.

REFERENCES

1. Greenblatt, S. J. & Gunn, G. (1992). *Redrawing the Boundaries*. New York: The Modern Language Association of America.
2. 海登怀特 (1993). “描绘逝去时代的性质”: 文学理论与历史写作. 拉尔夫·科恩主编《文学理论的未来》. 北京: 中国社会科学出版社.
3. 福柯 (1998). 知识考古学. 谢强等译. 北京: 三联书店.
4. Loov, A. A. (2017). Bolshevik Policy Towards the Kulaks in the Initial Period of Collectivization. In: *Proceedings of the Kabardino-Balkarian State University*, 3, 140–144 (in Russ).
5. 张进 (2004). 新历史主义与历史诗学. 北京: 中国社会科学出版社.
6. 闫吉青 (2012). 《烟雾笼罩着古老的阶梯》的新历史主义解读. 俄罗斯文艺, 4, 154–158.
7. 李常磊 (2022). 威廉·福克纳家族小说的新历史主义研究. 济南: 山东人民出版社.
8. Matveeva, I. I. & Krylova, S. V. (2024) The Problem of a Positive Hero in the Modern Literature (Grade 11). In: *Russian Literature*, 3, 68–75 (in Russ).
9. Rozin, V. M. (2018). Artistic Reality of Guzel Yakhina's Novel “My Children.” In: *Culture and Art*, 10, 79–87. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.10.26710 (in Russ).
10. Bukareva, N. Yu. (2022). Human and History in Guzel Yakhina's Novel “Echelon to Samarkand.” In: *Memoirs of NovSU*, 1, 57–61. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.1(40).57-61 (in Russ).
11. 张建华 (2020). 俄罗斯文学的思想功能. In: 欧亚人文研究, 3, 1–6.
12. Berdyaev, N. A. (1955). *Origins and Meanings of the Russian Communism*. Paris: YMCA-Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чжан Цзясинь (г. Ухань, КНР) – преподаватель кафедры базовых дисциплин Военно-морского инженерного университета НОАК;
e-mail: 747014966@qq.com

Лю Линъюй (Пекин, КНР) – докторант факультета русского языка института иностранных языков Университета Китайской академии социальных наук;
e-mail: 2317224@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhang Jiaxin (Wuhan, People's Republic of China) – Lecturer, Department of Basic Sciences, Naval University of Engineering;
e-mail: 747014966@qq.com

Liu Lingyu (Beijing, People's Republic of China) – Dr. Sci. Degree-Seeking Candidate, Faculty of Russian Language, Institute of Foreign Languages, University of the Chinese Academy of Social Sciences;
e-mail: 2317224@qq.com

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ: ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ». М.: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОСВЕЩЕНИЯ, 2025. 266 С.

Колесникова С. М.

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: asya28@list.ru

Для цитирования:

Колесникова С. М. Рецензия на коллективную монографию «Ради жизни на Земле: филологическое исследование текстов произведений о Великой Отечественной войне». М.: Государственный университет просвещения, 2025. 266 с. // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 157–159.

REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH “FOR LIFE ON EARTH: A PHILOLOGICAL STUDY OF THE TEXTS OF WORKS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR.” MOSCOW: FEDERAL STATE UNIVERSITY OF EDUCATION PUBL., 2025

S. Kolesnikova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
e-mail: asya28@list.ru

For citation:

Kolesnikova, S. A. (2026). Review of the Collective Monograph “For Life on Earth: A Philological Study of the Texts of Works about the Great Patriotic War.” Moscow: Federal State University of Education publ., 2025. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 157–159.

2025 г. был объявлен Президентом Российской Федерации Годом 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, Годом мира и единства в борьбе с нацизмом. Монография «Ради жизни на Земле: исследование текстов о Великой Отечественной войне» посвящена бессмертному подвигу русского народа и великому поколению наших предков, которые одержали победу не только на поле боя, но и на уровне культуры, духовности и национальных ценностей.

Монография представляет собой композиционное единство четырёх глав: Глава 1. «Война глазами поэтов»; Глава 2. «О лингвоконцептах текстов военного времени»; Глава 3. «Отражение темы бытия на фронте и в тылу»; Глава 4. «Особенности запечатления войны разнородными языковыми средствами». Авторский коллектив: канд. пед. наук, доц. С. В. Боброва, канд. филол. наук. Т. А. Головина, А. В. Дворенкова, канд. филол. наук И. А. Иванова, д-р филол. наук, доц. Ю. В. Коренева, канд. филол. наук, доц. С. В. Крылова, д-р филол. наук, доц. В. Н. Левина, д-р филол. наук, проф. В. В. Леденёва, канд. филол. наук Т. В. Малинская, д-р филол. наук, доц. Е. Н. Орехова, д-р филол. наук, доц. И. С. Папуша, д-р филол. наук,

доц. Т. М. Фадеева, д-р филол. наук, проф. О. В. Шаталова; ответственные редакторы: д-р филол. наук, проф. В. В. Леденёва, д-р филол. наук, проф. О. В. Шаталова – с глубочайшей ответственностью подошли к подготовке этого издания.

Глава 1. «Война глазами поэтов» посвящена анализу событий, образов героев Великой Отечественной войны, представлений о чести и подвиге в поэзии военных и послевоенных лет. Предметом анализа являются тексты широкого круга авторов: Ю. Друниной, Б. Окуджавы, К. Симонова, А. Твардовского, Н. Рыленкова, Г. Бедновой, О. Берггольц, О. Чухонцева и др.

Глава 2. «О лингвоконцептах текстов военного времени» представляет анализ макроконцепта ВОЙНА, образа-концепта СОЛДАТ, лексико-семантического поля ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. В первом разделе исследуются тексты самых популярных советских песен периода Великой Отечественной войны. Номинация «Великая Отечественная война» рассматривается как концептуальная структура или концептуальное поле (Победа, Война, Мир, Жизнь, Смерть, Скорбь, Любовь, Родина и др.). Песня периода Великой Отечественной войны представлена как элемент этого поля и одновременно самостоятельная концептуальная структура, утверждающая через музыку и слово традиционные ценности, воспитывая и формируя человека, для которого Родина, Дом, Семья, Память, Победа – определяющие жизнь понятия.

Во втором разделе описан образ-концепт СОЛДАТ в военной поэзии и сформулированы его характерные черты для национальной концептосферы: 'истинный патриотизм', 'готовность к самопожертвованию', 'одухотворённость', 'следование нравственным законам и ценностям', 'доброты', 'непримиримость к предательству'.

Глава 3. «Отражение темы бытия на фронте и в тылу» включает три раздела. Первый раздел посвящён описанию времени жизни человека на войне: годы войны ярко представлены метафоризацией

времени и временной локализованностью на оси «Пути человека». Выявлено, что все органы чувств могут опосредованно репрезентировать время жизни: осязание, обоняние, зрение, слух, вкус. Современный человек обращается к временной модусной рамке «воспоминание» и переплетает своё пространство и время с пространственно-временным континуумом прошлых лет. Во втором разделе с лингвистической точки зрения рассмотрен концепт ТЫЛОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ на примере повести А. Г. Алексина «В тылу как в тылу» и дневниковых записей А. А. Первенцева «Тыловые крысы». Концепт ТЫЛОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ представлен ядерным корневым дериватом *тыл* и его производными. Когнитивное ядро концептуального слоя содержит следующие семантические множители: 'люди, работавшие в тылу', 'усердный и ответственный труд / работа', 'героизм'. Анализ показал наличие ряда устойчивых когнитивных признаков и концептуальных слоёв с определённым набором лексико-семантических репрезентантов. Третий раздел представляет характеристики фронтовых будней на материалах военных рассказов К. Симонова «Бессмертная фамилия», «Малышка», «Перед атакой», «Пехотинцы», «Солдатская слава», «Третий адъютант», «Юбилей». В указанном языковом материале рассмотрены основные вопросы: роль средств предикации в изображении фронтовых будней; отражение ежедневного подвига человека на войне с помощью предикатной лексики разных частей речи. Установлено, что имена прилагательные и причастия – слова предикатной лексики – в роли определений выступили точными характеристиками фронтовой и прифронтовой обстановки в разные времена года, а повествование о фронтовых буднях К. М. Симонов ведёт с широким использованием такого ресурса предикатной лексики, как глагол, для характеристики ратного дела.

Глава 4. «Особенности запечатления войны разноразмерными языковыми средствами» представляет полиаспектный анализ средств и приёмов запечат-

ления картин и образов героев Великой Отечественной войны в художественных произведениях, документальных текстах блокадных дневников. Авторами выявлены черты идиостиля писателей, произведения которых были избраны для анализа, получили оценку стилистические доминанты, важные для передачи интенций и оценок, воплощения идейно-эстетического замысла писателей (А. Фадеев, Б. Васильев, А. Адамчук, Д. Гранин, Б. Окуджава и др.). Глава включает четыре раздела: *Глаза как маркёр эмоционального состояния героев романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия»*, в котором исследуются контекстуально выявляемые значения, формирующие определённый микро- или макрообраз, связанный с такой частью портретной характеристики, как глаза, взгляд; *Жизнеутверждающий потенциал улыбки в военной прозе Б. Васильева*, в котором на основе анализа военных произведений «В списках не значился», «А зори здесь тихие», «Завтра была война» характеризуется использование более 268 словоформ с корнем *-улыб-*; *Вставные конструкции в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина*, в котором изучена «Блокадная книга», посвящённая истории личных утрат, переживаний лю-

дей, стоявших на защите Ленинграда; *Роль сложных синтаксических целых в военной прозе Б. Ш. Окуджавы*, в котором исследуется вышедшая в 1961 г. в сборнике «Тарусские страницы» Калужского книжного издательства автобиографическая повесть «Будь здоров, школяр!», ставшая прозаическим дебютом поэта.

Важной отличительной чертой монографии является то, что каждый раздел завершается воспоминанием автора о тех родных и близких, кто участвовал в Великой Отечественной войне, пережил её или остался на поле боя. Это исследование-посвящение нашим общим героическим предкам-освободителям, это дань памяти всем людям, приближавшим великий День Победы.

Обобщая всё сказанное, необходимо отметить, что монография «РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ: исследование текстов о Великой Отечественной войне» победила в номинации «Лучшее научное издание» XIII конкурса на лучшее издание Государственного университета просвещения.

Издание адресовано не только представителям научной общественности (лингвистам, литературоведам, культурологам, историкам), но и широкому кругу читателей, всем, кто хранит память великого прошлого РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесникова Светлана Михайловна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Московского педагогического государственного университета;
e-mail: asya28@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana M. Kolesnikova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Department, Department of the Russian Language, Moscow State Pedagogical University
e-mail: asya28@list.ru

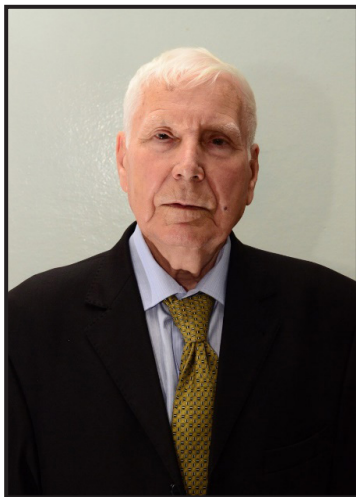
ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ИВАНА ПАВЛОВИЧА ЩЕБЛЫКИНА

Ушёл из жизни выдающийся учёный-литературовед Иван Павлович Щеблыкин (19.01.1928 – 28.04.2026), неизменно долгие годы сотрудничавший с кафедрой русской классической литературы Государственного университета просвещения.

Иван Павлович Щеблыкин – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Всероссийской литературной премии имени М. Ю. Лермонтова, член Союза писателей России, член-корреспондент Международной Славянской академии, почётный профессор Пензенского государственного университета имени В. Г. Белинского, Почётный работник высшего профессионального образования России. В 1999 г. за книгу «Лермонтов. Жизнь и творчество» он получил премию Правительства РФ в области образования. Иван Павлович принадлежал к тому поколению русских учёных, которое в течение полувека боролось с вульгарно-социологической трактовкой художественного наследия русских писателей, отстаивая приоритеты духовно-нравственного начала в изучении и преподавании русской литературы.

С 1967 по 2007 г. Иван Павлович возглавлял кафедру русской и зарубежной литературы Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского, затем заведовал кафедрой журналистики (2007–2014), сформированной по его инициативе.

Уроженец Алтайского края, детство провёл в деревне, в суровые военные годы старшие братья и отец воевали, он с млад-

шей сестрёнкой и матерью работали в колхозе. После окончания войны, в 1946 г., Щеблыкин поступил в Вильнюсский государственный университет на отделение русского языка и литературы, получил классическое филологическое образование. Ему довелось слушать лекции действительного члена Академии наук СССР профессора Дмитрия Ивановича Абрамовича, профессора Василия

Ивановича Кулешова, впоследствии много лет заведовавшего кафедрой русской литературы МГУ имени М. В. Ломоносова.

С 1951 г. И. П. Щеблыкин выступал как литературный критик и публицист в газете «Дон». А в 1959 г., будучи школьным учителем, в МГУ имени М. В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию «Сатирические мотивы и образы в творчестве И. С. Тургенева». С 1960 по 1967 г. И. П. Щеблыкин преподавал теорию и историю русской литературы XVIII–XIX вв. в педагогическом институте г. Нижний Тагил Свердловской области. С 1967 по 2014 г. его научная и общественная деятельность прочно была связана с Пензенским краем. Заведовал кафедрой русской литературы Пензенского государственного педагогического института (ныне – университета) имени В. Г. Белинского. В 1973 г. защитил докторскую диссертацию «Русский исторический роман 30-х годов XIX века» в Московском областном педагогическом институте имени Н. К. Крупской (ныне – Государственный университет просвещения).

В 1985 г. в издательстве «Высшая школа» вышел учебник И. П. Щеблыкина «История русской литературы XI–XIX вв.», лаконично и ёмко характеризующий поэтику нашей словесности, помогающий студентам постигнуть логику художественных произведений, нравственно-духовное, эстетическое содержание шедевров русских авторов.

Особенно следует отметить творческие связи кафедры русской литературы Пензенского государственного педагогического института имени В. Г. Белинского с кафедрой русской классической литературы Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской, которую возглавляла с 1979 по 2009 г. Вера Николаевна Аношкина, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. И. П. Щеблыкина и В. Н. Аношкину сближало многое: единство убеждений, творческая одарённость, удивительная гордость за свою профессию, педагогическое мастерство, преданность делу просвещения, широкие связи с научным и культурным сообществом, совместное издание сборников научных трудов. Иван Павлович был в числе авторов учебника «История русской литературы XIX века 40–60-е гг.» для студентов университетов, изданного под редакцией В. Н. Аношкиной и Л. Д. Громовой (МГУ имени М. В. Ломоносова, 1998). Учебник получил широкое признание, был не единожды переиздан.

И. П. Щеблыкин плодотворно сотрудничал и с другими научными центрами Москвы и России. Регулярно выступал с научными докладами в МГУ имени М. В. Ломоносова, ИМЛИ имени А. М. Горького РАН, Московском государственном открытом университете имени М. А. Шолохова; в вузах Тюмени, Пскова, Тамбова, Саратова, Костромы и других городов страны.

С 1979 г. по 1982 г. Иван Павлович занимал должность проректора по научной работе в Пензенском государственном педагогическом институте имени В. Г. Белинского. А в 2007 г., будучи уже

именитым филологом, возглавил кафедру журналистики, разработал курс по истории отечественной журналистики XX в.

Иван Павлович явился инициатором возрождения общественной межрегиональной организации «Лермонтовское общество» в 2003 г. совместно с областной библиотекой имени М. Ю. Лермонтова города Пензы. Лермонтовское общество было создано ещё в дореволюционную пору, его почётным членом был и Л. Н. Толстой. Иван Павлович приложил немало усилий для того, чтобы воссозданное общество стало межрегиональным, его филиалы открылись в Москве, Самаре, Саранске. Были проведены конференции, опубликованы книги и статьи о великом поэте. Выпущено в более 10 книг, имеющих гриф «Лермонтовского общества». В Москве и Пензе проведено более 30 крупных литературно-просветительских мероприятий. И. П. Щеблыкин активно участвовал в работе Московского филиала «Лермонтовского общества» (председатель – А. А. Сахаров). Не раз выступал с докладами, организованными «Лермонтовским обществом» на базе московской библиотеки имени М. Ю. Лермонтова.

Творческий багаж профессора И. П. Щеблыкина. включает немало книг, монографий, посвящённых творчеству М. В. Ломоносова, М. Н. Загоскина, В. Г. Белинского, статьи о своеобразии произведений Д. И. Фонвизина, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, М. А. Шолохова. Но генеральной линией исследований И. П. Щеблыкина было творчество великого и загадочного русского поэта М. Ю. Лермонтова.

В 1990 г. вышла книга И. П. Щеблыкина «Лермонтов. Жизнь и творчество», опубликованная Саратовским издательством. Именно за этот труд учёный был награждён Премией Правительства РФ (1999) в области гуманитарных наук. Торжественное чествование лауреатов проходило в Кремле 5 октября, премию вручал Председатель Правительства РФ В. В. Путин. Другие книги автора о твор-

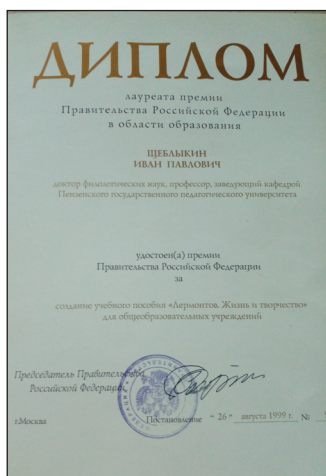

Фото 1–3. Награждение Премией Правительства РФ (1999) в области гуманитарных наук, 5 октября 1999 г.

честве М. Ю. Лермонтова: «Этюды о М. Ю. Лермонтове» (1993, К 180-летию со дня рождения великого поэта), «Страницы лермонтоведения» (2003), «Мой гений веки пролетит...» (2005) – раскрывали пафос утверждения высокого духовного идеала, который поэт стремился принести в жизнь. Идеала столь высокого, что современники подчас (в особенности – светские круги общества) не могли а, возможно, и не желали принять эти горячие порывы лермонтовского духа. Отсюда и горькое сожаление поэта о поколении аристократов, ставших постыдно равнодушными к Добру и Злу (стихотворение «Дума»).

Иван Павлович был инициатором формирования научных сборников, «Лермонтовских выпусков», которые издавались под его редакцией в течение многих лет в Пензенском университете. Авторами статей были учёные со всей страны, которые участвовали в обсуждении актуальных проблем изучения творчества М. Ю. Лермонтова.

Творчеству М. Ю. Лермонтова в XX и XXI в. посвящено немало глубоких и ярких исследований. Таковы, к примеру, труды Д. И. Абрамовича, И. А. Андроникова, Н. Л. Бродского, В. Э. Вацура, С. Н. Дурьлина, В. И. Коровина, В. А. Мануйлова, Б. В. Томашевского, Б. Т. Удодова, Б. М. Эйхенбаума и ряда других. Среди них с полным правом могут быть названы и работы пензенского исследователя – доктора филологических наук, профессора, Лауреата премии Правительства РФ, заслуженного деятеля науки в области образования Ивана Павловича Щеблыкина.

Ещё в годы обучения в университете у Ивана Павловича сложилось впечатление о М. Ю. Лермонтове как о недостижимой поэтической вершине. А при переезде в Пензу интерес к творчеству М. Ю. Лермонтова стал ярко выраженным исследовательским стремлением постигнуть самый дух его поэзии.

Пенза и пензенская земля – знаковое место в истории русской литературы. В 120 километрах от Пензы в селе Тарханы прошли детские годы Лермонтова. В Пензенской мужской гимназии учился молодой В. Г. Белинский. Здание хорошо сохранилось, теперь в нём располагается крупнейший в России литературный музей. В двадцати пяти вёрстах от города

находится село Загоскино, где родился и жил в детстве автор знаменитого романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» М. Н. Загоскин. В 120 километрах от столицы пензенского края располагалась вотчина Радищевых. С Пензой связано творчество и многих других авторов русской литературы. В книге пензенского краеведа и писателя Олега Савина «Пенза литературная» обозначены свыше тысячи авторов разной величины и разного времени жизни и творчества.

Понятно, что это создавало и создаёт благоприятные условия для подготовки исследовательских работ разного направления. И. П. Щерблыкиным было опубликовано 6 монографии и более 100 статей о М. Ю. Лермонтове в различных изданиях. Всего же творческий багаж профессора И. П. Щерблыкина включает в себя около 16 книг, 30 сборников и 300 статей.

Остановлюсь на самых характерных особенностях исследовательских работ Ивана Павловича о Лермонтов. Это постоянное стремление Ивана Павловича выделить в качестве центральной линии в творчестве Лермонтова не «с небом гордую вражду», сводимую многими исследователями советской поры к вражде к социальным условиям жизни в России 30–40-х гг. XIX в., а духовно-нравственную устремлённость поэта, где любовь раскрывается не как интимное чувство, но как неутолимая потребность, жажда гуманности и добра.

В работах Щерблыкина, вслед за Владимиром Сергеевичем Бушиным, фактически снят вопрос о личной враждебности Лермонтова к самодержавию. Эту форму правления Лермонтов связывал с историческими нуждами России, признавал её значение в поэме «Песня про ... купца Калашникова». Поэт, как показывал в своих анализах Иван Павлович, верен был исторической правде, опираясь в создании образа царя Иоанна Грозного на народные исторические песни.

Наконец, в монографиях Ивана Павловича показано, что духовно-нравственные идеалы Лермонтова находились

в постоянном развитии и их реализация, к сожалению, не достигнута и по сию пору нашим обществом. В этом смысле Лермонтов не «наше всё», как Пушкин, а поэт будущего и, конечно же, поэт борьбы за это будущее. Тем более что высокий идеал поэта проявился в эпоху, когда само стремление к Чистому, Прекрасному, Доброму скептически воспринималось большинством образованных молодых людей и не осознавалось как насущная потребность сердца, отягощённого «бременем познания и сомнений». В этом его уникальность и, как показывает Иван Павлович, причина недостаточного интереса современных российских поколений к его творчеству.

И. П. Щерблыкин полагал, что пророческий дар Лермонтова сказался и в новом взгляде на народность, «Бородино» воспроизводит глубинные пласты народного миропонимания и патриотизма. И. П. Щерблыкин был убеждён, что творчество М. Ю. Лермонтова явилось для многих поколений «одним из самых мощных и притягательных источников духовного обновления».¹ И. П. Щерблыкин отмечал необыкновенно мощное воздействие гения Лермонтова на последующие поколения: «...поэтизация активного состояния личности, способной преодолевать не только социальные пути, но и собственную противоречивость», «...воспламеняющая интеллектуальные порывы личности».²

Музыкальная одарённость И. П. Щерблыкина позволила ему предложить свой вариант музыки к романсу М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно». И хотя этот романс привлекал многих композиторов (А. С. Даргомыжский, А. Л. Гурилев), мелодия Ивана Павловича точно передаёт глубинный смысл размышлений поэта.

Публицистическую окраску носят и другие книги исследователя, обращённые к широкому читательским кругам: «Классика

¹ Щерблыкин И. П. М. Ю. Лермонтов. Очерк жизни и литературного творчества. М.: Русское слово, 2000. С. 206.

² Там же.

и современность» (Пенза, 1991), «У истоков русского исторического романа» (Пенза, 1992), «М. В. Ломоносов. Биография» (М., 1993), «Этюды о Лермонтове» (Пенза, 1993), «М. Ю. Лермонтов. Очерк жизни и творчества» (М., 2000), «Грани великих дарований. Новые подходы в изучении литературы» (Пенза, 2001), «Страницы лермонтоведения» (Пенза, 2003), «Виссарион Белинский как журналист и литературный критик» (Пенза, 2008), «Публицистика разных лет» (Пенза, 2010), «Духовно-нравственный фактор и общественный прогресс» (М., Пенза, 2013).

В книге «Грани великих дарований. Новые подходы в изучении литературы» (2001) учёный стремился представить «обновлённое понимание ключевых ситуаций художественных шедевров»,¹ неповторимую красоту поэтического мира, например А. С. Пушкина. Красота «как наиболее совершенное воплощение сущего, всеобъемлющая категория. Она действительно “квинтэссенция” жизни. Её-то и умел с поразительной тонкостью улавливать Пушкин»,² соединяя Красоту с Истиной, философской и психологической верностью осмысления закономерностей жизни. Каждая строчка гения, по убеждению Щеплыкина, с поразительной глубиной раскрывает противоречивость человеческой жизни, не теряя при этом светлый колорит радости бытия.

Иван Павлович неизменно, в каждом очерке связывал разработку методологических принципов с социально значимой проблематикой современности, доказывал необходимость изучения не только эстетических достижений нашей литературы, но и её социальных аспектов, что нашло отражение в названиях статей: «О путях преодоления зла (по Ф. М. Достоевскому)», «А. И. Куприн и наша современность», «Слово и смысл в лирике Ф. И. Тютчева» и др.

¹ Щеплыкин И. П. Грани великих дарований. Новые подходы в изучении литературы: учебно-методологические и литературные очерки. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2001. С. 5.

² Там же. С. 75.

В сборнике статей «Духовно-нравственный фактор и общественный прогресс» (2013) автор стремился раскрыть уникальный опыт классиков русской литературы в постижении духовно-нравственных качеств личности как основу современного развития общества, показать неисчерпаемость смыслов и нравственных уроков художественного слова для молодых поколений, утвердить необходимость формирования самосознания нашего общества в парадигме совести и любви к добру: «Только народ ... , осознающий себя, своё единство, ... не меняющий святых принципов морали и нравственности на чечевичную похлёбку, ... может стать гарантом благополучия каждого из нас».³ И в этом историческом движении к обновлению нашего бытия большую роль сегодня играют СМИ, которые «... самим фактом ... изображения жизненных явлений могут подсказать ... решение...»⁴ Несоответствие между техническими успехами и ослаблением нравственности в современной журналистике необходимо, по мнению учёного, преодолевать через повышения качества образования практических журналистов, возвращение к истокам нравственной оценки всех противоречивых явлений современности, ярче представлять диалектику индивидуального и общественного на страницах СМИ.

И. П. Щеплыкин являлся организатором и участником многочисленных научных конференций, посвящённых актуальным проблемам изучения и преподавания русской литературы, результаты научных дискуссий публиковались в сборниках, газетах, в ведущих журналах («Литература в школе», «Филологические науки», «Русская словесность», «Молодая гвардия» и др.). К участию в научных форумах привлекались видные учёные Москвы, Поволжья и других регионов.

Труды профессора И. П. Щеплыкина останутся в памяти его учеников, аспиран-

³ Щеплыкин И. П. Духовно-нравственный фактор и общественный прогресс: сборник статей. М.; Пенза, 2013. С. 101.

⁴ Там же. С. 104.

тов, коллег, соратников и послужат делу дальнейшего укрепления и развития литературоведческой науки, культуры в целом. Его жизнь является примером неустанного, самозабвенного служения Отечеству, защиты подлинно культурных ценностей.

Выражаю глубочайшую признательность коллективу кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения за тёплые слова соболезнования в адрес родных и близких покойного. Особую благодарность хотелось бы выразить заведующему кафедрой русской и зарубежной литературы, доктору филологических наук, профессору, лермонтоведу Ирине Александровне Киселевой, доктору филологических наук, профессору Татьяне Александровне Алпатовой, доктору филологических наук Ксении Алексеевне Поташовой, кандидату филологических наук Валентине Николаевне Степченковой, а также доктору филологических наук Марине

Семёновне Крутовой за участие в поминальных мероприятиях и добрую память о трудах Ивана Павловича Щеблыкина.

Сердечно благодарю всех членов Московского Лермонтовского общества, председателя Александра Александровича Сахарова за письмо соболезнования, в котором выражена надежда на сохранение исторической памяти: «Московское общество держится, работаем, смею надеяться, что выполняем его заветы. В мае мы отметим 20-летие создания Московского общества, к которому также причастен Иван Павлович». Московское Лермонтовское общество выступило инициатором учреждения Диплома имени И. П. Щеблыкина за активное участие в становлении и развитии лермонтоведения.

*Шевцова (Щеблыкина) Лариса Ивановна,
доктор филологических наук,
профессор, дочь И. П. Щеблыкина*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

2026. № 3

Над номером работали:

Ответственный редактор И. А. Потапова

Литературный редактор В. А. Кулакова

Переводчик В. А. Кулакова

Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 10,5, уч.-изд. л. 13,5.

Подписано в печать: 26.06.2026 г. Дата выхода в свет: 30.06.2026 г. Заказ № 2026/06-11.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2